

63.3(2)712

Т 484

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Г.А.ТРУКАН

**АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВА
РОССИИ**

531069

Центральная городская
публичная библиотека
им. В.В.Маяковского
С-Петербург, наб. р.Фонтанки 44-46

Москва 2000

В книге раскрывается чрезвычайно сложная и противоречивая история антибольшевистского сопротивления, боровшегося в годы Гражданской войны против октябрьского социального эксперимента большевиков. Анализируются такие ключевые вопросы: борьба умеренных социалистов за передачу всей власти демократическому Учредительному собранию как альтернативе диктатуры большевиков, деятельность Комуча и Директории, формирование и раскол антибольшевистского альянса. Исследуются политические программы, основные направления социальной, экономической, национальной и внешней политики правительств Колчака и Деникина. Заговорили ранее сверхсекретные документы архивов и многие события тех лет предстают перед читателем в совершенно новом свете.

Книга рассчитана на историков, политологов, студентов и всех, кто интересуется историей нашего Отечества.

Рецензент
д.и.н. *Е.Г. Гиппельсон*

Работа подготовлена
в Центре изучения новейшей истории России и политологии
ИРИ РАН

ISBN 5-8055-0058-2

© Институт российской истории
РАН, 2000 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня политики и историки мучительно ищут ответ на вопрос: изменились бы наши судьбы, если бы Владимир Ульянов остался простым присяжным поверенным, а Иосиф Джугашвили стал простым священником, о чем мечтала его мать. Или в непостижимом пути истории есть дороги, по которым народы обязательно приходят в назначенные им пункты?

Россия в 1917 г. оказалась ввергнутой в тяжелейший общенациональный кризис, грозивший самому ее существованию. Разные политические партии видели свой путь выхода из грозящей катастрофы. Выбор дальнейшего пути исторического развития происходил в экстремальных условиях мировой войны, экономического развала, разложения социальной и политической структуры страны. Рушились обычные цивилизационные представления людей о правовом порядке и нормах общественного поведения. Возникла почва для социального радикализма и экстремизма, который выливался не только в революционность, но и в анархию. Мировая война нанесла роковой удар по представлению о прогрессе, ценности человеческой жизни, справедливости, породила настроения отчаяния и потребность в идеях, дающих надежду.

Почему же идеи либерализма, идеи социального реформизма, столь популярные в России, оказались не реализованными? Почему победили большевики? Возможен ли был тогда выход из кризиса российского общества без Гражданской войны, которая по масштабам взаимоистребления не имеет аналогов в мировой истории? Эти и другие вопросы истории нашей стра-

ны, которые являются предметом острых споров, находятся в центре внимания автора.]

Твердо уверовавший в социалистическую идею, обладая фантастической целеустремленностью, вождь большевиков В.И. Ленин все свои усилия направил на то, что казалось ему самым важным — на завоевание власти. Имея в руках власть, он рассчитывал прорваться к социализму, несмотря на незрелость материальных предпосылок и низкий уровень общей и политической культуры большинства народа, и переделать социально-экономические и политические отношения в стране. Отсюда ставка на «диктатуру пролетариата», которая насильно потащит большинство населения к социализму. Что бы о Ленине ни говорили, когда стало очевидным крушение многих надежд «кремлевского мечтателя», его надо видеть в его времени, когда Россия стала эпицентром вселенских потрясений. Ленин был убежден, что предложенный им путь к равенству, свободе и социальной справедливости — самый прямой и верный.

Большевики, захватив власть в результате Октябрьского переворота, сразу приступили к осуществлению ленинского плана переустройства страны и общества. Но на всенародных выборах Учредительного собрания большевики проиграли партии социалистов-революционеров, получивших абсолютное большинство голосов избирателей. Лидер эсеров и идеолог крестьянского социализма В.М. Чернов стал председателем Учредительного собрания.

В стране сложилась парадоксальная ситуация: потерпевшие поражение на выборах большевики продолжали управлять Россией от имени меньшинства народа, а партия эсеров, получившая вотум доверия большинства избирателей, тщетно пыталась взять власть у побежденных мирным парламентским путем.

Чернов, отвергая марксизм как устаревшую доктрину, считал, что в России имеются все условия для крестьянского, русского социализма, позже названного им «конструктивным» в противоположность большевистскому «деструктивному». Опираясь на крестьянскую общину, сельскую кооперацию, отмену частной собственности на землю и уравнительное землепользование, Чернов предлагал двигаться к социализму постепенно, проводя аграрную и индустриальную социализацию исключительно демократическими методами. В отличие от марксистов, он не признавал классовую борьбу главной движущей силой

исторического развития. Опираясь на социалистическое Учредительное собрание, Чернов рассчитывал построить эсеровскую модель социализма без катастрофических социальных потрясений, в интересах подавляющей части населения России.

О своем праве решать судьбу России заявила еще одна политическая сила — белое движение. Оно возникло как противовес революционным массам и выдвинуло своей главной задачей свержение большевиков. Ядро белого движения составляли боевые генералы и офицеры, патриоты своей Родины, участники мировой войны. По какому пути идти — на этот вопрос у них ответа не было. Белое движение было идеологически раздроблено и к решению стоящих перед страной исторических задач не подготовлено. Не было у белых и признанного вождя, способного зажечь сердца россиян новой идеей. Не имея широкой социальной опоры, они сделали ставку на военную диктатуру.

Отстаивая монополию своей партии на власть, большевики прибегли к насилию и разогнали Учредительное собрание. В нашей литературе многие годы доказывалось, что народные массы встретили с одобрением действия большевиков. На самом деле разгон Учредительного собрания не приняла значительная часть населения страны, возлагавшая на демократически избранное учреждение большие надежды. Эта акция вызвала и ожесточенное сопротивление других социалистических партий, которые объединились с белым движением в антибольшевистскую коалицию для вооруженной борьбы против ленинского правительства.

На первом этапе Гражданской войны эсеры взяли в свои руки руководство вооруженной борьбой против большевиков, создавая после свержения советской власти эсеро-меньшевистские правительства. Эти правительства выступали под лозунгом утверждения демократии с Учредительным собранием во главе. В книге исследуется деятельность Самарского правительства (Комуча) и Временного правительства (Директории), направленных на создание единой власти и единого командования, что могло бы привести к успеху антибольшевистской борьбы.

Расстановка политических сил кардинально изменилась в результате омского государственного переворота, который бесповоротно разрушил антибольшевистскую коалицию. Разогнав съезд членов Учредительного собрания и Директорию, адмирал

А.В.Колчак освободил белое движение от демократических гирь, мешавших его лидерам осуществить планы полного уничтожения социализма. В ответ эсеры повернули оружие против вчерашних союзников и белое движение оказалось перед лицом общего социалистического фронта. Главными центрами антибольшевистского лагеря становятся правительства А.В.Колчака и А.И.Деникина.

Историки еще не оценили в полной мере влияние Гражданской войны на формирование тоталитарной линии в развитии российского общества и политического строя, на весь ход исторического развития СССР. То, что она приобрела столь разрушительные формы, зависело от трех основных сил: правительства Ленина, антибольшевистских правительств и лидеров западных держав, поддерживавших диктаторские режимы Деникина и Колчака. Общими усилиями насилие превращалось в универсальное средство решения политических и экономических проблем, беспощадно выкорчевывались демократические свободы. В результате тоталитаризм становился наиболее вероятной альтернативой демократической политической культуре, которую отстаивали умеренные социалисты.

Изучение истории антибольшевистского Сопротивления прошло сложный и противоречивый путь. Советские историки были поставлены под жесткий идеологический контроль, в результате чего содержание многих монографий и сборников документов определялось главной задачей — дискредитацией политических противников большевизма. Историки не могли выйти за пределы установок, согласно которым все политические партии, включая и социалистические, делились только на две категории — революционные и контрреволюционные. Делалось это не взирая на то, что многие крупные политики, выдвигавшие свои альтернативы большевистской модели развития России, никак не укладывались в прокрустово ложе подобного деления.

Именно эти установки определили оценку участия эсеров и меньшевиков в антибольшевистском Сопротивлении как антинародного, предательского, обреченного поэтому на провал, а в оценке белого дела основной упор делался на реставрацию монархии, великодержавный шовинизм и ставку на интервенцию.

Эмигрантская литература страдала теми же недостатками, что и советская, но и противоположными акцентами. Авторы

сосредоточивались не на выявлении истины, а в поиске виноватого в поражении антибольшевистского движения, в самооправдании и удовлетворении политических амбиций. Доминировал не критический, политизированный подход к теме. Для западной историографии, опиравшейся на эмигрантские издания и архивы, так же преобладала тенденциозность по отношению к советской историографии, и собственно анализу антибольшевистского движения.

Сегодня существуют условия для открытого обсуждения закрытых прежде для ученых вопросов. Среди них: кто виноват в развязывании Гражданской войны, была ли реальная альтернатива большевистской власти, формирование и раскол антибольшевистского лагеря, политические портреты лидеров и героев антибольшевистского движения, белый и красный террор как государственная политика противостоящих сторон, роль эсеров в разгроме белого движения.

Лишь устранение идеологических барьеров привело историков к осознанию необходимости изучать обе стороны противостояния, борьбы большевиков и их противников равноправными и равноценными для научного знания величинами, включения антибольшевистского движения в общую картину исторического процесса России, как его неотъемлемой части. Такой новый подход обеспечивает объективное освещение переломных событий в жизни страны, позволяет избежать идеализации прежде разоблачавшихся противников большевизма и очередной мифологизации истории.

Только уяснив влияние всех этих факторов, мы будем глубже понимать истоки трагического положения страны на рубеже третьего тысячелетия.

Это особенно актуально сегодня, когда Россия снова переживает смутное время с криминальным разгулом, безудержной коррупцией власти, угрозой вырождения нации, междоусобицами и стоит перед выбором: или позволить снова управлять действительностью от имени какой-нибудь устаревшей догмы, претендующей на универсальное применение во всех странах, или подчинить ее демократическому механизму сдерживания и контроля, который убедительно доказал свою эффективность в наиболее развитых и процветающих государствах.

Глава первая.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА БОЛЬШЕВИЗМУ

Еще накануне Октябрьской революции крупнейшие социалистические партии меньшевиков и эсеров решительно выступили против ленинского курса на социалистическую революцию. Неудивительно, что после прихода к власти большевиков, конфронтация между ними и партиями меньшевиков и эсеров резко обострилась. В основе этого были противоположные оценки характера и перспектив революции, неприятие социалистическими партиями большевистской идеи «диктатуры пролетариата». Отказавшись признать диктатуру большевиков, эти партии, однако, разошлись в определении форм борьбы с ними. Меньшевики были противниками вооруженной борьбы против Советской власти и всякого вмешательства иностранных держав. Эсеры были сторонниками бескомпромиссной борьбы с большевиками вплоть до создания антибольшевистских правительств.

Расхождения между двумя партиями в оценке большевизма становились все значительнее. Лидер эсеров В.М.Чернов, резко критикуя соглашательство меньшевиков, назвал их «адвокатами большевиков» за отказ «от программы свержения большевистской власти силой оружия» и распространений иллюзий медленной мирной эволюции «от большевистской диктатуры к демократическому режиму»¹. Позже, полемизируя с лидером запад-

ных социал-демократов Отто Бауэром, который оправдывал ее необходимость в прошлом и отказа от нее в будущем, назвал его «мастером золотить пилюли». Что означает утверждение Бауэра о том, что диктатура была «навязана течением исторических процессов революции», спрашивает оппонента Чернов, «что большевики не хотели диктатуры и взяли ее скрепя сердце?». В действительности же диктатура — фундамент всей большевистской стратегии и она связана с «изначальной болезнью марксизма — крестьянофобией»².

Подводя итоги многолетнего ожесточенного противостояния большевизма и русского социализма, Чернов подчеркивал в рукописи «Марксизм и демократия», что главный фронт борьбы между ними проходил по линии демократии и отношении Ленина к ней. Чернов яростно критиковал Ленина за его ставку на «диктатуру пролетариата», показав несовместимость любой диктатуры, в том числе и пролетарской, с демократией, в какие бы одежды диктатура не облачалась. Чернов был убежден: большевистский режим обрекал страну на неминуемое движение к тоталитаризму, в сторону от социализма.

«Вынуть из социализма свободу и демократию — значит вынуть из него самого душу», — писал Чернов. От такого социализма остается только то, что отдает «общим котлом казармы и каторжными работами смиренного дома»³. Разумеется, Чернов знал, что большевики тоже широко использовали лозунги демократии в своей политической борьбе. Но для них она являлась «лишь лестницей, ведущей к вершинам власти». А когда они ее достигли, то лестницу уничтожили, чтобы другие не могли ею воспользоваться. Так они поступили с Учредительным собранием, созыва которого так настойчиво добивались при Временном правительстве.

Большевистский социализм Чернов характеризовал как «императивный по форме, деструктивный по существу». Главный политический рычаг для осуществления идей русского социализма, «демократического по форме и конструктивного по существу», он видел в Учредительном собрании. После его разгона эсеры сформировали в Самаре правительство — Комуч как демократическую альтернативу диктатуре большевиков.

По этим вопросам в историографии накоплен большой фактический материал. Но советская литература отличалась идео-

логической зашоренностью: господствовала апологетика всего, что делали большевики и только негативно оценивалось все, что делали противники большевиков. Отсюда выборочный, односторонний подбор и анализ документов эпохи.

Гражданская война — большая трагедия для любого народа. Шрамы от нее остаются на многие десятилетия: погибают идеи, за которые боролись проигравшие, торжествуют идеи победителей, как бы подтверждая правильность избранного пути. Сегодня, когда идеи победителей перестали быть зоной, запретной для критики, стало возможно объективно оценить идеи и действия социалистов-революционеров, которые первыми начали борьбу против социального утопического эксперимента большевиков по насильственному насаждению социализма в отсталой крестьянской стране.

В главе широко используются документы, хранившиеся в закрытых архивах: многотомная стенограмма судебного процесса над ЦК партии правых эсеров и материалы председателя Комуча В.К.Вольского — в ЦА ФСБ, рукописи председателя Учредительного собрания В.М.Чернова — в ГАРФ. Эти источники расширяют прежние представления о возможности демократической альтернативы большевизму, помогают более объективно оценить борьбу партии эсеров против большевистского режима, за утверждение в России демократии с Учредительным собранием во главе.

Лидер партии эсеров В.М.Чернов был не только главным политическим соперником лидера большевиков В.И.Ленина, но и крупнейшим теоретиком социализма, противопоставившим марксистской модели социализма свою модель крестьянского, конструктивного социализма. Его самый фундаментальный труд «Конструктивный социализм» был завершен в эмиграции. Первый том был опубликован в Праге в 1925 г., а второй том долгие десятилетия считался утраченным. Только в 1997 г., найденный после долгих поисков второй том, был опубликован в одной книге вместе с первым томом. Читатели и исследователи располагают теперь историческим памятником социалистической мысли, который объясняет причины неудачного социалистического эксперимента в СССР.

БОРЬБА ЗА УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Свободные выборы в Учредительное собрание в 1917 г. открыли перед страной возможность парламентским путем, без авантюры, крови и Гражданской войны решить все назревшие проблемы будущего государственного устройства России, землепользования, национальных отношений, войны и мира. Учредительное собрание с передачей ему всей полноты власти было программным требованием всех социалистических партий — от народных социалистов до большевиков. Данные по 54 избирательным округам из 79, где голосовало 36,3 млн. чел., свидетельствуют о том, что за социалистические партии проголосовало 87,3% избирателей, а за буржуазные — 6,7%⁴. По данным В.М.Чернова, из 703 депутатов только 64 были несоциалисты, т.е. социалисты составляли более 90%. При этом, около 400, а с примыкающими — абсолютное большинство, представляли народники-революционеры⁵.

Подавляющая часть избирателей России, участвовавших в выборах, проголосовала за социалистический путь дальнейшего развития.

Наиболее приемлемой для 58% населения была эсеровская модель социализма, краеугольным камнем которой была социализация земли. «Социализация есть не что иное, — писал Чернов, — как распространение начал демократического самоуправления на новую область: на земельное хозяйство страны». При этом «хозяйственная» демократия в аграрной области не означала, по мнению Чернова, грубого самодержавия большинства, неограниченной власти «сельского мира» над индивидуумом. Индивидуальное по существу своему «право на землю в новом демократизированном аграрном режиме» играет ту же роль, какую «неотчуждаемые права человека и гражданина» играют в политической демократии. Социализация земли, подчеркивал он, «подводя прочную базу под кооператизацию сельского хозяйства и находя в ней существенное дополнение, открыло деревне путь к социализму, и социализму — путь к деревне»⁶.

Чернов был убежден: вся история России подготовила ее для конструктивного, крестьянского социализма. Во-первых, потому, что огромное большинство русского крестьянского на-

рода веками проходило школу вечевого, общинного самоуправления, вся сельская Русь выварилась в этом стихийном и непреодолимом демократизме. Сила крестьянских миров заключалась и в огромной экономической мощи. Они создали единственный в мире колоссальный «организм аграрного государственно-кооперативного коллективизма». Более 9/10 земледельческого производства России в Февральской революции было в руках трудового крестьянства. Из 500 млн. земледельческой площади состояло в частной капиталистической собственности около 50 млн. десятин, в сельской трудовой собственности (не чисто личной) крестьянской — не более 100 млн. и до 350 млн. т.е. 7/10 в общинном землепользовании, т.е. большая часть — в собственности государства. Из 100 млн. душ земледельческого населения до 3/4 объединены в общины — кооперативы для уравнительного землераспределения и организации земледелия, — более 2/3 объединены в кредитные кооперативы, эволюционирующие в универсально-меновые, до 2/3 хозяйств практикуют в мелких ячейках ту или иную производственную кооперацию. «Таким образом, — считал Чернов, — для позитивного социализма, видящего социальную силу в человеке» Россия представляла «великие и светлые перспективы». Оставалось только тем 9/10 социалистов, которых избрала народная воля, приступить к осуществлению их пожеланий: завершить аграрную социализацию национализацией всей земли, возведением в государственную норму крестьянского уравнительного трудового права, поощрением производительности земледелия с помощью кооперативного строительства, с обращением помещиков в класс сельской культурной интеллигенции. Социализация индустриальная должна проводиться теми же демократическими методами, «которая постепенным внедрением в капиталистические предприятия органов государства и рабочих коллективов», вытеснением элементов паразитарных продуктивными, а бюрократизм и традицию сменить демократической творческой инициативой. «Так индустриальная социализация (обратно схеме Каутского о вращении аграрной социализации в индустриальную) вросла бы в России мирно и органически в ее первичную социализацию аграрную»⁷.

Но для большевиков этот путь был совершенно закрыт и теоретически и практически.

Октябрьская революция победила под лозунгом «Вся власть Советам!», выдвинутым Лениным. Но что означал этот лозунг на практике: единовластие партии большевиков или создание коалиционного правительства из всех советских социалистических партий? Свое единовластие большевики могли сохранить, только опираясь на Советы, противопоставляя их Учредительному собранию. В революционном плюрализме, в комбинировании и Учредительного собрания и Советов как российской модели демократии, заключался исключительный шанс достижения национального согласия.

Лидеры умеренного крыла большевиков Г.Е.Зиновьев и Л.Б.Каменев накануне вооруженного восстания в своем письме «К текущему моменту» отстаивали такой выбор пути. Они считали, что большевики будут в Учредительном собрании сильной оппозицией, а Советы, где они преобладали, станут опорой для революционной работы Учредительного собрания. Однако этот уникальный шанс мирного преобразования России и перехода на социалистические рельсы без потрясений Гражданской войны не был использован по вине всех социалистических партий от большевиков до эсеров.

Ленин и его сторонники усмотрели в комбинации Советов с Учредительным собранием отказ от единоличной власти большевиков, от диктатуры пролетариата в крестьянской стране, без чего они не мыслили движения к социализму. Торжественно обещав на II Всероссийском съезде Советов не только созвать Учредительное собрание но и признать его властью, от которой в последней инстанции «зависит решение всех основных вопросов», он не собирался выполнять свое обещание. Сразу после выборов, Ленин предупредил, что Учредительное собрание «обречет себя на политическую смерть», если оно выступит против советской власти⁸. 28 ноября Совнарком принял ленинский «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции»⁹, направленный и против кадетов-депутатов Учредительного собрания. Тем самым был сделан шаг к разгону Учредительного собрания. А 3 декабря, выступая на II Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, Ленин, несмотря на протесты делегатов, заявил: «Советы выше всяких парламентов, всяких учредительных собраний. Партия большевиков всегда говорила, что высший орган — Советы»¹⁰. Своим выс-

туплением Ленин и левый блок из большевиков и левых эсеров, поддержавших резолюцию об отказе признать приоритет Учредительного собрания над Советами, спровоцировали раскол съезда. Партия эсеров, победившая на первых в истории России свободных выборах в Учредительное собрание, справедливо расценила принятие подобного документа как отказ от демократического народовластия и признание законной узурпации власти большевиками, получившими на выборах только 24% голосов россиян. Эсеры, возглавляемые Черновым, покинули съезд и открыли 5 декабря свой съезд Советов крестьянских депутатов. Съезд, где остались большевики и левые эсеры, занял позицию конфронтации с Учредительным собранием. В резолюции съезда содержалось предупреждение, что всякая попытка Учредительного собрания вступить в борьбу с властью Советов получит «самое решительное противодействие». Революционная власть не остановится и перед «всеми революционными мерами репрессий против учреждений и отдельных лиц, не исключая и членов Учредительного собрания, в тех случаях, когда имеются фактические данные об участии их в заговорах или выступлениях против власти и интересов трудового народа»¹¹. Резолюция развязывала руки большевикам для применения насилия против главного соперника в борьбе за всероссийскую власть — Учредительного собрания.

Превосходный тактик, Ленин использовал ожесточенную борьбу в партии эсеров, заключив политический блок с левыми эсерами, несмотря на кардинальные расхождения с ними по вопросам многопартийности, свободы печати, диктатуры пролетариата, сепаратного мира. Большевики получили столь необходимую им поддержку в драматической ситуации, чтобы удержаться у власти. Без левых эсеров большевики вряд ли смогли бы устранить Учредительное собрание, стоящее на пути ленинского правительства. Ленин, приняв целиком эсеровскую программу социализации земли, заключил очень важный и очень успешный компромисс.

Чернов же проявил себя никудышным политиком, заняв бескомпромиссную позицию и по отношению к большевикам, и по отношению к левым эсерам. Отколовшаяся часть съезда, председателем которой стал Чернов, объявила Совнарком незаконным захватчиком власти, которая должна принадлежать

всему народу в лице Учредительного собрания, а не какому-нибудь классу или партии. «Это не уничтожает влияния и самой деятельности Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а предполагает последних как классовых организаций в качестве опоры власти»¹².

Непримиримость оппонентов, отвергавших политический плюрализм, усиливала социально-политическую конфронтацию в стране, предопределило драматический финал судьбоносного спора. Однако ЦК эсеров, уверовав в безусловный престиж и незыбимость Учредительного собрания, уповая на парламентские методы, не предпринял реальных шагов для защиты Учредительного собрания от возможного насилия со стороны большевиков. По мнению Чернова, против Ленина, следовало бороться «силой слов и организованностью, против казаков Каледина — силой оружия». Создавался роковой предрассудок — с большевиками народ, а потому в отношении их «должна быть иная тактика, чем та, которая применялась прежде в борьбе с деспотией»¹³. Демократия, лишенная вооруженной защиты, становится легкой добычей вооруженных экстремистов.

Учредительное собрание открылось 5 января 1918* г. в Таврическом дворце. Я.М.Свердлов, который по договоренности большевиков и левых эсеров должен был открыть заседание, где-то замешкался и опоздал. Ленин нервничал, так как решался вопрос: быть или не быть его правительству. Позже он назвал рискованным решение допустить созыв Учредительного собрания. По свидетельству В.Д.Бонч-Бруевича, он был бледен «как никогда», сжал руки и обводил «пылающими глазами весь зал»¹⁴.

Воспользовавшись замешательством в левом секторе, фракция эсеров решила перехватить инициативу и предложила С.П.Швецову открыть заседание. Но когда он поднялся на трибуну, его встретил неистовый шум, свистки большевиков. Растерявшись, Швецов объявил перерыв. Но подоспевший Свердлов вырвал из рук председателя колокольчик и от имени ВЦИК объявил заседание открытым и предложил обсудить и утвердить Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, объявлявшей Россию республикой Советов. По существу это

* В книге все события и документы белого движения помечены юлианским календарем, а все советские и западные источники датированы по григорианскому календарю. В отдельных случаях даются двойные даты.

было ультимативное требование проголосовать за диктатуру большевиков под вывеской Советов.

В отличие от этого, речь Чернова, избранного председателем Учредительного собрания 244 голосами против 151¹⁵, носила примирительный характер. Оратор поддержал идею всеобщего демократического мира, отметил «великую волю к социализму трудовых масс России», проявленную в ходе выборов в Учредительное собрание, подчеркнул демократичность «русского социализма», и явно стремился создать условия для совместной работы с большевиками, но при одном важном условии: чтобы они не пытались «столкнуть Советы с Учредительным собранием». Советы, как классовые организации, «не должны претендовать на замещение Учредительного собрания». Отверг Чернов и заявления большевиков о том, что «выборы больше не соответствуют быстро меняющимся настроениям народа». Он твердо заявил о готовности «и вопрос о наших полномочиях, и все наши основные решения поставить на референдум», чтобы положить конец подкопам «под Учредительное собрание, и в его лице — под народовластие»¹⁶.

После выступлений представителей фракций, состоялось голосование по повестке дня. Большинством в 237 голосов против 146 утверждена была эсеровская повестка. Стало очевидно, что большинство отказалось обсуждать Декларацию, принятие которой обрекало Учредительное собрание на роль придатка Советов и означало его самороспуск. Большевики и левые эсеры восприняли это как открытую конфронтацию большинства с советской властью, как открытый вызов всей трудящейся России и потребовали перерыва для фракционных совещаний. Больше они в зал заседаний не вернулись.

Несмотря на это, по предложению Чернова открыли прения и решили не расходиться до тех пор, пока не будет завершено обсуждение подготовленных эсерами документов о земле, государственном устройстве, о мире. Но после настойчивого требования начальника караула Железняк покинуть зал заседаний, Чернов, не сделав ни малейшей попытки сопротивления, предложил принять законопроекты без прений. В спешке, минут за 10-15, были приняты: только 10 пунктов основного закона о земле, отменившего частную собственность на землю, которая переходила в руки трудящихся на ней без всякого выкупа, что

Россия отныне должна быть Федеративной демократической республикой, и обращение к союзным государствам с предложением начать переговоры о заключении демократического мира.

Позже, когда эсеры выступили с оружием в руках против власти большевиков, они объявили эти решения волей «всего народа, волей Учредительного собрания». Однако настоящие демократы явно кривили душой — решения эти принимались не всем Учредительным собранием, а лишь сторонниками Чернова. Ленин и здесь переиграл лидеров эсеров, уведя большевиков и левых эсеров до голосования и лишая оставшихся права на легитимность своих решений.

Сколько же депутатов проголосовало за принятие документов, подготовленных эсеровской фракцией? В зале остались одни сторонники Чернова, а их было не более 244 чел. Следовательно, из 703 членов Учредительного собрания, в голосовании участвовало около одной трети от общего числа. Такие итоги голосования нельзя отождествлять с волей всего Учредительного собрания, из которого были исключены партии большевиков и левых эсеров. Эти решения не могли иметь законной силы, так как были приняты с грубым нарушением норм парламентской демократии. Вот почему решения, принятые рано утром 6 января 1918 г. на заседании лишь части Учредительного собрания не имели большого веса ни в России, ни на Западе.

Этот осколок Учредительного собрания уже не представлял серьезной угрозы власти большевиков. Противостояние его и ленинского Совнаркома закончилось в пользу Совнаркома. На заседании СНК 6 января были приняты тезисы о роспуске Учредительного собрания, а в ночь на 7-е — декрет о роспуске утвердил ВЦИК.

10 января в Таврическом дворце, где несколько дней тому назад провело свое первое и последнее заседание Учредительное собрание, открылся III съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, созванный в противовес Учредительному собранию. Матрос Железняк с гордостью рассказывал с трибуны о том, как он с группой военных легко и просто разогнал «трусливое Учредительное собрание» и под гром оваций заверил собравшихся, «что у революционной армии и флота, у всех чернорабочих революции еще не заржавели винтовки, чтобы задушить капитализм». Такой же классовой непримиримостью дышало

выступление первого и наиболее яркого соратника Ленина в осуществлении его стратегического курса — Л.Д.Троцкого: «Мы знаем Учредительное собрание по его делам, по его составу, по его партиям и по его вождям. Они хотели создать вторую палату, палату теней Февральской революции. И мы несколько не скрываем и не затушевываем того, что в борьбе с этой попыткой мы нарушили формальное право. Мы не скрываем также и того факта, что мы употребили насилие, но мы сделали это в целях борьбы против всякого насилия, мы сделали это в борьбе за торжество величайших мировых идеалов»¹⁷.

Один из лидеров революции — интеллигент, эрудит — и рядовой матрос считали террор неотъемлемым инструментом революции. Революционный экстремизм был свойственен всему кругу людей, поддержавших Ленина, все они были якобинцами.

Разгон Учредительного собрания не приняла значительная часть населения страны, возлагавшая на демократически избранное учреждение большие надежды. Эта акция вызвала и ожесточенное сопротивление части демократически настроенной интеллигенции. Даже патриарх русской социал-демократии и признанный теоретик марксизма Г.В.Плеханов отмежевался от своих прежних соратников и учеников. По его мнению, Учредительное собрание «обеими ногами стояло на почве интересов трудящегося населения России», и разгоняя его, большевики «боролись не с врагами рабочих, а с врагами диктатуры Смольного института». Не имея поддержки большинства трудящегося населения, диктатура Смольного будет «все более и более учащать употребление террористических средств». Плеханов предсказывал, что этот шаг приведет к губельному междоусобию «в среде трудящегося населения России»¹⁸.

Главный противник Ленина в борьбе за власть Чернов обратился к нему с открытым письмом, в котором назвал расстрел мирной уличной демонстрации 5 января и разгон Учредительного собрания «темными и грязными делами», совершенными Лениным, «чтобы расчистить себе путь к власти». Напомнив Ленину о его торжественных и клятвенных обещаниях подчиниться воле Учредительного собрания, Чернов объявил его после разгона собрания лжецом, «обманными обещаниями укравшего народное доверие и затем кощунственно растоптавшего свое слово, свои обещания»¹⁹.

Как Ленин реагировал на обвинения поверженного врага, видно из следующей сценки, которая произошла в его кабинете утром 6 января. Раскольников и Дыбенко рассказывали ему о разгоне Учредительного собрания, тот, «сощутив карие глаза, сразу развеселился», а услышав, что Чернов «не сделал ни малейшей попытки сопротивления», глубоко откинулся в кресло и «долго и заразительно смеялся»²⁰.

Ленин мог торжествовать — ведь больше не существовала угроза «однородного социалистического правительства», где большевики были бы лишь одной из правящих партий, а пост главы правительства Ленин вряд ли мог сохранить. Эта победа над Учредительным собранием позволила большевикам создать двухпартийную социалистическую диктатуру во главе с Лениным. Недолговечный правительственный блок большевиков с левыми эсерами закончился разгромом вчерашних союзников в июле во время работы V Всероссийского съезда Советов. Партия левых эсеров — экстремистское крыло ПСР, не раз спасавшая большевиков от крушения, прекратила свое существование как политическая сила. Все оппозиционные социалистические партии, способные предлагать альтернативы большевистской модели развития России, перестали действовать легально. Победители располагали теперь неограниченной возможностью осуществить ленинскую программу. С этого момента партия большевиков уже ни с кем и никогда не делила политической власти, вплоть до своего краха в 1991 г.

Эту победу большевики одержали благодаря непревзойденному таланту Ленина, способного оценивать в критические моменты политическую ситуацию и принимать рискованные решения, всегда побеждая. Чернов сравнивал Ленина со стальной пружиной, «которая распрямляется с тем большей силой, чем сильнее ее сжали». Умело используя тактику левого блока и менталитет низших слоев народных масс, их глубоко укоренившуюся ненависть к господствующим классам и интеллигенции, жаждущих реванша, Ленин постепенно отсекал наиболее правые части социалистического лагеря: сначала эсеров и меньшевиков в Октябре 1917 г., затем социалистов в Учредительном собрании и, наконец, своих главных союзников — левых эсеров. В ожесточенных поединках с политическими противниками или временными попутчиками, Ленин как полити-

ческий лидер перевешивал не только всех вождей партии большевиков, но и весь лагерь социалистических партий. Ни М.А.Спиридонова, ни В.М.Чернов и Н.Д.Авксентьев, ни И.Г.Церетели, ни Н.В.Чайковский как политические бойцы не шли ни в какое сравнение с Лениным.

Большевизм в результате разгона Учредительного собрания неимоверно окреп, а среди побежденных царило разочарование и безнадежность. Партия эсеров практически раскололась на две части: сторонников разогнанного Учредительного собрания и сохранения в чистоте трудовой демократии без цензовых элементов во главе с Черновым — и сторонников нового Учредительного собрания и коалиции с цензовыми элементами во главе с Авксентьевым, для которых против Ленина был оправдан любой альянс, хоть с самим дьяволом.

Самая крупная и влиятельная партия — партия эсеров, не только упустила исторический шанс направить под флагом Учредительного собрания Россию по пути народовластия и социалистической демократии и построения федеративной демократической Республики, она окончательно распалась на фракции и группы, без единой программы действий и единого руководства. Она постепенно лишилась и активной поддержки деревни — своей главной социальной опоры. По признанию одного из ее лидеров Н.Я.Быховского, деревня «начала убеждаться, что вековечный классовый враг ее совершенно разбит и обессилен, что нет непосредственной угрозы ее завоевания, и что новая власть, санкционировавшая эти завоевания, достаточно прочна», реальные интересы деревни оказались уже несвязанными неразрывно с Учредительным собранием. Поэтому деревня не выступила на защиту Учредительного собрания²¹.

Революционный процесс — непредсказуем и неуправляем. Миф о планировании революции, о том, что она идет за революционерами, опровергается историей всех революций, в том числе и Октябрьской. Большевики, взяв власть, обещали прекрасные вещи: декрет о мире, декрет о земле, рабочий контроль над фабриками и заводами, свободное национальное развитие угнетенных народов — все это давало народным массам надежду на создание нового справедливого общества.

Однако после разгона Учредительного собрания и устранения всех социалистических партий с политической арены, спо-

собных к выдвижению социальных альтернатив, утвердился приоритет безальтернативного развития. Россия двинулась по дороге, которая вела к большевистскому социализму, который ошибочно трактовал русского крестьянина как мелкого буржуа. Другая дорога, которая вела к демократическому крестьянскому социализму, видевшему в крестьянине труженика, не подлежащего экспроприации, по мнению Чернова, была большевиками закрыта. Крестьянский социализм требовал учета своих методов, целей, идеалов. Но большевики во главе с Лениным тогда не приняли это в расчет. Во всех действиях большевиков была своя логика — логика, как им казалось, грядущей всемирной пролетарской социалистической революции, для которой Россия стала первым плацдармом. Уверенность в скором ее начале была тогда всеобщей. Все тогдашние расчеты строились на ожидании ее близкой победы. Фанатическая вера в торжество мировой революции рождала неоправданные надежды и опасные иллюзии, толкала к экстремизму и авантюризму во внутренней и внешней политике, к эскалации насильственных методов строительства пролетарского социализма.

В результате, вскоре после разгона Учредительного собрания, возникла система военного коммунизма, призванная укрепить диктатуру пролетарского меньшинства в стране с гигантским крестьянским большинством. Система эта в экономическом смысле означала отказ от рынка, торговли, денег, а в политическом — отличалась репрессивными и недемократическими чертами, чуждыми социализму. Разработанная Лениным технология власти в условиях однопартийной диктатуры несомненно помогла большевикам удержаться у власти. Однако пренебрежительное отношение Ленина к демократии, предпочтение диктаторским методам обрекало созданную им систему на постепенное перерождение народной революционной власти в антинародную, тоталитарную.

Теперь, с большим опозданием, Чернов и другие догматики народовластия и чистой трудовой демократии осознали, что остановить плуг военного коммунизма, который все глубже перепахивал крестьянскую Русь, а вместе с ней и общественные структуры и ценности, составлявшие общецивилизационную базу общества, можно, развернув вооруженную борьбу против большевистского режима. Самым крупным опытом борьбы «с

оружием в руках» против власти большевиков стал, по словам Чернова, самарский или поволжский «фронт Учредительного собрания»²².

Лидеры умеренных социалистических партий, после своего поражения, находясь в эмиграции, признавая свои многочисленные ошибки и просчеты, пытались ответить на вопрос: могла ли Россия под знаменем Учредительного собрания избежать развития общества в русле советского тоталитаризма? Да, отвечают многие из них, это было возможно. И хотя история не терпит сослагательного наклонения, анализ широкого круга документов большевистской и антибольшевистской социалистической России убеждает в том, что альтернативный путь был вероятен.

Чернов в своей рукописи «Марксизм и демократия» даже ссылаясь на опыт проведения социалистических преобразований мирным эволюционным путем в Швеции и Дании в 20-30-е гг., которые привели к процветанию этих стран. По мнению Чернова, датские и шведские социалисты, придя к власти, придерживались тех же в основном принципов, которые исповедывал он сам. При всей наивности взглядов Чернова и его единомышленников на сельскую общину как опору социализма и на уравнительное землепользование, которое фактически консервировало мелкое нетоварное производство и не могло обеспечить экономического прогресса, они были настоящими демократами. Чернов, европейски образованный человек, крупный теоретик социализма, был начисто лишен качеств борца в отличие от Ленина. Против ленинской дубины большевистской диктатуры его интеллигентность и демократизм оказались слишком тонким и хрупким оружием. Какой социализм построил бы в России Чернов — неизвестно. Но одно можно с уверенностью сказать — он не потребовал бы таких жертв и страданий, какие выпали на долю наших народов, строивших социализм по ленинским чертежам.

Отказавшись от установления режима парламентской демократической республики и противопоставив ей республику Советов, большевики превратили ее в ширму, прикрывавшую неограниченную власть партократии. Разгон Учредительного собрания обострял ситуацию и толкал страну к Гражданской войне. Только создание легитимного социалистического прави-

тельства, опирающегося на Учредительное собрание, могло кардинально изменить как внутрисполитическую обстановку, так и международное положение России. Белые генералы уже не могли после этого развязать крупномасштабные военные действия, а Запад лишился повода для военного вмешательства во внутренние дела страны, сделавшей свой выбор демократическим путем. К несчастью для России, события стали развиваться по наихудшему варианту...

САМАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Сразу же после разгона Учредительного собрания партия эсеров приступила к широкомасштабной подготовке свержения власти большевиков. Однако вскоре ее лидеры убедились в том, что желающих сражаться с оружием в руках под знаменем Учредительного собрания очень мало. По признанию члена ЦК партии эсеров В.М.Зензинова, руководившего подготовкой вооруженного выступления, массы тогда еще не созрели «для вооруженного выступления против большевиков»²³.

Громадное преимущество Ленина, большевистской партии над всеми их политическими противниками заключалось в том, что они придерживались тактики постепенного углубления революции, проведения своей программы не сразу, а по частям. Сначала Ленин стремился сплотить всех крестьян против помещиков, затем, на следующем этапе, он начинал призывать к объединению бедняков против кулаков. Благодаря этому, большевиков поддерживали на первом этапе гораздо более широкие общественные круги страны, чем если бы они сразу приступили к осуществлению своей программы в полном объеме. А сам Ленин, заранее рассчитывая свои тактические шаги, давно и тщательно готовился к проведению в жизнь последующих этапов большевистской программы. Так план классового расслоения деревни и объединения бедняков против кулаков у Ленина был готов еще в 1903 г., и конечно, стоял на очереди в октябре 1917 г., когда большевики сумели привлечь на свою сторону все крестьянство в целом, приняв эсеровскую аграрную программу.

В итоге эсеровские лидеры оказались в решающий момент борьбы в роли генералов без крестьянской армии.

Не удалось им выработать единый план создания антибольшевистского правительства. Правое крыло во главе с Авксентьевым, решившее, что революция все равно уже загублена большевиками и неизбежен приход реакции, призвало партию к осторожной и уступчивой тактике по отношению к крайне правым силам, ради спасения остатков революционных завоеваний. По определению В.М.Чернова, они предвосхищали позднейший лозунг другого лидера эсеров М.Вишняка: «надо самим плыть в фарватере реакции»²⁴.

Стремление объединить антибольшевистские силы любой ценой привело к созданию в апреле в Москве «Союза Возрождения России». В письме Н.Д.Авксентьева, А.А.Аргунова и Б.Н.Моисеенко, написанном позже в Уфе, подчеркивалось, что «Союз Возрождения» возник как «персональное объединение членов партии эсеров, “Единства”, социал-демократов, оборонцев, кадетов и беспартийных». Отвечая на вопрос, что заставило объединиться столь разных по взглядам на будущее страны политических деятелей, авторы письма отвечали: «...любовь к Родине, сознание необходимости совместных действий, национальных усилий, жажда послужить для нации хотя бы одним из кристаллов общенационального демократического фронта... помочь родиться общероссийской власти, как власти представляющей все живые силы страны»²⁵.

Но Авксентьев и его соратники лукавили. Они не сказали главного: им пришлось поступиться принципами, лежавшими в основе эсеровской программы. Главную роль в «Союзе» стали играть кадеты во главе с Н.Щепкиным. А те решительно выступили против использования требования созыва Учредительного собрания образца 1917 г. в качестве главного лозунга антибольшевистского движения. В действительности кадеты взяли курс на единоличную военную диктатуру, которую эсеры впоследствии окрестили «правым большевизмом». Лишь в будущем кадеты соглашались участвовать в выборах нового Учредительного собрания, считая прежнее собрание пройденным этапом, к которому незачем возвращаться. Социалисты, вошедшие в «Союз», приняли ультиматум кадетов.

Для большинства же эсеров этот пункт был неприемлем: они мечтали о возобновлении работы разогнанного большевиками старого Учредительного собрания, способного, по их мнению, направить развитие страны по пути крестьянского социализма, сторонники Авксентьева пошли на уступки сторонникам генеральской диктатуры. Чтобы не оттолкнуть кадетов, они предложили план создания коллективной диктатуры — Директории. О том, как обсуждался и принимался в «Союзе Возрождения» этот план, рассказал на процессе 1922 г. профессор В.Игнатьев, выступавший в качестве свидетеля. В конце мая его пригласила на совещание центральной группы «Союза», состоявшееся в Москве. Присутствовало 10-12 человек: Авксентьев, Аргунов, Болдырев, Моисеенко, Щепкин, Астров, Брамсон и другие.

С докладом о конструкции власти выступил кадет Щепкин, входивший, как и Н.И.Астров, в «Правый центр». Касаясь вопроса о характере и структуре временной власти, он настаивал от имени «Правого центра» на «необходимости восстановить единоличную диктатуру, диктатуру генерала и указывал совершенно определенно имя ген. Алексеева»²⁶.

Авксентьев, видимо почувствовав, что его оттесняют от кормила власти, выступил решительно против этого плана. Он заявил, что временная власть «должна образоваться коллегиально, чтобы в ней были представители всех оттенков политических настроений, входивших в «Союз Возрождения», и социалистические и несоциалистические элементы»²⁷.

В ходе жарких дебатов представителя «Правого центра» оказались в одиночестве и вынуждены были согласиться с коллегиальной формой власти — Директорией. Не удалось им и провести в Директорию М.В.Алексеева и П.Н.Милюкова, так как эти кандидатуры подвергались резкой критике. Пришлось решать вопрос о персональном составе на следующем заседании. И снова Щепкин настаивает на кандидатуре генерала Алексеева, который должен стоять во главе Директории их трех человек и быть одновременно главнокомандующим вооруженными силами. И снова Авксентьев и его сторонники решительно выступают против такой комбинации. В результате обсуждения остановились на Директории из пяти человек: Н.Авксентьева, А.Аргунова, В.Болдырева, Н.Астрова, Н.Чайковского. Все они

дали согласие выехать за линию фронта, чтобы в районе Урала и Сибири приступить к работе, связаться через Владивосток с союзниками и получить от них реальную помощь в борьбе с большевистской властью²⁸. При этом «Союз Возрождения» ставил задачи: продолжение войны с немцами, создание единой твердой власти, возрождение армии и воссоединение разрозненных частей России²⁹. Ни о социализме в России, ни о социалистическом правительстве в платформе «Союза Возрождения» не было сказано ни слова.

Этот план, казалось, мог удовлетворить и кадетов, крутившихся около генералов, и буржуазную демократию, все еще косившуюся на умеренных социалистов — вчерашних товарищей левых эсеров, и мог привести к объединению всех антибольшевистских сил. Не скрывали своего удовлетворения и те лидеры эсеров, которые считали большевиков опаснее для России, чем «представителей старого прогнившего порядка и черной реакции». Один из них, старейший член Учредительного собрания Е.Е.Лазарев, объяснил, что реакция, монархизм и политический деспотизм — силы вчерашнего дня истории человечества, которые неизбежно рассеются, когда «минует смутный период социальной разрухи», и что ближайшее будущее «принадлежит Демократии и Социализму» — нормальному существованию человеческого общества. Большевизм же — «не социализм, а вульгарная пародия» на него. Как когда-то орден иезуитов и святая инквизиция «нанесли страшный моральный удар идее первобытного Христианства», взявшего под свою защиту подавленную старым «языческим» миром живую человеческую личность, так и большевизм «своими догмами и практикой, больше, чем открытая реакция», нанес страшный удар «чистой и святой идее социализма, как учению и общественному движению, стремившемуся воплотить в жизнь идею справедливости и солидарности»³⁰.

ЦК партии эсеров и ее лидер Чернов никогда не соглашались с созданием Директории — коллективной диктатуры, а твердо стояли на позиции: единственный источник власти — Учредительное собрание. Любое правительство — большевистское или антибольшевистское, созданное помимо воли Учредительного собрания и неподконтрольное ему — нелегитимное и антидемократическое. Позже, когда в Уфе формировалось

именно такое правительство, он разъяснял своим соратникам: «Трехголовая, пятиголовая или одноголовая — диктатура остается диктатурой, то есть противоположностью демократии и народовластию. Принципиально здесь, именно здесь, самая убийственная капитуляция»³¹.

План создания власти, разработанный ЦК, коренным образом отличался от плана «Союза Возрождения». Прежде всего, этот план категорически отвергал коалицию с буржуазными партиями. VIII Совет партии записал это в своем решении. Считалось, что предпосылкой создания новой власти станет массовое крестьянское движение, вызванное походом продотрядов в деревню. На заседании VIII Совета отмечалось, что «Самарская и Саратовская губернии в крайне напряженном, предвосстанческом состоянии»³². Центром вооруженной борьбы после Совета был избран Саратов, а Самара и Царицын объявлялись флангами фронта крестьянского движения³³. ЦК было известно и то, что чехословацкие легионы, расположенные в районе Поволжья, «обещали нейтралитет, может быть даже содействие восстанию, хотя более склонялись к отказу от вмешательства в русские дела, требуя себе только свободного выхода из России и присоединения к союзникам»³⁴.

Определив главный регион борьбы за возрождение Учредительного собрания, ЦК направил туда свои главные силы: Д.Донского — в Саратов, Веденяпина — в Самару, на правый фланг, в Царицын — Ф.Федоровича, на Урал — Герштейна и П.Иванова, на Ижевско-Воткинский завод — А.Пятеркина, в Уральск — В.Вольского, на Дальний Восток — Н.Авксентьева³⁵.

Но план ЦК, по признанию члена ЦК Тимофеева, не сработал. События стали развиваться не так, как планировали эсеровские стратеги. Гром пушек чехов был неожиданным для них. И восстание началось не в центре Поволжского фронта, в Саратове, а на его левом фланге — в Самаре. Член ЦК Тимофеев отмечал, что «выступление чехословаков, которое утвердило нашу власть, оно фактически ослабило развитие нашего удара и выступление вышло скороспелым»³⁶. Здесь не было еще массовых крестьянских выступлений, а штаб партии, ее ЦК находился в Москве.

Организованный из военнопленных еще при царском правительстве, прекрасно снабженный и вооруженный на русские

деньги, чехословацкий корпус все время удерживался своим социалистическим комитетом от вмешательства во внутренние дела России. Союзники же рассчитывали использовать его для давления на ленинское правительство после Бреста для восстановления восточного антигерманского фронта. Но только после приказа Троцкого о его разоружении корпус был отпущен. Гражданскую войну. Съезд представителей всех частей оружия не сдавать, оказать большевикам вооруженное сопротивление и силой пробиваться к Владивостоку. Там вместе с антигерманским возник антибольшевистский фронт в Поволжье и Сибири, где была свергнута власть большевиков. Тотчас образовалось два антибольшевистских правительства — эсеровское Самарское и коалиционное Омское.

Вот как описывает этот момент Вольский, ставший главой Самарского правительства. Пробираясь к Уральску, куда он направил ЦК, он в момент выступления чехов оказался в Саратове. Узнав о боевой подготовке эсеров в Самаре к приходу чехов, он по поручению областного повстанческого комитета выехал в Самару «для помощи местным работникам». Там уже шли бои вблизи города. «В дни подготовки взятия Самары я не мог быть полезен в силу полной неориентированности в местных делах, да и в самом расположении города»³⁷.

Получив власть из рук чехов, пять членов Учредительного собрания: И.М.Брушвит, В.К.Вольский, П.Д.Климушкин, И.П.Нестеров и Б.К.Фортунатов утром 8-го июня объявили власть Комитета членов Учредительного собрания. Чернов назвал создание Поволжского фронта Учредительного собрания «самым крупным опытом борьбы с оружием в руках против большевистского жима»³⁸. Целью этой борьбы объявлялась подготовка «условий реального единства России и восстановления демократии социалистическим Учредительным собранием во главе»³⁹.

Кем же были эти люди, смело взявшиеся за решение такой сложной задачи? Несмотря на многочисленные публикации о деятельности Комуца, о его председателе до сего времени остаются весьма скудные сведения. Следственное дело В.К.Вольского, арестованного 25 февраля 1922 г. и хранящееся в ЦА ФС, восполняет этот пробел. Владимир Казимирович Вольский родился в 1876 г. в дворянской семье в Тамбовской губернии. После окончания Тамбовской гимназии поступил на математи-

ческий факультет Московского университета, но со второго курса прекратил учебу. В 1897 г. стал народником и посвятил себя борьбе за лучшую долю крестьян, а в 1903 г. вступил в партию эсеров. «При царе сидел много — 6 раз», — записано в протоколе допроса. В годы войны, как и многие эсеры, отошел от партийной работы и служил в кооперативных организациях Москвы и Твери. После Февральской революции снова включился в активную политическую деятельность, избран товарищем председателя Тверского губернского Совета крестьянских депутатов, затем председателем земской управы и членом Учредительного собрания⁴⁰; по словам Чернова, отличался неприемлемым отношением к большевикам.

Воспитанный на европейской и русской социалистической литературе, Вольский фанатично верил в возможность построения народнического, крестьянского социализма в России, а революционную трудовую демократию считал единственным методом превращения этой идеи в быль. От своих убеждений он не отказался и тогда, когда после ареста 25 февраля 1922 г. предстал перед следователями ЧК.

В ответ на обвинения в подготовке свержения советской власти, он пишет: «Такой цели, начиная с 1919 года, у меня безусловно нет и не было. Уйдя после денкинской мобилизации от ЦК ПСР, отказавшись от борьбы за Учредительное собрание против советской власти и пересмотрев все прежние политические положения партии СР, меньшинство на своих Конференциях и на 7-ом и 8-ом съездах Советов высказывало свои новые позиции, сохранив основные положения революционно-социалистического народничества»⁴¹.

Критикуя монополию РКП(б) на власть, установленную с помощью принуждения, Вольский, тем не менее из двух зол выбирает меньшее: «при всех тяжелых для революции последствий ошибок» власти большевиков, он считает «лучше плохо осуществляемая советская власть, чем поражение революции». При этом Вольский уверен, что «накопление сознательности и организованности в массах», приведет к установлению в стране подлинной власти трудящихся. Для своей же группы, названной меньшинством ПСР и лояльно относящейся к существующей власти, он настаивал лишь на «праве легальной работы и праве участия в выборах»⁴².

Несмотря на давление следователей, Вольский отказался назвать имена своих единомышленников по Центральному Бюро — меньшинства партии эсеров (МПСР) и, отказавшись от дачи показаний до суда, заявил, что он настаивает на том, чтобы его дело «было передано в суд для конкретного и гласного разбора»⁴³.

Группа МПСР создала издательство «Народ», членом правления которого вплоть до ареста являлся Вольский. Своей деятельностью группа «внесла свою лепту в процесс распада партии эсеров и перехода части ее членов на позиции поддержки советской власти»⁴⁴. Однако Вольский продолжал отстаивать право на независимость мнений от господствующей идеологии. И это решило его судьбу. 2 декабря 1922 г. комиссия НКВД по административным высылкам на основании совершенно фантастического обвинения, «за руководящее участие в белоэсеровской организации «Политический центр», поставившей своей целью возглавить Кронштадское восстание и организовать во Всероссийском масштабе восстание против советской власти», без суда приговорила его к трем годам заключения в Архангельском концлагере, т.е. в печально известных «Соловках». Спустя три года Особое совещание при коллегии ОГПУ постановило: по отбытии наказания выслать Вольского «в Киркрай сроком на три года»⁴⁵. В 1937 г. он был расстрелян. В 1938 г. был расстрелян М.Гендельман-Грабовский и умер в Восточном лагере Хабаровского края М.Веденяпин, его ближайшие соратники по Комучу. Видимо такая же судьба постигла и других видных эсеров, пытавшихся в 1918 г. бороться за демократический крестьянский социализм в России.

В пятерке, объявившей о создании Комуча, Вольский был бесспорно самой яркой личностью, имена остальных совсем не были известны стране. Все они не имели никакого опыта государственного руководства и случайно оказались на политической сцене такого масштаба.

Первоначально Комуч соединял в своих руках все ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. Для руководства различными отраслями государственной деятельности были образованы отделы, соответствующие министерствам: финансов, продовольствия, труда, торговли, промышленности и иностранных дел. Управляли отделами члены Комуча. Впоследствии развивалось и более оформленное разделение труда. Но

при всех усовершенствованиях государственного управления, все нити управления оставались в руках Комитета и «принципы каждого акта устанавливались им коллегиально». Только после доклада ведомства на заседании Комитета предлагаемый ими акт считался утвержденным⁴⁶.

Когда в Самару прибыло еще 50-60 членов Учредительного собрания, Комитет провел реорганизацию управления, разделив законодательную и исполнительную ветви власти. Отделы были преобразованы в ведомства и создан Совет управляющих ведомствами или Совет министров для ведения практической политики. Председателем Совета и управляющим ведомством государственной охраны был назначен Е.Ф.Роговский. Позже, уже став коммунистом, член Самарского правительства меньшевик И.М.Майский дал ему такую характеристику: «Я никогда не мог понять, почему эсеры выдвигали на видное место этого мелкого и ограниченного человека. В эпоху Керенского он пробыл три недели в роли петроградского градоначальника и после этого приобрел в партийных кругах репутацию «сильного человека». В Самаре его сделали председателем совета управляющих ведомствами и дали заведовать государственной охраной. Председателем он оказался весьма посредственным, а государственной охраны совсем не сумел организовать»⁴⁷.

Президиум Комуча был введен с решающим голосом в состав Совета управляющих. Он состоял из пяти человек и избирался на один месяц. Вольский трижды избирался председателем этого президиума, что означало приверженность принципам демократии. Президиум имел право приостановить и передать на разрешение Комитета любое решение Совета.

По словам Вольского, коллегиальность пронизывала работу Комитета, «была его принципом, как внутренним, так и ведомственным, была способом избежать бюрократизма сверху донизу». И если и можно было отчасти персонифицировать Комитет в лице его председателя, то только потому, что «он являлся его Пиндаром и философом и вел не индивидуальную, а коллегиальную комитетскую политику». Совещательные коллегии окружали всю работу Комитета, давая ему силу, жизненность и людей. Принцип «коллективного самодержавия», который лег в основу деятельности Комитета, он проводил, не забывая своей «демократической природы и своих демократических целей»⁴⁸.

Вольский не снимал с себя своей доли ответственности за развязывание Гражданской войны, как это делали его соратники, возлагая всю вину только на большевиков. Появившись на исторической сцене как попытка демократической альтернативы большевистской диктатуре, Комитет был вынужден бороться с Кремлем его же методами. По признанию Вольского, «Комитет действовал диктаторски, власть его была твердой, и как сказал однажды товарищ Иванов — жестокой и страшной. Это диктовалось обстоятельствами гражданской войны. Взявши власть в таких условиях, мы должны были действовать, а не отступать перед кровью. И на нас много крови. Мы это глубоко сознаем. Мы не могли ее избежать в жестокой борьбе за демократию»⁴⁹.

Появление на свет Комуча вопреки плану «Союза Возрождения» — создания Директории привело к открытому столкновению в эсеровской верхушке. Ее правые лидеры во главе с Авксентьевым, игнорируя Самару, направились в Омск, чтобы оттуда готовить создание общероссийского правительства на основе коалиции с кадетами вместо чисто эсеровского Комуча.

Направленные в Самару эмиссары Авксентьева Павлов и Аргунов заявили, что ЦК и Бюро фракции эсеров — членов Учредительного собрания считают ошибкой форму организации власти в Самаре, так как Комуч злоупотребляет именем Всероссийского Учредительного собрания. По их мнению, возможность образования аналогичных Комитетов, издающих противоречивые акты от имени членов Учредительного собрания, ведет к умалению престижа Учредительного собрания. К тому же, при организации власти, ведущей Гражданскую войну с большевиками, авторитет «членов Учредительного собрания не может быть использован». Напрасны были возражения членов Комуча, считавших, что «только борьбой за Учредительное собрание и его именем можно поднять массы и влить в них необходимый энтузиазм». Но эмиссары Авксентьева продолжали настаивать: зачем нужен Комуч, если уже решен вопрос о создании Всероссийского правительства, в состав которого «Союз Возрождения» наметил Милюкова, Авксентьева, Алексева, Астрова и Чайковского⁵⁰.

По существу Комучу был предъявлен ультиматум о самоотпуске со стороны авксентьевцев, сделавших ставку на Ди-

ректорию. В ответ лидеры Комуча задумались над тем, не арестовать ли их, но потом отказались от этого и устроили им удобный проезд в Сибирь. Арест члена Учредительного собрания подорвал бы принцип неприкосновенности народных избранников, обязательный для Комуча.

В свою очередь бюро фракции запретило членам фракции входить в Комуч. Выполняя это решение, многие эсеры, прибывшие в Самару, повели буквально атаку на Комуч, формируя отделы «Союза Возрождения» для борьбы с Комучем как самозванным органом. «Мы, пятерка, — говорил позже Вольский, — с нескрываемым презрением отнеслись к этим, именовавшим себя эсерами, бюростам из фракции социалистов-революционеров». В ответ на обвинения оппонентов в авантюризме пятерки Вольский объявил их «злейшими врагами Учредительного собрания, партии социалистов-революционеров и просто мерзавцами»⁵¹.

Конфликт и открытое противостояние черновцев и авксентьевцев привел к тому, что всю государственную работу в Комуче пришлось вести партийному середняку, зачастую совершенно неподготовленному к этому, а все более крупное, по словам Веденяпина, только вставляло «палки в колеса комитетской работы середняка»⁵².

Комитет членов Учредительного собрания объявлял себя временной революционной властью, «имеющей целью охватить всю Россию путем расширения своей территории и влиться в кворум самого Учредительного собрания, которое бы взяло уже законную, а не революционную власть». Задачи национальные были выдвинуты Комитетом как задачи трудовой демократии, которой принадлежало большинство в Учредительном собрании, что «позволило Комитету легко отбрасывать реакционные обвинения в узурпации и большевистских методах захвата власти»⁵³. Одновременно Комуч призвал другие антибольшевистские правительства признать его государственным центром⁵⁴.

Однако другие областные правительства, прежде всего Сибирское, отказались признать за Комучем права общенационального центра, расценив его как партийную эсеровскую власть. Но к этому шагу лидеров Комуча толкали не великодержавные амбиции и авантюризм, а суровая необходимость. На процессе 1922 г. видный эсер Утгоф объяснил, что населе-

ние двух губерний не могло выдержать натиска всей большевистской России без помощи остальных противобольшевистских сил. К объединению с ними и стремилось Самарское правительство, ибо в противном случае «его участь была решена. Одно сопротивляться оно не могло и должно было объединить остальные противобольшевистские государства»⁵⁵. Однако сопротивление авксентьевцев в самой партии, мощный натиск центробежных сил в антибольшевистском движении, неприемлимость идеи Учредительного собрания для всех несоциалистических элементов движения помешали Комучу стать общенациональным центром сопротивления власти большевиков.

Ко всему прочему эсеровские политики, ставшие у кормила власти в Самаре, не имели конкретной программы демократических преобразований. Член ЦК Веденяпин писал в своем отчете в мае 1919 г.: «Партия много уделяла в борьбе с большевизмом внимания на критику декретного творчества, но партией было очень мало сделано для разработки своей конкретной творческой деятельности во всех областях жизни». У нас, признавался Веденяпин, не было даже определенного отношения к декретам большевиков: «уничтожаем ли мы их все, беря власть в свои руки, или вносим к ним только свои коррективы»⁵⁶.

Трудности формирования государственных структур и выработки программы деятельности усугублялись догматической верностью идее старого Учредительного собрания, фактически канувшего в лету.

В силу этой преданности политическому призраку, Комитет с самого начала рассматривал себя как временное учреждение, призванное подготовить почву для созыва разогнанного большевиками Учредительного собрания. В течение всей своей короткой жизни, Комуч чувствовал себя находящимся на полустанке, за которым виднелась огромная станция с подлинным хозяином земли Русской — Учредительным собранием. В ожидании прибытия на узловую станцию Комуч сам не решался браться за выработку тщательно продуманной и оформленной программы преобразований, ограничиваясь самыми неотложными мерами. На всей его работе лежала печать временности: издаваемые законы именовались приказами, а официальные документы начинались словами: «Впредь до восстановления законной власти...».

И все же государственная власть, пусть и временная, не могла нормально функционировать без определенной политической и экономической программы.

Свою приверженность демократии Комуч продемонстрировал, прежде всего, тем, что подтвердил неизбежность постановления Учредительного собрания о государственном устройстве России от 6 января, провозглавившего Россию Демократической Федеративной республикой. Можно критиковать это постановление за отсутствие в нем важнейшего признака федерации — договора, соглашения между центром и субъектами федерации. Не определялись компетенция субъектов, национальных регионов и их государственное устройство. По существу постановление исходило из унитарного характера России. Но демократическая направленность его не может вызывать сомнений. Курс на восстановление власти социалистического Учредительного собрания, принятый Комучем, делал его не прикрытием для контрреволюции, а открытым ее противником.

Все ограничения в свободах, введенные большевиками, отменялись и восстанавливалась свобода слова, печати, собраний, митингов. По словам заместителя председателя Совета управляющих В.Н.Филлиповского, в Самаре фактически существовала газета коммунистов. Об этом все знали, «на нас за это сильно нападали», считая недопустимым давать слово коммунистам, когда идет с ними борьба. Свобода пропаганды, по его словам, ограничивалась тогда, когда раздавались призывы к низвержению существующей власти⁵⁷.

На первом плане стояло «восстановление и развитие нового демократического местного самоуправления»⁵⁸. Выполняя свои обещания, Комуч провел перевыборы в органы местного городского самоуправления на основе всеобщего избирательного права с полной свободой предвыборной агитации (права агитации были лишены большевики и монархисты). Почти везде выборы дали большинство социалистическому блоку.

Советы рабочих депутатов были лишены функций власти, но продолжали существовать как профессиональные организации рабочих. Совет рабочих депутатов в Самаре играл заметную политическую роль. Там выступал председатель Комуча Вольский, а левое крыло вело «пропаганду против Комуча, но реп-

рессий не было». А в целом Совет, по мнению Филлипповского, «поддерживал власть Комуча»⁵⁹.

Формируя демократическую государственную систему управления, Комуч прибегал и к репрессиям, вплоть до применения оружия. В.Зензинов вспомнил, что были случаи расправы с «реакционными» заговорами, а также выступлениями «рабочих, поднятых большевиками», однажды была обстреляна артиллерийским огнем деревня, отказавшаяся дать по набору в Народную армию новобранцев⁶⁰. Вольский также признавал отдельные случаи внесудебных расправ в ходе боевых столкновений. Но это не была политика Комуча. Не допускались только «большевистские силы, ибо это были силы врагов. Но большевиков за убеждения Комитет не преследовал». Комитет, разумеется, не допускал ударов в свой тыл, «пресекая их мерами военного положения»⁶¹.

Комитет вынужден был создать и ведомство охраны, на котором лежала обязанность бороться с течениями, враждебными Комучу. Главная опасность исходила справа, она прежде всего угрожала демократии — заявил выступавший на процессе 1922 г. в качестве свидетеля В.Н.Филлипповский. Этот орган «и по форме и по физиономии глубоко отличается от того органа, который существует теперь и под властью и сильной рукой которого в данном случае нахожусь и я»⁶².

Эти высказывания людей с разными убеждениями и судьбами ставят под сомнение утверждение известного историка о том, что на территории Комуча «свирепствовала контрразведка белочехов и учредилевская контрразведка», а министр Самарского правительства Климушкин и эсер Коваленко были руководителями «террористических актов против населения»⁶³. К сожалению, автор не указал, из какого источника он почерпнул эти сведения.

В июле была опубликована декларация Комуча с изложением его социально-экономической программы. На первом месте стояло признание неизбежности Учредительного собрания об уничтожении частной собственности на землю. Комуч решительно заявил, что «земля бесповоротно перешла в народное достояние и никаких попыток возврата ее в руки помещиков Комитет не допустит». Убежденные социалисты и противники частной собственности на землю, Вольский и его соратники

запретили сделки купли-продажи и залоги на землю сельскохозяйственного значения, а тайные и фиктивные сделки объявили недействительными⁶⁴.

Несмотря на это, профессор М.Н.Покровский, выступая обвинителем на процессе эсеров в 1922 г., вменил в вину деятелям Комуча, что они якобы хотели «насадить помещичьи хозяйства». Отвечая ему, управляющий ведомством финансов Д.Ф.Раков, напомнил историю партии, всегда добивавшейся ликвидации помещичьего землевладения и заявил, что и Комуч не изменил этой позиции социалистов-народников. Свое выступление он закончил словами: «Это на русском языке называется хватить через край»⁶⁵.

Вольский в своем итоговом докладе о деятельности Комуча отметил, что экономический процесс был поставлен «в условия социально-трудовой политики», приводившей, в конечном результате, к вытеснению капиталистического хозяйства. При этом капиталистическая промышленность не подвергалась всеобщему подавлению, как это делали большевики, а допускался основной закон капитализма — прибыль и свобода инициативы. Но всякое покровительство капиталу «было исключено абсолютно». Главными рычагами вытеснения капиталистических форм хозяйства в руках Комуча являлись: «государственное регулирование и контроль при сохранении права реквизиции и секвестра, содействие кооперации и муниципализации»⁶⁶.

По словам В.Зензинова, Комитет старался следовать программе, равно удаленной «как от «социалистических» экспериментов советской власти, так и от реставрации прошлого»⁶⁷. Он был против тотальной национализации промышленности, считая такую атаку на капитал губительной для экономики. Приказом от 12 июня были денационализированы все банки. Специальная комиссия по денационализации промышленных предприятий объявила, что «возвращение имущества насильственным порядком также недопустимо, как первоначальный захват его» и будет пресекаться самым строгим образом. Все захваченные большевиками предприятия временно передавались земским управам до проработки порядка и способов возвращения их владельцам⁶⁸.

Позже Комуч четко определил свою политику в области промышленно-хозяйственной жизни. Крупные фабрично-

заводские предприятия оставались в ведении государственной власти, более мелкие производства или производства, в которых государственная власть не была остро заинтересована в данный момент, передавались органам местного самоуправления. Некоторые промышленные предприятия, национализированные советской властью, передавались не прежним владельцам, а органам местного самоуправления, земствам. И только мелкие предприятия, которыми государственная власть не в силах была управлять, Комуч возвращал прежним владельцам, но с одним условием — сохранением нормы выработки продукции, запрещения локаутов, неуклонного соблюдения законов Комуча по рабочему вопросу⁶⁹.

Отвергая обвинение Комуча в стремлении опираться на капитализм в борьбе с советской властью, выдвинутые на процессе 1922 г., Д.Ф.Раков заявил, что Комитет проводил политику, идентичную ленинскому НЭПу. «Вся та политика, которая проводилась Комучем, вряд ли чем отличалась от той политики, которую сейчас проводит советская власть, ибо она свою прежнюю политику назвала ошибкой. А мы этой ошибки не совершили — за что же нас винить?»⁷⁰.

Однако при всем внешнем сходстве самарской модели и ленинской новой экономической политики, рассчитанных на борьбу с капитализмом не силой оружия, а с помощью товарно-денежных отношений на основе экономического плюрализма, существовали и принципиальные отличия двух моделей. В Самаре существовала и действовала демократическая политическая система, что создавало благоприятные условия для постепенных социалистических преобразований в экономике. Можно сказать, что самарская модель социализма являлась реальной альтернативой не только «военному коммунизму», но и последующему ленинскому НЭПу. Однако шансов на победу было у Самары очень мало: слишком неравные были силы.

Международная политика Комуча преследовала главную цель — получить помощь западно-европейских держав. Однако ставка на западную помощь была одним из крупнейших стратегических просчетов самарских демократов. В ноте, направленной в конце июля представителям союзных государств, Комуч приветствовал поддержку со стороны союзников «как непосред-

ственным участием на нашем фронте союзнических сил, так и усилением армии военно-техническими средствами».

Объявляя, в соответствии с бытовавшими тогда представлениями, большевиков пособниками немцев, а Брестский мир — предательством по отношению к России, лидеры Комуча открывали шлагбаум для интервенции. Видимо понимая уязвимость своей позиции, члены Комуча выразили уверенность, что помощь союзников «не может повлечь за собой какой бы то ни было территориальной или иной компенсации за счет федеративной России», а войска союзников будут использоваться в России с целью борьбы с внешним врагом, за исключением тех случаев, когда народ в лице Комуча призовет их для участия в борьбе внутренней.

Большевиками — искусными пропагандистами — иностранное вмешательство было использовано для того, чтобы изобразить борьбу Советской власти как патриотическую, а действия демократов как антинациональные. Компрометируя себя связью с интервентами, демократы очень часто помощи не получали. На судебном процессе 1922 г. по просьбе обвинителя М.Н.Покровского огласили переписку двух министров иностранных дел — Веденяпина и Пишона (Франция). Веденяпин, сообщая о формировании в Уфе Директории, назвал «каждое замедление в помощи союзников военной силой, деньгами и продовольствием нам и чехам равносильно измене». А Пишон, сообщив о глубоком разочаровании Парижа появлением в России непрочных правительств, обещал своему коллеге, что как только Комуч станет реальной силой, отношение союзников изменится⁷¹.

Позже, в июле 1920 г., внепартийное объединение эсеров, куда вошли и члены Комуча Брушвит, Лазарев и другие, отказались от призывов к «варягам» наводить порядок в России. «Считая решительную борьбу с большевизмом совершенно неотложной и для себя обязательной, — говорилось в платформе объединения, — группа полагает, однако, что эта борьба должна быть делом самого русского народа... всяческое вооруженное вмешательство иностранных держав в эту борьбу явлением совершенно недопустимым»⁷².

Лидеры эсеров теперь выступали против политики раздела России, проводимой тогдашним британским премьером Ллойд-

Джорджем, против политики «проволочных заграждений» Клемансо, против интервенционистской политики всей Антанты.

А в 1918 г. они призывали войска западных держав для образования восточного фронта против Германии при вмешательстве союзников во внутренние дела России. Представители держав, по признанию Вольского, «проявили большую неустойчивость и двойственность в отношении к Комитету». Развернулась сложная закулисная игра, в результате которой наиболее влиятельные представители западных союзников сделали ставку не на самарскую демократию во главе с социалистическими членами Учредительного собрания, а предпочли поддержать откровенно правые военно-диктаторские режимы и буржуазно-кадетские круги. Они оказали сильнейшее влияние и на Чешский Национальный совет, имевший официальное представительство в Самаре, который в свою очередь, «колебался между Сибирской и Самарской ориентацией и давил на Самару», с целью побудить ее к уступкам Сибири. Полнейшее непонимание России, по словам Вольского, «было основным свойством большинства этих представителей и привело их, наконец, к решительной буржуазной ориентации, к поддержке правительства Колчака»⁷³.

Лидеры стран Антанты, несомненно, несут историческую ответственность за поражение демократии в России. Вмешательство в пользу реакционных диктаторских правительств, лишенных народного доверия, оказание им прямой поддержки в деле свержения демократических антибольшевистских правительств — все это способствовало уничтожению демократических свобод и лишь усиливало большевизм.

Главной опорой Комуча являлись его собственные вооруженные силы — Народная армия. Ее базу составили чехи. Они признали власть Комитета, сохранив свою полную независимость. Впоследствии чешский командующий Чечек был назначен Комитетом командующим всех войск Волжского фронта. Он не изменил русской демократии, как это сделали другие чешские военачальники — Сыровы, Гайда и Войцеховский после колчаковского переворота.

Комитетом был назначен Главный штаб для формирования вооруженных сил и для управления всеми военными делами. Основная тяжесть этой работы легла на плечи подполковника

артиллерии Н.А.Галкина, умелого и энергичного, впоследствии изменившего демократии и перешедшего на сторону реакции. Следует заметить, что не только Галкин, но и все командное ядро придерживалось антидемократических взглядов. Управляющий ведомством внутренних дел П.Д.Климушкин признавал, что «недовольство офицеров политикой Комуча начало проявляться с первых же дней движения не только в мелочах, но и в некоторых реальных действиях, угрожающих самому существованию Комуча»⁷⁴.

В офицерских кругах зрели заговоры, которые с трудом удавалось пресекать. Вся стратегическая сторона военного дела, отмечал В.Зензинов, «находилась в руках штаба, состоявшего из офицеров, далеко не разделявших демократических идей Комитета»⁷⁵. В результате они проводили свою политику, а не политику Комитета. К чему это привело: сообщал в своем отчете в ЦК партии эсеров М.И.Веденяпин. Когда после взятия Симбирска Комитет планировал нанести следующий удар на Саратов, он исходил из стратегических и политических соображений. Антибольшевистские настроения крестьян Саратовской губернии перерастали в восстание во имя Учредительного собрания, что создавало здесь мощные кадры пополнения народной армии. Только взяв Саратов, можно было устранить военную угрозу Уральску и линии Самара — Сызрань — Николаевск. Товарищ военного министра В.И.Лебедев, отменив этот план, объявил поход на Казань, чтобы оттуда «с победоносным войском войти в Москву». Вся эта авантюра, несмотря на временные успехи, закончилась военным крахом Комуча⁷⁶.

Комуч поручил Главному штабу сформировать армию в 200 тыс. чел. В июле был объявлен призыв в армию, который дал около 60 тысяч бойцов. Было только несколько случаев сопротивления мобилизации, подавленных силой оружия. Первоначально предполагалось, что для Гражданской войны достаточно будет добровольцев. Но события и быстрое расширение фронта до 500 верст заставили Комитет отправлять в бой мобилизованных, зачастую плохо подготовленных бойцов, которых хотели использовать для войны с Германией.

К концу власти Комитета на фронте имелось всего около 22 тысяч войск, из них — чешских около 5,5 тысяч, добровольцев около 6 тысяч, казаков около 2 тысяч и около 8-9 тысяч моби-

лизованных. Нуждаясь в военных руководителях, Комитет вынужден был мириться с реакционерами — заменить их было нечем. Комитет, по признанию Вольского, не имел сил для эффективного наблюдения за работой Главного штаба и всеми делами там вершил Галкин, склонный «к военной диктатуре, к той или иной форме корниловщины». У Комитета была достойная кандидатура на пост военного руководителя «революционной демократической трудовой республики» — подполковник Генерального штаба, эсер Ф.Е.Махин. «Знаток военного дела, подлинный военный вождь, организатор, глубоко понимавший душу народа и знавший ключ к его душе, полный личного бесстрашия и храбрости и глубочайшей преданности идее демократического восстановления России»⁷⁷, вынужден был пребывать негласным консультантом Комитета и разрабатывать утопический план возобновления войны с Германией. Но Комитет не решился пойти на замену Галкина, так как Махин служил в Красной Армии и его назначение могло вызвать сопротивление и элементов реакции, угнездившихся в Главном штабе, и значительной части офицерства.

Нерешительность Комитета привела к тому, что, по существу, в Самаре было две власти. Одна, по словам Майского, находилась в руках Комуча, другая — в руках военных во главе с Галкиным. Он относился к Комитету «довольно пренебрежительно» и неоднократно на заседаниях Комитета и особенно Совета управляющих ведомствами он давал понять, «что здесь сидят только болтуны, что настоящее дело делается у него в штабе», а Комитет являлся лишь прикрытием, которое нужно терпеть», но которое не представляет из себя ничего жизненно-го, ничего необходимого»⁷⁸. Еще до начала судебного процесса над ЦК партии эсеров Галкина за его деятельность в Самарском правительстве осудила военная коллегия Верховного трибунала⁷⁹.

Не удивительно, что главной опорой Комуча были чехи. Они же ослабляли день ото дня сопротивление большевикам. Одной из причин этого, по мнению Климушкина, была внутренняя борьба, происходившая «среди самих же русских, борющихся с большевиками», которые «в самый тяжелый исторический момент для их Родины не могут сговориться между со-

бой и идти единым фронтом против их общего и единого врага, а борются между собой, ослабляя друг друга»⁸⁰.

Политические руководители чехов и сами и под давлением союзников стали настойчиво добиваться от Комуча объединения с другими правительствами, но встретили решительный отпор. Считая Комуч единственным наследником легитимной власти Учредительного собрания, Вольский на встрече в Челябинске в августе решительно заявил Медеку и Павлу, что они «не имеют права искать в России какое-то правительство, когда имеется Учредительное собрание и Временный комитет»⁸¹.

Особенно ослабляло антибольшевистский лагерь противостояние Самарского и Омского правительств. В отличие от однопартийного Комуча, Временное Сибирское правительство было коалиционным. Во главе его стоял П.В.Вологодский. Позднее, уже находясь в эмиграции, он скажет о своих политических взглядах: «Как когда-то активный эсер, я, хотя и вышел из партии, когда стал у власти, не оторвался совершенно от принципов этой партии, я остался сторонником необходимости демократических принципов управления страной...»⁸². Левое крыло в правительстве составляли эсеры и им сочувствующие — Б.М.Шатилов, Г.Б.Патушинский, В.М.Крутовский. Правая часть правительства — И.А.Михайлов, И.Н.Серебренников, Н.Н.Петров, К.К.Гинс, А.Н.Гришин-Алмазов занимали кадетские и промонархические позиции.

Программа правительства формировалась под значительным влиянием его правого крыла. Сравнивая Сибирское правительство с Комучем, левый кадет Л.Кроль писал: «Самара хотела держать революцию на грани эсеровских требований, а Омск стремился назад от революции, несколько щеголяя даже возвратом к старым внешним формам»⁸³. Уже в начале июля правительство объявило об отмене всех декретов, изданных Совнаркомом и ликвидации Советов, о возвращении владельцам их имений со всем инвентарем, живым и мертвым. По свидетельству члена «Союза Возрождения» эсера Л.Аргунова, «военно-полевые суды, репрессии против печати, собраний и пр. — вся эта система государственного творчества быстро расцвела на сибирской земле»⁸⁴.

Между Самарой и Омском возникли территориальные споры из-за Челябинска и Златоуста, включенных Омском в сферу

власти. Сибирь претендовала и на власть на Волге, но встретила решительный отпор Самары. Агрессивная линия Омска проявилась и в таможенной войне, объявленной Комучу. Таможенные заставы, взимание высоких таможенных пошлин стало барьером на пути к достижению общих задач в общей борьбе с большевиками.

Вместе с тем, в интересах Комитета было создать объединение с востоком России, особенно в целях укрепления Волжского фронта, на чем с особенной энергией настаивали «чехи и полномочные и неполномочные иностранные политические вояжеры и представители»⁸⁵. Вольский и его соратники вынуждены были считаться с членами Учредительного собрания — «возрожденцами», и особенно с ЦК партии, фактическим лидером которого в отсутствие Чернова стал Гендельман, поддерживавший «возрожденцев». Поэтому первый шаг к диалогу двух соперничавших за власть правительств сделал Комуч.

И. М. Брушвит отправился в Сибирь и заключил там от имени Комитета первую военную конвенцию, дававшую Комучу возможность успокоить чехов и призрачные надежды на будущую помощь Волжскому фронту. Было создано полуфиктивное общее командование, врученное командиру чешского корпуса генералу Шокрову. Так Самара и Омск начали свой путь к Уфимскому государственному совещанию, означавшему полную капитуляцию демократического Комуча и его ликвидацию.

Следующий реальный шаг на этом пути был сделан 13-17 июля в Челябинске, где удалось собрать вместе соперников-претендентов на всероссийскую власть. Активный участник подготовки и проведения первого совещания эмиссар «Союза Возрождения» Л. Кроль так описывал встречу: «Получился целый съезд держав: вагон Гинэ под французским флагом, вагон Павлу — под чешским, поезд Омска — под сибирским, поезд Комуча — под красным»⁸⁶. Только вагон «Союза Возрождения» был без флага, как бы демонстрируя его полный нейтралитет в споре о власти.

Однако события стали развиваться не по сценарию, разработанному представителями и в недрах «Союза Возрождения». Встреча самарцев и сибиряков свелась к резким взаимным обвинениям в узурпации власти и закончилась скандалом. Разойдясь по своим вагонам, стоявшим друг против друга, представи-

тели двух правительств продолжили словесную дуэль при помощи дипломатической переписки. Только под нажимом француза Гинэ и чеха Павлу удалось усадить соперников за стол переговоров.

16 июля совещание под председательством Павлу благополучно завершилось. Цель совещания: объединить командование, создать единый орган снабжения и подготовить почву для создания общей власти на всей территории Сибири, Урала и Поволжья, на которую было два главных претендента — Комуч и Сибирское правительство, в основном была достигнута. Было также намечено второе совещание, на чем особенно настаивали чехи и «возрожденцы».

Компромисс был достигнут потому, что самарцы (Вольский и Веденяпин) отказались от своего права на власть по наследству от Учредительного собрания и согласились на создание всероссийской власти более широким по политическому составу государственным совещанием. Настроение самарцев, вынужденных пойти на принципиальные уступки, выразил Брушвит, сказав на прощание Кролю: «Ну, прощайте, чертова сваха»⁸⁷.

Но и подписав соглашение, оба претендента на всероссийскую власть не торопились переходить от слов к делу. Чтобы снова сдвинуть с места переговоры, потребовалось вмешательство Запада. Французский консул Буаяр, английский — Престон и представитель чехословацкого Национального совета Павлу стали не только фактическими режиссерами второго совещания в Челябинске 21-22 августа, но и были почетными его членами. Комуч направил свою делегацию во главе с Вольским, «Союз Возрождения» был представлен Авксентьевым, Брешко-Брековской, Павловым, Друновым, приехали представители казачьих войск Сибири и Европейской России, представители Сибирского, Башкирского, Киргизского и Екатеринбургского правительств, представители ЦК и плехановского «Единства».

Совещание было объявлено предварительным и вопрос шел о том где, когда и в каком составе проводить Государственное совещание. С большим трудом договорились о составе будущего совещания и месте его проведения в Уфе. Обсуждались, но лишь в кулуарном порядке, и вопросы объединенной власти. Но ни Авксентьев, ни Зензинов, подготовившие в тайне план создания Директории, не обмолвились об этом ни одним сло-

вом. Когда же из Самары по прямому проводу сообщили Вольскому о таком плане создания Директории из пяти человек, он решительно отверг такую возможность, заявив, что «об этом не может быть и речи, пусть для "пятерки" приготовят пять камер. Я ошибся».

Это он почувствовал очень скоро, когда приехал в начале сентября в Уфу. Узнав о плане Авксентьева, означавшем отход от решений VIII Совета партии о недопустимости коалиции с буржуазией, он резко выступил против готовившегося предательства революционной демократии. Но Комуч оказался в меньшинстве. Соглашатели из «Союза Возрождения», поддержанные ЦК во главе с Гендельманом и Зензиновым, добились создания Директории во главе с Авксентьевым. Не помог Вольскому и разговор с Гендельманом и Зензиновым по прямому проводу из Самары только что прибывшего туда из Саратова В.М.Чернова. Чтобы смягчить губительные результаты совещания, он предложил устранить «все одиозные для демократии кандидатуры и ввести хоть два решительных и твердых человека», назвав Тимофеева и Донского⁸⁸.

Зензинов и Гендельман согласились с аргументами Чернова, но заявили, что иного выхода нет и если бы он присутствовал в Уфе — «делал бы тоже»⁸⁹. После этого Вольский подписал акт о создании Временного Всероссийского правительства — Директории, против которого вел так долго яростную борьбу. «Позор и несчастье партии, — говорил Вольский позже, — я должен был принять и на себя, тем более, что отказ от подписи председателя Комитета имел бы сокрушительное влияние»⁹⁰.

В первых числах октября Комуч, соучастник создания Директории, принял постановление о своей ликвидации. Остался только Совет управляющих ведомствами в качестве областного правительства территории Комуча, подчиненного Директории. Отказавшись от всероссийских амбиций, Совет резко сократил свою численность, оставив четырех управляющих: Филлипповского (председатель), Веденяпина, Климушкина и Нестерова. Этот усеченный Совет разместился в последнем центре демократии в Уфе, так как в ночь с 6 на 7 октября столица Комуча — Самара была занята Красной Армией. Он просуществовал до 2 декабря, когда был ликвидирован отрядами Колчака с согласия чехов.

Эпоха Комуча, боровшегося за идеалы революционной демократии и народовластия, быстро закончилась его сокрушительным поражением от двух диктатур. Уроки этого опыта сыграли главную роль, по мнению Чернова, в решении «партии социалистов-революционеров в начале 1919 г. признать дальнейшую вооруженную борьбу с так называемой "Советской властью" нецелесообразной, приостановить ее и сосредоточить все свои силы на борьбе с новой надвигающейся опасностью — социальной и политической реставрацией»⁹¹.

Сам Вольский также сделал принципиальный выбор. Он призвал мобилизовать все силы партии на вооруженное свержение Колчака и пришел к выводу, о необходимости коалиции с большевиками, которые, хотя и очень плохо, но ведут борьбу против буржуазного строя. Только так партия эсеров может возвратить России необходимое для ее существования и развития народовластие, сблизить враждовавшие партии большевиков и эсеров для достижения социалистических целей.

С группой единомышленников Вольский остается в Уфе, ожидая прихода Красной Армии, затем вступал в переговоры с ревкомом о совместных действиях, которые завершает в составе делегации в Москве. В течение 1919 г. Вольский ведет борьбу с большинством ЦК партии эсеров против выжидательной тактики в схватке белых и красных, работает по мобилизации эсеров на денкинский фронт. Разногласия приводят его к разрыву с партией эсеров и в августе он создает оппозиционную группу «Народ», получивший позже название «Меньшинства партия социалистов-революционеров» (МПСР).

17 октября 1919 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) было рассмотрено заявление эсеров группы Вольского о том, что «они предоставляют себя в полное распоряжение правительства для направления всех на фронт». В постановлении Оргбюро предлагалось «тех, кто имеет военный опыт... направить для назначения на командную должность, остальных — в распоряжение т. Рыкова». Представители группы были предупреждены, «что они не должны допускать никаких выступлений, подчеркивающих их разногласия с программой и тактикой правительства»⁹².

Однако надежды лидера левого меньшинства эсеров на сближение враждовавших партий во имя народовластия и соци-

ализма были развеяны обрушившимися на них репрессиями большевиков. Несмотря на лояльное отношение к власти большевиков, социалистические партии продолжали критиковать существующую политическую систему и требовать расширения демократии. В условиях острейшей Гражданской войны их высказывания воспринимались большевистским руководством как угроза своей власти. В статье «О продовольственном налоге» Ленин писал: «Мы будем держать меньшевиков и эсеров, все равно как открытых, так и перекрашенных в “беспартийных”, в тюрьме»⁹³.

Одержав победу в Гражданской войне над белыми армиями и войсками интервентов, партия большевиков приступила к планомерной подготовке разгрома партии эсеров. Она представляла для большевиков опасность больше, чем Колчак и Деникин. Сохранив верность идеям демократического немарксистского социализма как альтернативе большевистским планам преобразования страны, эсеры пользовались популярностью и значительной социальной поддержкой в России.

По поручению Ленина был подготовлен план работы ВЧК на вторую половину 1921 и первую половину 1922 г., предусматривающий «доликвидацию» партий эсеров и меньшевиков⁹⁴. Выполняя ленинский план, 28 декабря 1921 г. по докладу Ф.Э.Дзержинского ЦК РКП(б) постановил: «а) Предрешить вопрос о предании суду Верховного трибунала ЦК партии социалистов-революционеров. б) Поручить комиссии в составе тт. Дзержинского, Каменева и Сталина определить момент опубликования»⁹⁵.

В соответствии с планами ВЧК-ГПУ роль главного обвинителя партии эсеров в антисоветской и террористической деятельности отводилась завербованному еще в 1919 г. члену ЦК ПСР, руководителю группы эсеров-боевиков Г.И.Семенову. В январе 1921 г. он был принят в партию большевиков специальным решением Оргбюро. Недавнему организатору покушения на Ленина рекомендации дали видные большевики — А.С.Енукидзе, Л.П.Серебряков и Н.Н.Крестинский. Семенов в рекордные сроки подготовил книгу «Военная и боевая работа социалистов-революционеров в 1917-1918 гг.» по заказу ВЧК-ГПУ. Для маскировки ее опубликовали в Берлине. Полная громких разоблачений, книга стала важнейшим доказательством обви-

нений, видвинутых ГПУ против лидеров партии эсеров. За успешное выполнение задания на процессе эсеров, Семенову предоставили комнату в элитном номенклатурном I-ом Доме Советов и освободив от наказания, направили вместе с женой в санаторий в Крым. В феврале 1921 г. в члены РКП(б) был принят бывший меньшевик и министр эсеровского Самарского правительства И.М.Майский. На процессе он выступил в качестве свидетеля и внес свой «вклад» в политическую дискредитацию своих коллег по правительству. Возможно большевики оценили «дипломатические» способности Майского, направив его после этого на дипломатическую работу за рубеж.

23 марта 1922 г. на заседании Политбюро в присутствии Каменева, Сталина, Троцкого, Молотова, Калинина, Цюрупы и Рыкова, по инициативе ГПУ (докладчик Уншлихт) рассматривался вопрос о подготовке процесса. Было решено начать процесс над эсерами не позднее чем через месяц⁹⁶.

В первые месяцы 1922 г. были произведены массовые аресты среди эсеров. Верховный трибунал ВЦИК заседал с 8 июля по 7 августа и приговорил 12 человек к расстрелу, 11 — к различным срокам заключения и трех человек оправдал. ВЦИК отложил исполнение приговора, превратив вождей партии эсеров в заложников. На этом закончилась история самой крупной социалистической партии, пытавшейся в 1918 г. с оружием в руках бороться за народовластие и демократический социализм в России. А судебный процесс над эсерами стал генеральной репетицией будущих сталинских процессов, открывших дорогу к власти и мысли единственного вождя...

Теоретически, Кумуч мог стать демократической альтернативой большевистской власти, поскольку пытался эволюционным путем и демократическими методами осуществить идеи крестьянского социализма, названного Черновым «конструктивным». Однако знамя Учредительного собрания, которое было водружено в Самаре, к тому времени оказалось уже изрядно дискредитировано и неспособно сплотить вокруг себя крестьянские массы. Учредительное собрание как парламентское, законодательное учреждение не состоялось. Тем не менее итоги выборов изменить уже никто не мог. По существу, это был референдум, на котором около 90% избирателей высказались за социалистический путь развития России. Из них около

25% — за пролетарский социализм и 65% — за крестьянский социализм.

Исторический опыт учит: пренебрежение к воле народа неминуемо оборачивается катастрофическими последствиями для страны. Так было после января 1918 г., так происходит и в наши дни, после того, как в Беловежской пуще были торпедированы итоги всенародного референдума 1991 г. о сохранении СССР.

УФИМСКАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ ДЕМОКРАТИИ

19 сентября 1918 г. трое членов Учредительного собрания: Филлипповский, Алмазов и Абрамов встречали своего председателя В.М.Чернова. Он прибыл на пароходе из Саратова вместе со своей неизменной секретаршей Идой, ставшей позже его женой. Находясь все эти месяцы вдали от центра вооруженной борьбы с большевиками, он появился в столице Комуча «к шапочному разбору», когда дни Комуча были уже сочтены. До сих пор остается загадкой, почему это произошло. Может быть он проявил излишнюю осторожность, а может быть и политическую недалекость.

Известно о том, что все члены Комуча находятся в Уфе на Государственном совещании, вызвало у него раздражение. Совещание еще не закончилось, но Чернов был уверен, что оно закончится «с большим уроном для социалистической демократии»⁹⁷. Авксентьеву, похоже, удалось навязать сторонникам Чернова свой план создания Директории вместо Комуча. В отличие от плана «Союза Возрождения», ЦК партии эсеров в июле, перед переездом на Восток из Москвы, принял план создания временного федерального Совета из Самарского, Сибирского и других правительств, которое «соберет Учредительное собрание и передаст свою власть для организации и дальнейшей администрации всего этого округа для наступления на Москву»⁹⁸.

Поиск ответа на вопрос «кто виноват?» в срыве плана ЦК привел Чернова к выводу, что он опрокинут «игрой слепого случая», который создал в Поволжье и Сибири «личный состав

с перевесом вправо»⁹⁹. Но в аргументах Чернова отсутствовало указание на слабость эсеров, а все неудачи объяснялись неверным поведением членов правого крыла партии.

Совершенно не реально было ожидать, что план ЦК или уфимское совещание могут как-то изменить соотношение сил, сложившееся явно не в пользу Комуча. Реальное значение имело только то, что в первой половине сентября под натиском Красной Армии пали Казань и Симбирск и этот провал поставил под сомнение само существование Комуча. Омск же, подержавший план авксентьевцев, располагал самой сильной армией в регионе, а чехи и союзники не рвались в бой за эсеров.

Совещание открылось 10 сентября в Уфе и было самым представительным: здесь были делегаты девятнадцати областных правительств и всех парламентских демократических партий. Омская делегация прибыла с опозданием и вела себя на протяжении всего совещания с высокомерием людей, уверенных в своей силе. Возглавлял их умеренный областник И.И.Серебренников, который постоянно поддерживал связь с Омском, где с отъездом премьера Вологодского на Дальний Восток фактическим хозяином положения был Михайлов. От Михайлова он получил инструкции быть твердыми и не идти ни на какие компромиссы, даже если это приведет к прекращению переговоров¹⁰⁰.

Острая внутренняя борьба развернулась в самой многочисленной фракции эсеров, где левое крыло возглавил Вольский, а правое «возрожденческое» — Авксентьев. Вольский отстаивал принцип: любая власть ответственна перед существующим Учредительным съездом «наличных» членов этого собрания. Авксентьев требовал Директории, никому не подотчетной. Победе авксентьевцев способствовала неустойчивость гендельмановского ЦК.

Представитель левых кадетов Кроль так яформулировал позицию своей партии: «Партия кадетов считает наилучшей формой осуществления власти единоличную власть, но к великому несчастью, революция выдвинула титанов разрушения и анархии, и не явилось ни одного человека, которому вся страна могла бы доверить такую власть. Приходится мириться с формой Директории, которую мы мыслим во всей полноте власти»¹⁰¹.

Две недели кипели словесные битвы. Порой они достигали такой остроты, что у председателя Комуча и его ближайших соратников, по свидетельству Вольского, «появлялась мысль совершить переворот и арестовать всю реакционную клику. Технически мы это могли сделать»¹⁰². Но удалось добиться компромисса: правая часть совещания признала «старое» Учредительное собрание единственным источником верховной власти в России, которому Директория обязалась сложить свои полномочия в будущем. До созыва же Учредительного собрания она оставалась бесконтрольной. По словам Веденяпина, Болдырев выступавший от имени «Союза Возрождения», открыто проповедывал для всего переходного периода бесконтрольную коллективную диктатуру, олигархию, «своего рода совет верховников»¹⁰³.

Левое крыло добилось сохранения оплота демократии — Съезда членов Учредительного собрания как постоянно действующего органа. Его председателем был избран Вольский. Съезд видел себя легитимным представителем единственно настоящего Учредительного собрания и потому, по крайней мере временно, суверенным органом власти, тогда как Директория считала себя вновь созданным Временным правительством¹⁰⁴. Кроме них в Уфе остался действовать Совет управляющих ведомств как филиал Комуча. Все это странное многовластие отражало более чем нереальные идеи, мало связанные с действительностью.

В результате двухнедельных переговоров в Уфе было образовано Временное Всероссийское правительство из пяти человек: Н.Д.Авксентьева, Н.И.Астрова, генерала-лейтенанта В.Г.Болдырева, П.В.Вологодского и Н.П.Чайковского и пяти их заместителей: А.А.Аргунова, В.А.Виноградова, генерала от инфантерии М.В.Алексеева, Н.В.Сапожникова, В.М.Зензинова¹⁰⁵. Персональные заместители немедленно приступали к исполнению обязанностей отсутствующих в Уфе членов правительства. В итоге в Директорию пяти вошли лидеры правого крыла эсеров Авксентьев и Зензинов, бывший эсер, ставший попутчиком кадетов, Вологодский, кадет Виноградов и внепартийный представитель «Союза Возрождения» генерал Болдырев.

Это группа людей, не вызывавшая широкого признания ни в левых, ни в консервативных кругах. Избранный на первом

заседании Директории ее председателем Авксентьев, сорокалетний литератор, получил высшее образование в Германии, последние десять лет до революции жил в Париже. Долголетнее пребывание за границей сказалось на его взглядах, далеких от реалий России. Противники эсеров считали его, бывшего министра в правительстве Керенского, одним из главных виновников прихода к власти большевиков. О том, что Авксентьев не подготовлен для роли председателя, знали и эсеры, участники совещания.

Категорически против его кандидатуры резко выступал Вольский, считая его «никуда не годным министром внутренних дел, тем более неспособным к действиям в условиях необычайной сложности и запутанности»¹⁰⁶. Член ЦК Гендельман на закрытых заседаниях фракции доказывал, что Авксентьев и Зензинов по своим личным качествам не годятся в правители. Первый был «совершенно непригодным государственным деятелем», а Зензинов — лишь редактор¹⁰⁷.

Но когда все кандидатуры людей, способных справиться с сибирской реакцией были отведены участниками совещания под нажимом омской делегации, эсеры стали перед выбором: или срыв соглашения и борьба на два фронта — с большевиками и с Сибирским правительством, или избрание Авксентьева и Зензинова, что устраивало правую часть совещания. По словам Гендельмана, это была последняя попытка спасти антибольшевистский фронт почти с непригодными средствами, «но другой карты у нас не было».

Кроме того Богдан Павлу на тайной встрече с Авксентьевым, Зензиновым и Гендельманом обещал предоставить Директории чешские силы, чтобы арестовать Сибирское правительство. В беседе с глазу на глаз Гендельмана с Авксентьевым, последний дал слово немедленно, как только возглавит Директорию, арестовать военного министра Сибирского правительства Иванова-Ринова и других и предать их суду. Но слово свое не сдержал¹⁰⁸.

Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами страны стал член Директории генерал-лейтенант Болдырев, а его заместителем избрали генерала от инфантерии, генерал-адъютанта Алексеева. Но Алексеев это решение уфимцев вообще игнорировал. Без сомнения, бывший Верховный глав-

нокомандующий при правительстве Керенского имел больше оснований стать военным руководителем антибольшевистских сил, чем Болдырев, который командовал в 1917 г. 5-й армией. Алексеев даже оставаясь на юге России, мог оттуда объединить военные действия, что для Болдырева из Сибири было неосуществимо.

Премьер-министр Временного Сибирского правительства Вологодский был избран в Директорию заочно: он в это время вместо Уфы отправился на Дальний Восток, чтобы добиться от союзников признания его правительства всероссийским. Провинциальный присяжный поверенный, случайно вынесенный революционной бурей к власти в Сибири, он явно мечтал и о шапке Мономаха. Ради этого он готов был идти и с социалистами, и с монархистами и предать любого, кто окажется на пути к заветной цели.

А вот самые известные в России политические деятели: кадет и бывший московский мэр Астров и глава Северного правительства в Архангельске, лидер партии народных социалистов Чайковский так никогда и не появились ни в Уфе, ни в Омске. Астров отказался от избрания в Директорию, предпочтя ей правительство Деникина, а Чайковский вскоре оказался в Париже в составе политического совещания, возглавлявшегося князем Львовым. Вместо них директорами стали нерешительный, известный лишь узкому кругу членов партии кадетов Виноградов и член ЦК партии эсеров Зензинов.

Но едва закончилась церемония подписания 23 сентября Акта об образовании Всероссийской верховной власти, как Директория получила тревожное сообщение о попытке государственного переворота в Омске. 19 сентября председатель Сибирской областной думы И.А.Якушев попытался либерализовать Омский Совет министров, кооптировав в него прибывшего министра бывшего Временного правительства Сибири А.Е.Новоселова, что дало бы левым временное большинство¹⁰⁹. В ответ Михайлов арестовал троих министров: Новоселова, Крутовского, Шатилова вместе с Якушевым, а затем последовало убийство Новоселова казаками под командованием В.И.Волкова и Красильникова. Это известие привело участников Государственного совещания в состояние шока и показало жестокою реальность борьбы за власть.

Областная дума заявила, что временно берет власть в свои руки. Трудно сказать, чем бы закончилось противостояние в Омске, если бы не вмешались чехи. Они арестовали начальника омского гарнизона полковника Волкова, а Михайлов, опасаясь ареста, скрылся. Быстрая и решительная расправа с организаторами заговора и убийства могла укрепить власть и авторитет Директории. Но директора, принимая свое первое решение, проявили слабость и нерешительность. Восстановив в должности министров Крутовского и Шатилова, в остальном они пошли на уступки заговорщикам. Деятельность областной думы была приостановлена, т.е. нанесен удар главному противнику реакционного крыла Омского правительства. Ничего не было сделано, чтобы наказать убийц, хотя имена их были хорошо известны. Полковник Волков вскоре был освобожден.

Дело Новоселова дискредитировало Директорию и укрепило ощущение того, что все происходящее в Уфе, имело целью лишь показать товар лицом иностранцам, под чьим руководством проходило совещание. Этот инцидент показал также слабость партии эсеров, раздираемой противоречиями и не имеющей твердой политической линии. Директория напоминала разноголосый оркестр, в котором никто не слушал дирижера. По признанию Болдырева, члены Директории являлись «представителями и адвокатами пославших нас группировок, глубоко разноречивых и даже враждебных в своих политических и социальных устремлениях». Для окончательного решения два голоса Авксентьева и Зензинова всегда нуждались в поддержке других, чего можно было достичь только путем изматывающего сговора¹⁰⁸.

Ахиллесовой пятой Директории стала политическая программа, которая не нравилась почти никому. Она декларировала общие красивые идеи, провозглашала отвлеченные лозунги: «Родина», «Народ» и очень слабо соприкасалась с реальной жизнью. Она оставалась в стороне от тех жгучих, мучительно близких крестьянам, рабочим, мелким ремесленникам вопросов, на которые они получали конкретные ответы по ту сторону фронта Гражданской войны.

Директория определила свои первоочередные задачи так: борьба за освобождение России от советской власти, воссоединение отторгнутых и отпавших областей, отказ от Брестского

мира и продолжение войны с Германией. Директория явно переоценивала свои силы и возможности, ставя такие цели. Как власть на очень ограниченной территории, она раньше срока выдавала свои великодержавные амбиции. Кого могли воодушевить они своими призывами «Единой неделимой России», хотя и на федеративной основе? Может быть самостийников Украины, или польских панов, или сепаратистов Кавказа? Директория обрекала себя на поражение, заявляя о своем желании продолжать войну с немцами, не считаясь с настроениями солдат, не желавших воевать и рвавшихся с фронта домой. Обещанный большевиками мир с Германией им подходил больше, чем воинственные призывы Директории. Да и стремление восстановить русско-германский фронт было неосуществимой утопией, но своими декларациями Директория побуждала немцев помогать большевикам.

Благим пожеланием оказалось и программное заявление о возрождении «сильной боеспособной единой Российской армии, поставленной вне влияния политических партий и подчиненной в лице ее высшего командования Всероссийскому Временному Правительству»¹¹¹. По признанию генерала Болдырева, самая сильная и боеспособная Добровольческая армия не признавала его. Вооруженные силы, находившиеся к востоку от Волги, состояли, по оценке генерала, из слабой по боевому составу «Народной» армии, групп Оренбургского и Уральского казачьих войск, немногочисленных башкирских частей, Сибирской армии и частей Чехословацкого корпуса. Везде были свои главнокомандующие, командующие фронтами, армиями, огромные неуправляемые штабы. Открытая вражда волжан и сибиряков усугубляла ситуацию.

Чехи, формально подчинившись Болдыреву, фактически выполняли приказы представителей командования Франции и Англии. Они были настоящими хозяевами положения и в Сибири, и на Волге¹¹². Пользуясь правом сильного, чехи широко прибегали к поборам и реквизициям среди мирного населения. Это вызвало ненависть против чужеземцев-насилльников и недоверие к власти, опирающейся на иностранные штыки.

В области экономики Директория провозгласила путь сочетания модернизированного капитализма с его незбылемыми ценностями: частной собственностью и предпринимательской

прибылью с эсеровскими требованиями: государственного регулирования частной промышленности и торговли, условий и увольнения рабочих.

Члены Директории выражали общее сочувствие крестьянству, оставив землю в руках фактических пользователей¹¹³. Но в Сибири была уже восстановлена частная собственность на землю, а на территории Комуча действовали десять пунктов земельного закона, принятого Учредительным собранием, не признававшим частной собственности. Как Директория собиралась выйти из тупиковой ситуации — не ясно. Возможно, речь шла о создании своего рода кадетско-эсеровского экономического кентавра. Но кентавры существуют только в мифах, а в реальной жизни их не бывает.

Кратковременный характер новой власти подчеркивался тем, что Учредительное собрание должно было собраться в ближайшее время, 1 января или 1 февраля 1919 г. и Директория сложит свои полномочия.

Уфимский компромисс не мог быть долговременным — слишком много уступок пришлось сделать и левому, и правому лагерям. «Это соглашение, — писал Серебренников, — не родилось в атмосфере энтузиазма, — оно было вынужденным и поэтому неискренним и таило в себе зародыш будущей борьбы»¹¹⁴. С резкой критикой уфимского соглашения выступил Чернов, которое, по его убеждению, поставило крест на «полностью правомочном Учредительном собрании». Дело в том, что большинство эсеров, участников совещания, согласилось с тем, что после выхода из Учредительного собрания большевиков и левых эсеров оно уже не представляло всей страны и не могло сохранять учредительные функции. И хотя в государственном Акте об этом ограничении прав Учредительного собрания ничего не говорилось, от имени партии эсеров был подписан «документ частного характера» о сохранении за ним лишь функций парламента¹¹⁵.

На пленуме ЦК, созванном Черновым немедленно после окончания Уфимского совещания, он заявил о своем выходе из ЦК, потому что «как председатель Учредительного собрания не может согласиться с ограничениями прав Учредительного собрания». Попытки Гендельмана убедить лидера партии в том, что не все так плохо, как считает Чернов, что все же удалось

добиться признания «Учредительного собрания старого состава с его социалистическим большинством» и перед этим «все уступки и отступления» не имеют значения, тот был непреклонен. В гневе на товарищей по партии за проявленное малодушие, он обрушил на них град упреков, порой не заслуженных.

Отвергнув оценку Гендельмана соглашения в Уфе как успех и выигрыш демократии, он сравнил эту победу с журавлем в небе. А синица оказалась в руках противников эсеров. В основном вопросе практической политики — вопросе о власти, «самая сильная и большая партия России, партия социалистов-революционеров, вынесшая на своих плечах главную тяжесть свержения большевиков, потерпела поражение от какого-то Союза Возрождения, существующего без году неделю, народу неизвестного и чуждого». Они получили четыре места из пяти основных членов Директории и поставили под вопрос само «бытие Учредительного собрания». Чернов обвинил своих товарищей в нарушении решений IV съезда партии, запретивших вступать в коалиции, в капитуляции перед диктаторско-олигархической властью.

Эпилогом в работе пленума стало голосование по предложению Гендельмана: Чернов, «как председатель Учредительного собрания, может быть выше партийных обязательств. Наше обязательство к самоограничению Учредительного собрания, ничему не обязывает Виктора Михайловича, на его свободу действий ни ЦК, ни партия не должны покушаться»¹¹⁶. Заставив расписаться под этим постановлением всех членов ЦК, Чернов одержал тактическую победу, но потерял авторитет в собственной партии и контроль над ней. Его положение усложнялось еще и тем, что в оппозиции к нему оказались не только авксентьевское крыло партии, но и значительная часть левого крыла, подписавшая уфимские соглашения.

Спустя несколько десятилетий Чернов пересмотрит свои самоуверенные и, как всегда, далекие от истины оценки уфимского соглашения. «Директория, — напишет он в своих воспоминаниях, — была для “учределовцев” последней попыткой спасти дело демократии уступками его врагам справа. Они надеялись, что Директория овладеет всеми ресурсами освобожденных территорий и двинет их в новом порыве под освободительными демократическими лозунгами. Их враги, наоборот,

видели в Директории средство ликвидации “учределовской” эпохи безболезненно, без вооруженного столкновения. Директория была для них полустанком на пути к военной диктатуре»¹¹⁷. Своими резкими выступлениями, разрушавшими престиж партии, он тоже помогал врагам Директории добиться своей цели.

Местом пребывания Директории предполагалось избрать Екатеринбург, жители которого приготовились торжественно встретить новое правительство, для чего была воздвигнута монументальная арка. В этом городе находился съезд членов Учредительного собрания и резиденция председателя Учредительного собрания Чернова. Этим достигалось бы единство так необходимого для демократии управления освобожденной территории.

Несмотря на военное поражение на Волге, паническое отступление и бегство «Народной армии», среди эсеров жила надежда, что под руководством Директории все многочисленные правительства будут действовать согласованно и наступление большевиков будет остановлено быстро. Вероятно, замечает член Комуча Е.Е.Лазарев, так бы и произошло, если бы не произошло совершенно неожиданное. «Ровно за два дня до нашего приезда из Самары в Уфу, Директория после долгих колебаний уехала в... Омск, т.е. прямо в пасть к Сибирской реакции»¹¹⁸. По словам другого лидера Комуча П.Д.Климушкина, это означало идти на верную смерть. «Не знаю, лишил ли Бог разума членов Директории или у них были какие-то особенные причины, нам не известно, но только разумом это не понять и не объяснить». Этот шаг Директории «с пронизывающей остротой дал нам понять ничтожность созданного нами детища и ту страшную яму, в которую летит все дело демократии»¹¹⁹.

Директория ~~несогласно~~ приняла решение о переезде из Уфы в Омск. Но более безопасного места для Директории не нашлось, ведь линия фронта быстро продвигалась на Восток. Падение в начале октября Самары окончательно подорвало то, что еще оставалось от Комуча и власти эсеров, усилило значение омского правительственного аппарата, которого не было у Директории.

С ее приездом в Омск сложилась парадоксальная ситуация: на одной и той же территории расположились два правительства. Всероссийское еще только собиралось управлять этой тер-

риторией, а Сибирское ею уже правило и не собиралось власть уступать. Обе противоборствующие стороны стали искать выход из двоевластия. В результате бурных обсуждений было решено: сибирское правительство прекращает свое существование, избирается Совет министров, подотчетный Директории, но его формирование осуществляется совместно Директорией и сибирским правительством.

Формирование Совета министров, порученное Вологодскому, продолжалось почти пятнадцать дней, сопровождаясь бесконечными трениями, разногласиями и интригами. Зензинов записал в дневнике 13 октября: началась «глухая борьба с Административным советом», фактически превратившимся в высший орган власти в Омске. Сибиряки решили взять измором членов Директории и, захватив фактически «всероссийскую власть, превратить нас в декорацию»¹²⁰. Упорство с обеих сторон было проявлено исключительное. Об этом свидетельствует заявление Вологодского председателю Административного Совета от 31 октября, в котором он сообщал об отказе заниматься формированием кабинета министров Всероссийского правительства, так как у него ничего не получается. «Если между Директорией и Административным Советом не будет достигнуто соглашение о составе Совета министров», — писал Вологодский, то он сложил с себя обязанности члена Сибирского правительства и члена Директории¹²¹. Крайне тревожная, напряженная обстановка напомнила министру Серебренникову «худшие дни уфимского совещания». Казалось, вот-вот вспыхнет переворот, который решит эту тяжбу силой оружия. Его можно было ожидать и справа и слева. В начале созрел «левый» вариант, когда эсеры при поддержке чехов предполагали свергнуть Сибирское правительство и передать всю полноту власти Директории. Все теперь зависело от санкции председателя Директории Авксентьева, который, однако, не решился прибегнуть к силе оружия. Борьба грозила распадом всероссийской власти. Авксентьев и Зензинов даже собирались выйти из состава Директории.

Эсеры, наконец, дрогнули перед натиском клики Михайлова. В результате 10 из 14 членов Совета министров, вновь утвержденного Директорией, принадлежали к старому Сибирскому правительству. Новым военным министром стал вице-адмирал А.В.Колчак. А через два дня состоялся банкет по слу-

чаю достигнутого соглашения. После длинной речи Авксентьева с приветствием от союзников выступил английский генерал А.Нокс, многие годы состоявший военным атташе при царском правительстве. Англичане не умеют длинно говорить, они предпочитают действовать, многозначительно закончил он свою речь. Колчак, говоривший о военном долге, вызвал овацию, принявшую явно демонстративный характер. Михайлов и другие члены бывшего Сибирского правительства пошли целой вереницей чокаться с Колчаком.

Директория, упразднив Сибирское правительство и другие областные правительства, теперь могла, казалось, свободно распорядиться свои государственные крылья и осуществить программу, альтернативную большевистской. Однако члены Директории, очутившись в раскаленной атмосфере омской реакции, оказались без всякой поддержки. Ставя своей конечной целью борьбу с большевизмом слева, она очутилась в гнезде большевизма справа, т.е. сторонников военной диктатуры, которую закулисно и открыто поддерживали союзники. В.Н.Пепеляев на съезде омских кадетов в конце октября яростно нападал на совещание в Уфе, называя его «победой антигосударственных элементов». А принятая резолюция призывала к «единоличной диктатуре»¹²².

Равновесие между демократией и личной диктатурой было нарушено в пользу последней. Самарский Комуч был распущен. Съезд членов Учредительного собрания в Екатеринбурге был полностью блокирован. Эсеровская областная дума Сибири, последний оплот демократии на Востоке, закрытая Михайловской кликой, возобновила свою работу, но приехавший в Томск Авксентьев добился ее самороспуска. На Дальнем Востоке власть демократии в лице земств и городских самоуправлений была Директорией ликвидирована. Все очаги демократии были уничтожены, оставался только маломощный совет управляющих в Уфе, ненавистный сибирякам, раздавить и уничтожить который еще не удалось.

Рост реакции в Омске и жалкое бессилие Директории встретили сильнейшее сопротивление ЦК и Съезда членов Учредительного собрания. Вольский высказался за то, «что с Директорией надо покончить, объявив революционную диктатуру и для этих целей готовить свои силы»¹²³. ЦК партии эсеров, возглав-

ляемый Черновым, нанес удар слева по эсерам-директорам. В особом директивном письме партийным организациям, появившимся в виде листовок 5-6 ноября, содержалась острейшая критика Директории. Нападая на сам способ организации Директории, ЦК дискредитировал ее в глазах всей партии, всей демократии. Подвергалось критике решение Директории о роспуске всех областных правительств, в то самое время, когда Сибирское правительство на деле сохранилось, составив деловой кабинет Директории. Документ призывал всех эсеров сплотиться вокруг старого Учредительного собрания и организовать людей как «третью силу» для борьбы на двух фронтах: против большевиков и против контрреволюции. Тем самым, по словам Серебренникова, «эсеры ускорили движение к диктатуре в Омске»¹²⁴.

В результате резкого выступления Чернова правые укрепились в мнении, что эсеры не лучше большевиков, что их присутствие в Директории окончательно ее дискредитирует. Авксентьев считал, чуть ли не главным виновником свержения Директории не столько колчаковцев, сколько эсеровский ЦК во главе с В.Черновым¹²⁵. На самом деле бескровный переворот в ночь с 17 на 18 ноября произошел скорее из-за равнодушия и разочарования народа. Как сказал один омский рабочий: «Что Директория, что Колчак — один черт. Станем мы из-за Авксентьева голову ломать»¹²⁶.

По убеждению Гендельмана, если бы тогда у членов Директории нашлись мужество и твердость и они приняли помощь чехов, предложенную их лидером Павлу для разгрома сибирской реакции, тогда «наша власть уцелела бы, быть может там открылось Учредительное собрание». Это могло изменить ход борьбы с большевиками и спасти Россию от всех последующих бед и потрясений. Открытие Учредительного собрания привело бы к подлинному народовластию. «Вот, граждане, в чем заключался смысл Уфимской Директории»¹²⁷. Но похоже, политическое зрение и в этот раз подвело лидера эсеров.

Оценивая значение Директории и событиях того времени, следует отметить ее приверженность демократии. Признав верховную власть Учредительного собрания, она стала демократическим противовесом и диктатуре большевиков, и диктатуре белых генералов. Но пожалуй, самое главное заключалось в

том, что Директории выпала роль первого и последнего правительства, обеспечившего на короткое время хрупкое единство социалистической и несоциалистической частей антибольшевистской коалиции. Только сохранив это единство, антибольшевистская коалиция могла рассчитывать на успех в Гражданской войне.

Учредительное собрание потерпело поражение, но вошло в историю непримиримым противником большевизма, который привел страну к сталинской тирании. Революционное по своему происхождению и социалистическое по своему составу, оно до конца осталось верным демократическим принципам и идеи единства антибольшевистского сопротивления. Но несоциалистическая часть сопротивления отказалась признать Учредительное собрание в качестве общенационального центра в борьбе с диктатурой большевиков, дающим единственный шанс на победу. Когда же эту борьбу вместо Учредительного собрания возглавили «верховный правитель» Колчак, «царь Антон» Деникин и другие менее крупные, но столь же неудачливые претенденты на роль не то Наполеона, не то Петра Великого — они на собственном печальном опыте оценили пагубные результаты произвольного и единоличного возглавления междоусобной войны, отсутствие легитимного статуса власти и авторитетного всенародно избранного представительного учреждения. В последние трагические дни своего «водительства» они вынуждены были вернуться к ненавистной для них идеи Учредительного собрания, но было уже слишком поздно...

¹ Революционная Россия. 1920. Прил. I. С. 3.

² ГАРФ. Ф. 5847. Оп. I. Д. 16. Чернов В.М. Марксизм и демократия. Л. 99, 100.

³ Там же. Л. 220.

⁴ Святицкий Н.В. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание. (Год русской революции 1917-1918 гг.). М., 1918. С. 104-119.

⁵ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. I. Д. 29; Чернов В.М. Русский социализм и большевизм. Л. 16.

⁶ Чернов В.М. Конструктивный социализм. Прага, 1925. Т. I. С. 131.

⁷ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. I. Д. 29. Чернов В.М. Русский социализм и большевизм. Л. 16, 17, 18.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 165.

- 9 Там же. С. 126.
10 Там же. С. 140, 141.
11 Голос трудового народа. 1917. 10 декабря.
12 Известия ВСКД. 1917. 12 декабря.
13 Мельгунов Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. Париж, 1929. С. 42, 45.
14 Бонч-Бруевич В.Д. Избр. соч. Т. 3. Воспоминания о В.И. Ленине. 1917-1924 гг. М., 1963. С. 135.
15 Всероссийское Учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 9.
16 ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. Ів. Л. 10-11.
17 Правда. 1918. 12 января. С. 3.
18 Плеханов Г.В. Год на Родине. (Полн. собр. статей и речей 1917-1918 гг.) В 2-х т. Париж, 1922. Т. 2. С. 265-267.
19 ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 217. Л. 1-3.
20 Раскольников Ф. Рассказы мичмана Ильина. М., 1934. С. 21.
21 Быховский Н.Я. Всероссийский совет крестьянских депутатов. 1917. М., 1929. С. 361.
22 ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. Іб. Л. 1.
23 Там же. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 350. Зензинов В.М. Борьба российской демократии с большевиками в 1918 году. Москва. Самара. Уфа. Омск. Л. 2.
24 ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. Іб. Чернов В.М. На фронте Учредительного собрания. Л. 30.
25 Вестник Комитета членов Учредительного собрания. № 51. 8 сентября 1918 г.
26 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-1789. Кн. 5. Л. 58.
27 Там же. Л. 59.
28 Там же. Л. 59-61.
29 ГАРФ. Ф. 6028. Оп. 1. Д. 20. Л. 35.
30 Там же. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 280. Л. 328-329. Лазарев Е.Е. Письмо Морозову 30 сентября 1919 г.
31 Там же. Ф. 5847. Оп. 2. Д. Іб. Чернов В.М. На фронте Учредительного собрания. Л. 47.
32 Вольский В.К. Доклад председателя Самарского комитета членов Учредительного собрания//Исторический архив. № 3. 1993. С. 124.
33 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-1789. Кн. 5. Л. 163-164.
34 Вольский В.К. Указ. соч. С. 124.
35 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-1789. Кн. 5. Л. 164.
36 Там же. Л. 167.
37 Вольский В.К. Указ. соч. С. 125.
38 ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. Іб. Л. 1.
39 Вольский В.К. Указ. соч. С. 127.
40 ЦА ФСБ. Следственное дело Р-442227. Л. 1-79.
41 Там же. Л. 33об.

- 42 Там же. Л. 34.
43 Там же. Л. 36.
44 Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 328.
45 ЦА ФСБ. Следственное дело Р-442227. Л. 42-43.
46 Вольский В.К. Указ. соч. С. 125.
47 Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М., 1923. С. 29.
48 Вольский В.К. Указ. соч. С. 134.
49 Там же.
50 Россия антибольшевистская: из эмигрантских и белогвардейских архивов. М., 1995; Веденяпин М.И. Отчет Центральному Комитету партии социалистов-революционеров. С. 51.
51 Вольский В.К. Указ. соч. С. 132.
52 Веденяпин М.И. Указ. соч. С. 53.
53 Вольский В.К. Указ. соч. С. 125, 126, 127.
54 ГАРФ. Зензинов В.М. Указ. соч. Л. 18.
55 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-1789. Л. 122, 123.
56 Веденяпин М.И. Указ. соч. С. 38.
57 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-1789. Л. 602.
58 Вольский В.К. Указ. соч. С. 126.
59 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-1789. Л. 608.
60 ГАРФ. Зензинов В.М. Указ. соч. Л. 76-77.
61 Вольский В.К. Указ. соч. С. 135.
62 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-1789. Кн. 5. Л. 595.
63 Гусев К.В. Указ. соч. С. 284.
64 Приказы Комуча. Самара, 1918. С. 19.
65 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-1789. Кн. 6. Л. 83.
66 Вольский В.К. Указ. соч. С. 126.
67 ГАРФ. Зензинов В.М. Указ. соч. Л. 69.
68 Приказы Комуча. Л. 7.
69 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-1789. Кн. 6. Л. 82.
70 Там же. Л. 83.
71 Там же. Л. 717-718.
72 ГАРФ. Ф. 6323. Оп. 1. Д. 2. Л. 28-29.
73 Вольский В.К. Указ. соч. С. 136.
74 Климушкин П.Д. Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге. Вып. 1. Прага, 1930. С. 91.
75 ГАРФ. Зензинов В.М. Указ. соч. Л. 81.
76 Веденяпин М.И. Указ. соч. Л. 48-49.
77 Вольский В.К. Указ. соч. С. 137-138.
78 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-1789. Кн. 5. Л. 653-654.
79 Там же. Кн. 6. Л. 8.

- 80 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 406. *Климушкин П.Д.* Легенды о чехословаках. 1925. Рукопись. Л. 10.
- 81 *Вольский В.К.* Указ. соч. С. 139.
- 82 ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 107. Л. 2.
- 83 *Кроль Л.* За три года. Владивосток, 1922. С. 62-63.
- 84 *Аргунов А.* Между двумя большевизмами. Париж, 1919. С. 24.
- 85 *Вольский В.К.* Указ. соч. С. 131.
- 86 *Кроль Л.* Указ. соч. С. 21.
- 87 Там же. С. 64.
- 88 ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 16. Л. 49.
- 89 Там же. *Чернов В.М.* На фронте Учредительного собрания.
- 90 *Вольский В.К.* Указ. соч. С. 140.
- 91 ГАРФ. *Чернов В.М.* Указ. соч. Л. 1.
- 92 *Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «Большая история». Иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х-1930-х гг. М., 2000. С. 63-64.
- 93 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 241, 242.
- 94 *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. 1917-1923. М., 1995. С. 174.
- 95 В.И. Ленин и ВЧК (1917-1922). Сб. док. М., 1975. С. 546.
- 96 *Журавлев С.В.* Указ. соч. С. 65-67.
- 97 ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 16. *Чернов В.М.* На фронте Учредительного собрания. Л. 29.
- 98 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-1789. Кн. 5. Л. 169. Показания Тимофеева.
- 99 ГАРФ. *Чернов В.М.* Указ. соч. Л. 30.
- 100 Хроника Гражданской войны в Сибири/Под ред. В.В.Максакова и А.Н.Турунова. М., 1926. С. 240.
- 101 *Кроль Л.* Указ. соч. С. 72.
- 102 *Вольский В.К.* Указ. соч. С. 140.
- 103 ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 16. Л. 42.
- 104 *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т. 1. Пекин, 1921. С. 261.
- 105 Россия антибольшевистская: из белогвардейских архивов. М., 1995. С. 31-36.
- 106 *Вольский В.К.* Указ. соч. С. 140.
- 107 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-1789. Кн. 6. Л. 112.
- 108 Там же. Л. 112, 115.
- 109 *Гинс Г.К.* Указ. соч. С. 233-234; *Майский И.М.* Указ. соч. С. 252-253.
- 110 *Болдырев В.Г.* Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 198.
- 111 Россия антибольшевистская... С. 33-34.
- 112 *Болдырев В.Г.* Указ. соч. С. 207.
- 113 Россия антибольшевистская... С. 34-35.
- 114 ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 10а. Воспоминания И.Серебренникова. Л. 80об.-81.
- 115 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-1789. Кн. 6. Л. 123, 124.
- 116 ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 16. *Чернов В.М.* На фронте Учредительного собрания. Л. 70-73.
- 117 *Чернов В.М.* Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 381-382.
- 118 ГАРФ. *Лазарев Е.Е.* Указ. соч. Л. 363.
- 119 Там же. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 405. *Климушкин П.Д.* Гражданская война на Волге. Ч. 2. Ликвидация демократии. Рукопись. Л. 5.
- 120 *Гинс Г.К.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 265.
- 121 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-501. Т. 10. Л. 100 об.
- 122 Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. Сб. док. Сост. В.Зензинов. Париж, 1919. С. 191.
- 123 *Вольский В.К.* Указ. соч. С. 142.
- 124 ГАРФ. *Серебренников И.* Указ. соч. Л. 102.
- 125 *Святицкий Н.К.* К истории Всероссийского Учредительного собрания. Т. 3. М., 1921. С. 127.
- 126 *Майский И.М.* Указ. соч. С. 337.
- 127 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-1789. Кн. 6. Л. 15-16.

Глава вторая.

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ РОССИИ

18 ноября 1918 г. жители Омска увидели расклеенные по всему городу листовки с портретом адмирала А.В.Колчака. Это было «Обращение к населению России», сообщавшее о свержении Всероссийского временного правительства (Директории) и о том, что Совет министров принял всю полноту власти и передал ее адмиралу Русского флота Александру Колчаку. Под текстом листовки стояла подпись: Верховный правитель адмирал Колчак.

Прошло немногим более года, и оставленный всеми Верховный правитель без суда был расстрелян большевиками. Так личная трагедия Колчака тесно переплеталась с величайшей трагедией России — Гражданской войной.

Как неразрывную часть нашей истории следует рассматривать борьбу А.В.Колчака против большевистской модели развития России. Нашел ли Верховный правитель лучший, альтернативный путь для страны? Почему широкие народные массы не поддержали его правительство и проводимые им социально-политические реформы? Кто составлял ближайшее окружение Колчака? Какую роль сыграли «умеренные» социалисты в приходе к власти и в разгроме Колчака?

Сегодня существуют условия для объективной оценки роли и места адмирала А.В.Колчака в истории России. Между тем, споры о том, кем же был адмирал: национальным героем или преступником, врагом России, продолжаются. В спор истори-

ков включались и юристы. Почти два года рассматривалось дело Колчака в военном суде Забайкальского военного округа в Чите. Судьи отказали ему в реабилитации и тем самым узаконили бессудную расправу большевиков над Колчаком. Но если бы они реабилитировали Верховного правителя, то тем самым признали бы его «другом» большевиков, а не страстным борцом против них, кем он был в действительности. Все это напоминает театр абсурда, где уместен вопрос: а может быть Колчак и не нуждается в юридической реабилитации, его же деяниями должны заниматься не судьи и следователи, а исследователи?..

В данной главе впервые широко используются документы из «Следственного дела по обвинению Колчака Александра Васильевича и других». Этот комплекс источников, хранящихся в Центральном архиве ФСБ РФ, содержит 19 дел, первые двенадцать из которых посвящены Колчаку и его правительству и насчитывают 475 документов. Формирование следственного дела началось 7 января 1920 г., когда взявший власть в Иркутске Политический центр учредил Чрезвычайную следственную комиссию (ЧСК) для сбора обвинительных данных против арестованных членов колчаковского правительства.

Приступая к допросу, члены ЧСК подготовили для адмирала перечень вопросов¹. Отвечая на них, Колчак подробно рассказал о своей жизни и военной деятельности вплоть до 18 ноября 1918 г., когда был провозглашен Верховным правителем. Биографическая хроника русского адмирала, отраженная в протоколах, содержит ценный исторический материал. Но главные вопросы, интересовавшие следователей: кто привел к власти Колчака, состав, программа и характер деятельности колчаковского правительства, причины разгула «белого» террора в Сибири, масштабы иностранной поддержки и ее цена — остались без ответа, так как Колчак был расстрелян.

Отвечать на эти вопросы пришлось членам колчаковского правительства при подготовке судебного процесса и на самом процессе. С 20 по 30 мая 1920 г., в рабочем пригороде Омска Атамановском хуторе, проходили заседания Чрезвычайного революционного трибунала «по делу самозванного и мятежного правительства Колчака и его вдохновителей». На скамье подсудимых находилось 25 человек. Главных фигур режима среди них не было. Но присутствовали высокопоставленные чинов-

ники, которые хорошо знали конкретные планы и дела своих министерств и ведомств. Из их показаний складывается общая картина правительственной деятельности и ее итогов за все время существования режима, деятельности лидера, именем своим давшего название исторической эпохе — «колчаковщине».

«СЛИШКОМ ЧЕСТЕН, СЛИШКОМ ТОНОК, СЛИШКОМ “ХРУПОК” АДМИРАЛ КОЛЧАК ДЛЯ “ГЕРОЯ” ИСТОРИИ»

Премьер-министр Англии Ллойд-Джордж принимал бывшего премьер-министра России, а затем эмиссара колчаковского правительства князя Г.Е.Львова. Он прибыл просить военной и материальной помощи антибольшевистским правительствам, «которые образуют как бы кольцо вокруг Центральной России». Речь шла, по словам Львова, о Сибирском правительстве, правительствах Кубани и Ростова, Северном правительстве².

Беседа происходила 16 января 1919 г., когда Советская республика имела примерно те же границы, что и Московия до Ивана Грозного. Ллойд-Джордж очень интересовался расстановкой военных и политических сил в России, их лидерами, особенно Лениным, Троцким и Колчаком. На вопрос: кто фактически правит большевистской Россией — Ленин или Троцкий, он услышал: «Конечно, Троцкий». Большевики, убеждал князь, висят на волоске, они держатся лишь с помощью террора и не имеют никакой опоры в народе.

Но британский премьер, похоже, не разделял подобные взгляды. Более того он с явной иронией заметил, что большевистское правительство, которое не имеет поддержки у населения и военного превосходства над противником, но больше года находится у власти, «должно быть отнесено к разряду самых ловких и искусных из когда-либо существовавших»³. Проницательный политик, он разъяснил собеседнику, что большевики «вопреки своему учению оставляют землю в руках крестьянства» и оно опасается потерять ее с поражением большевиков. А вот «действительная подкладка» других правительств, утверж-

дающихся на «определенных территориях», Ллойд-Джорджу пока не ясна, особенно политическая программа Колчака. Заверения Львова в том, что Колчак проводит демократическую программу, не убедили английского премьера. Он выразил сомнение в демократическом характере режима Колчака, который пришел к власти в результате «военного переворота».

С тех далеких дней и до сегодняшнего дня Колчаку даются различные, прямо противоположные оценки и характеристики — от отъявленного монархиста до яркого республиканца, от реакционера до демократа. Кто же он? Куда он вел антибольшевистские силы в Сибири?

Колчак был совершенно не таким человеком, каким его изображала советская официальная пропаганда. Да, он родился в дворянской семье. И как и многие из дворян, избрал путь служению Отечеству в качестве морского офицера. Окончив морской кадетский корпус с отличием, он многие годы посвятил опасным и трудным полярным экспедициям. В русско-японскую войну он участвует в обороне Порт-Артура, командует миноносцем, который нанес заметный урон японскому флоту. В период между двумя войнами молодой офицер на ответственном посту в Морском генеральном штабе занимается подготовкой русского флота к надвигающейся схватке с Германией. В годы войны командует сначала миноносцем, а затем минной дивизией Балтийского флота. За смелую операцию по высадке морского десанта в немецкий тыл награжден Георгиевским орденом 4-й степени.

Звездный час в карьере морского офицера наступил в апреле 1916 г., когда он был произведен в контр-адмиралы, а спустя два с половиной месяца стал вице-адмиралом и командующим Черноморским флотом. По собственному признанию, его переход на сторону Временного правительства после Февральской революции был вызван тем, что никакой другой власти, способной восстановить порядок и довести войну до победоносного конца, не существовало⁴. Не сумев остановить революционного движения на флоте, адмирал оставил свой пост командующего и во главе военно-морской миссии выехал в США. Не желая участвовать в политических играх Временного правительства, вице-адмирал отправился в одну из самых могущественных морских держав, рассчитывая обрести там то, что безус-

пешно пытался найти на родине — единомышленников в борьбе с главным врагом России и ее союзников — Германией. Это совпало со стремлением правительства избавиться от присутствия в стране Колчака.

Узнав о совершившейся в России Октябрьской революции, Колчак решил продолжить войну с немцами в рядах союзной английской армии. Но вскоре он получил предложение английского правительства вернуться в Россию на Дальний Восток⁵.

В Харбине, в полосе отчуждения КВЖД, скопилась большая масса бежавших из Советской России офицеров, чиновников, предпринимателей, помещиков. Это была благодатная почва для организации антибольшевистского движения. Колчак был убежденным и ярким противником большевизма. Поэтому он без колебаний вошел в состав русского эмигрантского правительства генерала Д.Л.Хорвата, готовившего силы для вооруженного вторжения на территорию Советской России. Но после конфликта с атаманом Семеновым и поддерживавшими его японцами, Колчак вынужден был подать в отставку.

Мятеж чехословаков и свержение Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке открыли, наконец, дорогу адмиралу на родину. После недолгого пребывания во Владивостоке, превращенного в опорный пункт иностранной военщины. Колчак, по его словам, решил направиться на юг России, туда, где завязался еще один мощный антибольшевистский узел — в Добровольческую армию генерала М.В.Алексеева.

В Омске, куда он прибыл 14 октября, его встретили генералы, которые стали уговаривать Колчака остаться в Сибири. «Они говорили, — показал на допросе Колчак, — что Директория — это есть повторение того же самого Керенского, что Авксентьев — тот же Керенский... и что в армии доверия к Директории нет»⁶.

Директория тоже хотела привлечь на свою сторону популярного адмирала и 4 ноября утвердила его военным и морским министром. На Колчака делала ставку и партия кадетов. На следующий день с ним встретился член ЦК партии кадетов и член Национального центра В.Н.Пепеляев. В ходе беседы он от имени Национального центра предложил ему пост диктатора. Колчак согласился принять эту жертву⁷. Гинс, очень влиятельный член Омского правительства, писал о разговоре с Пепеляе-

вым, которого он тоже считал активным участником переворота. Со слов Пепеляева, совещание о кандидатуре Колчака происходило в вагоне на ветке омского вокзала. Было решено предварительно «показать адмирала на фронте, где заранее была подготовленна ему встреча». Устроители совещания рассчитывали, что под влиянием увиденного и услышанного, адмирал «не уклонится принять на себя роль диктатора»⁸. В дневниковой записи члена Директории генерала Болдырева от 30 октября отмечено, что к нему пришел взволнованный член Директории Виноградов и заявил, что военные круги и «музы» (Жардцкий и К^о) прочат Колчака диктатором⁹. А премьер Вологодский, описывая в своем дневнике первое заседание правительства 18 ноября, заметил: «У меня сложилось впечатление, что весь этот офицерский переворот произошел с ведома, а может быть, и под руководством некоторых членов Совета министров»¹⁰.

В советской литературе переворот в Омске 18 ноября объявлялся безоговорочно «колчаковским». Сведения, имеющиеся сегодня в распоряжении исследователей, опровергают версию о личном участии адмирала в подготовке заговора. Об этом говорят и выступления на процессе в Омске в мае 1920 г. участников заседания Совета министров 18 ноября членов правительства Л.Н.Шумиловского и Г.А.Краснова, генерала А.Ф.Матковского (стенограмма процесса хранится в ЦА ФСБ РФ), и дневниковые записи премьера П.В.Вологодского, главного дирижера послепереворотного заседания 18 ноября, и заявление Г.К.Гинса: «Могу также с уверенностью сказать, что о перевороте ничего не знал и Колчак»¹¹.

На допросе в следственной комиссии 24 января 1920 г. А.В.Тимиряева также заявила: «Колчак не был автором, ни исполнителем заговора и переворота 18 ноября. О нем он узнал post factum, но, думаю, сожалений о совершившемся перевороте у него не было, т.к. он находил что Авксентьев это только миниатюрное издание Керенского»¹².

Колчак был выдвинут на первое место в антибольшевистской России неожиданно для него самого. Переворот все равно осуществили бы сторонники твердой власти. Им нужно было только громкое имя Колчака.

Когда рано утром 18 ноября собрался Совет министров и его председатель П.В.Вологодский сообщил об аресте Н.Д.Авксен-

тьева, В.М.Зензинова, А.А.Аргунова и Е.Ф.Роговского, воцарилось тягостное молчание. Большинство участников явно было застигнуто врасплох и не знало, как себя вести в экстремальной ситуации. Наконец молчание прервал министр продовольствия Н.С.Зефилов, предложивший выяснить, «кому теперь принадлежит власть».

В ходе прений был признан факт свержения Директории, хотя собрать всех членов Директории, включая арестованных, не составляло труда. Власть могла перейти к трем оставшимся на свободе членам Директории — Вологодскому, Виноградову, присутствовавшим на заседании, и Болдыреву, находившемуся в Уфе. Но это был бы уже суррогат Директории, идея которой как коалиции умирала вместе с отсечением левого крыла.

Принятие власти Советом министров могло стать повторением неудачного опыта правительств князя Львова и Керенского. Значит диктатура — окончательно сформулировал Виноградов в форме вопроса. Только один генерал Матковский, на вопрос Виноградова: «Считаете ли Вы, что настроение войск, находящихся в Омске, таково, что необходима замена Директории?», — ответил, что «никаких данных нет для замены правительства Директории другим»¹³.

Когда Совет министров пришел почти к единогласному заключению, что ему «надо взять всю полноту власти в свои руки, а затем передать ее избранному ею одному лицу — «диктатору», надо было поставить и роковой вопрос о том, кто же станет диктатором.

— Кто, — спросил Вологодский.

— Генерал Болдырев, — предложил генерал Розанов, начальник штаба Верховного главнокомандующего.

— Генерал Хорват, — написал записку министр Устругов и передал ее Гинсу.

Колчак, выдвинутый в диктаторы, высказался за Болдырева.

Всего присутствовало на заседании 26 чел., а в голосовании участвовало 15 членов Совета министров. Колчак и Виноградов не участвовали в голосовании. За Колчака было подано 14 записок, и одна — за Болдырева¹⁴. Все министры, назначенные демократически избранной Директорией, оказались сторонниками военной диктатуры. А Вологодский записал в своем дневнике: «Мне было противно насилие, учиненное против членов

Директории, и меня тяготит сознание, что я все таки нарушил клятву верности Российскому правительству...»¹⁵.

Роковая неожиданность переворота поставила Совет министров перед выбором пути и не обладая необходимым государственным и политическим опытом и кругозором, сибирские министры приняли решение без подготовки, избрали диктатора, недостаточно оценив его качества и не выяснив его политических целей. Единственно, что они знали точно, — это антибольшевизм Колчака.

«Для меня ясно, — писал позже Гинс, — лишь то, что избрание Верховного правителя оказалось делом вынужденным, последствием партийной борьбы и военного заговора»¹⁶. После свержения советской власти, бывшие руководители антибольшевистских офицерских организаций в главных городах Сибири поделили ее между собой, учредив военные округа и став во главе этих округов. Тем самым они превратили Сибирь в подобие феодального средневекового государственного образования, где вассалы мало считались с сюзереном, т.е. Советом министров и Директорией. Они даже формировали свои войска на местные средства. Кто, восклицает Гинс, кроме авторитетного военного человека, казалось Совету министров, мог справиться с этими местными царьками?

На заседании Чрезвычайного ревтрибунала в Омске в мае 1920 г. причины, по которым на пост диктатора был избран Колчак, изложил социал-демократ, министр труда Шумиловский. По его словам, Колчак пользовался большой популярностью среди матросов, его поддерживали англичане и американцы и очень отрицательно относились к нему японцы. «Я считал, — говорил Шумиловский, — что адмирал Колчак, как сильная личность, сможет удержать военную среду и предохранить государство от тех потрясений, которые грозили справа». Эти мотивы — популярность в демократических странах Америке и Англии и авторитет в военной среде, заставили Шумиловского подать свой голос за адмирала Колчака. «Я видел в этом гарантию, что те страшные события, которые происходили перед этим и которые только что произошли, не повторятся». Шумиловский голосовал за Колчака «как за единственный выход из создавшегося тяжелого положения». Ответы Шумиловского, конечно, не могли удовлетворить ревтрибунал, ибо они карди-

нально отличались от официальной большевистской оценки Колчака. Государственный обвинитель Гойхбарг заявил, что Шумиловский ведет себя неискренне. «Разве Вы не знаете, — спрашивает он подсудимого, — что Колчак дезертировал в 1917 г. из русской армии, стал иностранным наемником и организатором кровавого террора в Сибири?».

Однако и под таким давлением Шумиловский не изменил своей оценке Колчака. Отвергнув все обвинения Гойхбарга в адрес Колчака, он по-прежнему считал его «безукоризненно чистым человеком и ни одного факта, который бы разбил мою веру за весь последующий период, мне не удалось узнать»¹⁷.

Колчака сейчас-же из вице-адмиралов произвели в адмиралы. Спешно было составлено несколько постановлений и положение об управлении Россией, возглавляемым Верховным правителем. Правая печать Сибири единодушно пропела хвалебные гимны «безумству храбрых». Исполнители переворота, после комедии суда и оправдания, были произведены Колчаком — Волков — в генерал-майоры, войсковые старшины Красильников и Катанаев — в полковники. Единственный член Директории, изменивший клятве верности Директории и принявший активное и решающее участие на заключительном этапе переворота, своим именем санкционировавший переворот, — Петр Вологодский тоже был щедро отмечен. Он стал почетным гражданином Сибири, получил чин I класса, т.е. канцлера, которого не имел ни один российский премьер. Авксентьев и Зензинов, своими бездарными и безответственными действиями, открывшие путь к столь легкому и безопасному осуществлению переворота, отделались почетной ссылкой за границу, получив «на мелкие расходы» по 75 тыс. руб.

Другой влиятельный член Директории, генерал Болдырев, в чьих руках была армия, отказался принять участие в перевороте, который произошел за его спиной. В эту ночь он находился в Уфе. Во время затянувшегося ужина в честь высокого гостя в «Сибирской гостинице» его вызвали к прямому проводу из Омска. Адмирал Колчак сообщил ему об аресте членов Директории и о постановлении Совета министров, возлагающем на него верховное правление. В заключение адмирал, не дожидаясь ответа Болдырева, попросил его немедленно возвратиться в

Омск, так как Верховное командование над армиями принял он, адмирал Колчак.

Генерал Болдырев не только отказался санкционировать переворот, но и указал адмиралу, что это несчастье для России, что он губельно отразится на фронте и вообще на деле борьбы с большевиками. Он как член Директории должен протестовать против такого образа действий своих коллег по Директории. Ход этих переговоров Болдырев изложил в своей книге, но не упомянул о конце разговора. А этот конец таков. Когда Болдырев сказал Колчаку, принял ли он во внимание то обстоятельство, что арест Директории означает новую гражданскую войну на два фронта, адмирал Колчак перебил его и резко ему ответил: «Генерал, я не мальчик, в ваших поучениях не нуждаюсь. Я взвесил все и знаю что делаю. Благоволите немедленно же выехать из Уфы. Это мой категорический приказ Вам»¹⁸.

Против диктатуры Колчака попытался выступить Совет управляющих, предъявивший ультиматум Колчаку и Вологодскому с требованием освободить арестованных членов Директории и восстановить ее власть. Совет обратился к Болдыреву с предложением о совместных действиях, предлагая ему не признавать совершившегося переворота и остаться верховным главнокомандующим всеми войсками, находящимися к западу от Челябинска. Ему как члену Директории была обещана верховная власть над всеми областями, входящими в это объединение. Далее Совет гарантировал Болдыреву поддержку Народной армии и чехов, предоставив Колчаку право осуществлять свою диктатуру в пределах Сибири. Но предложение вернуться к временам Комуча не устроило Болдырева. Он уклонился от прямого ответа, заявив, что надеется разрешить кризис путем переговоров в Омске¹⁹. После встречи с Колчаком он отказался от попыток сопротивления диктатору, хотя и не пошел к нему на службу, предпочтя отставку и выезд за границу.

Не выполнили своих обещаний «выбелить» Омск, т.е. подавить мятеж в один день и чехи, на которых оказал давление английский генерал Нокс. Все это позволило Колчаку легко разогнать остатки Учредительного собрания в лице съезда его членов и Совета управляющих. Разгром Учредительного собрания, начатый Лениным, завершил Колчак.

Победители торжествовали. Об эйфории, парившей в Омске, красноречиво говорит запись в дневнике, сделанная Вологодским 21 декабря: «В одной из своих речей, произнесенных на этом обеде, я выразил надежду, что это не последняя наша встреча и беседа, что, может быть, недалеко то время, когда мы встретимся в стенах Святого Кремля, на площади «Царь-Колокола», «Царь-Пушки», этих исторических эмблем могущества России, и блины будем есть в веселом московском «Яру». Речь моя сопровождалась громом аплодисментов и криками «ура»²⁰.

(В Омске считали, что режим военной диктатуры вместо эсеровской Директории позволит России победить и внутренних и внешних врагов²¹. Однако жизнь скоро показала всю опрометчивость подобных расчетов. Первым и немедленным результатом переворота стал открытый переход бывших союзников — эсеров на сторону большевиков.)

В начале января 1919 г. ветераны Комуца, известные как группа меньшинства эсеров, во главе которой был В.К.Вольский, опубликовала заявление: «Делегация членов партии эсеров и президиума съездов Всероссийского Учредительного собрания призывает всех солдат народной армии прекратить гражданскую войну с Советской властью... и обратить оружие против диктатуры Колчака»²². Заключив союз с советской властью, Вольский выехал вместе с делегацией из Уфы в Москву²³. Колчак, как и лидеры белого движения в других регионах, оказались перед лицом единого социалистического фронта большевиков и эсеров, за которых на выборах в Учредительное собрание проголосовало около 90% избирателей. Этот политический барометр точно показывал кто победит в Гражданской войне.

Колчак был консерватором по природе. Он не имел политического опыта и, как военный человек, питал отвращение к парламентским процедурам и демократическим ценностям. Он признавался, что не верит ни в съезды, ни в совещания, а верит только в танки, которых никак не мог получить от «милых союзников», в заем, который бы исправил финансы, в мануфактуру, которая ободрила бы деревню. «А законы все таки ерунда, — говорил он. — Не в них дело. Если мы потерпим новые поражения, никакие реформы не помогут, если начнем побеждать, сразу и повсюду приобретем опору»²⁴.

Уверовав в то, что винтовка и танк рожают сильную власть Колчак создал в Омске милитаристскую модель управления Сибирью. Во главе находился Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал Колчак с диктаторскими полномочиями. Он управлял с помощью указов. При нем находился Совет, или «звездная палата», состоявший из председателя совета министров и министров иностранных дел, внутренних дел, финансов и военного министра. Это была верхняя палата по управлению страной, где обсуждались внешнеполитические и военные вопросы, иностранной помощи, агитации за границей в пользу Омского правительства. По признанию государственного контролера Г.А.Краснова, эти важнейшие вопросы «и осуществлялись верхней палатой в порядке верховного управления, не доходя до Совета министров»²⁵.

Все вопросы войны — а это было главное направление деятельности Колчака — он проводил через Ставку, т.е. начальника штаба верховного главнокомандующего и собственно штаб. Это огромное военное учреждение охватывало все отрасли военного управления на фронте и территориях военных действий, а также и в тылу. Командующие войсками подчинялись начальнику штаба, а не военному министру. Эта важнейшая сфера деятельности полностью выпадала из компетенции Совета. Далее шел Совет министров, который занимался отраслями гражданского управления и малый совет министров из товарищей министров, которому были подведомственны только второстепенные вопросы, по которым уже имелись принципиальные решения глав ведомств. Товарищ министра путей сообщения А.Н.Ларионов, выступая на омском процессе 1920 г. сообщил, что «министры не посвящали нас в тайны закрытых заседаний Совета министров, и подавляющее большинство того, что мы слышали здесь, было для нас полной новостью»²⁶.

Придя к власти, Колчак немедленно объявил, что главной своей задачей считает вооруженную борьбу с большевиками. «Приняв Крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны, — объявляю: я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной Армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который

он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру.

Призываю Вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам»²⁷.

Как человек военный адмирал был привержен делу войны с Германией до победного конца, а Брест-Литовский мир считал национальной катастрофой. Что касается отношения к союзникам по «великой войне», то Колчак сразу же провозгласил верность всем договорам и заявил о желании погасить военный долг полностью.

Пообещав, как и Временное правительство, решить важнейшие национальные проблемы после победы над большевиками и немцами, Колчак, не считаясь с усталостью населения призвал его снова жертвовать своими личными интересами во имя величия России.

Колчак определял политические цели, не учитывая политических возможностей данной минуты, как бы сидел в своей адмиральской каюте и строил планы, не считаясь с тем, что в это время происходило на палубе и в море.

Обладая властью на очень ограниченном пространстве, имея весьма ограниченные ресурсы, Колчак не мог быть преемником ни царской власти, ни Временного правительства и должен был не разбрасываться, не задаваться раньше времени великодержавностью.

Первые успехи Колчаковской армии против неукомплектованных и малочисленных частей Красной армии способствовали признанию Колчака в качестве общероссийского лидера руководителей других белых фронтов, всеми антибольшевистскими силами и союзниками.

26 мая 1919 г. западные союзники сообщили Колчака, что они согласны поставлять оружие, боеприпасы и продовольствие и помогут ему стать правителем России, если он будет проводить демократическую политику.

В ответ Колчак заявил, что он согласен на созыв нового Учредительного собрания после восстановления порядка, но отверг «учредилку» 1917 г. Он заверял западные правительства, что «во внутреннем устройстве» не может быть «возврата к режиму, существовавшему в России до февраля 1917 г.», что будет удовлетворено землей широкое население, устранены различия

по религиозному и национальному признакам. Подтверждая полную независимость Польши и ограничение для Финляндии «только во внутренних вопросах», Колчак согласился «подготовить решения» о судьбе прибалтийских государств, кавказских и закаспийских народностей. Признал он и все национальные долги России²⁸.

Этот ответ вполне удовлетворил союзников. Однако даже ближайший сподвижник министр его правительства генерал А.П.Будберг заметил: «Странно, что такие серьезные вопросы решаются помимо Совета министров, по Конституции Совету министров принадлежит огромная власть»²⁹.

Вынужденный в угоду западным союзникам прикрываться фиговым листком демократических деклараций, Колчак в кругу единомышленников не скрывал своего презрения к политическому плюрализму и парламентаризму. Более того, вся система созданной им власти не позволяла парламентским политикам вмешиваться в ведение войны.

Номинально с 18 ноября 1918 г. была установлена диктатура Колчака. Но адмирал не годился для этой роли. Генерал Будберг нарисовал такой портрет диктатора: «Обыкновенный тип адмирала, очень взбалмошный и непривыкший сдерживаться, узкий моряк, наполненный морскими традициями и предрасудками, абсолютно незнакомый с военным делом и с администрацией; положительные качества — искренность, идейность борьбы за Россию, кристальная честность, ненависть к беззаконию — все это очень мало для возглавления Верховной власти в такое время»³⁰.

О полном отсутствии диктаторских качеств у Колчака свидетельствовал лидер омских кадетов Н.В.Устрялов. В его дневнике есть такая запись от 21 июля 1919 г.: «Диктатор... Трезвый, нервный ум, чуткий, усложненный. Благородство, величайшая простота, отсутствие всякой позы, фразы, аффектированности. Думается, нет в нем тех отрицательных для обыкновенного человека, но простительных для гения, свойств, которым был богат Наполеон. Видимо, лозунг «Цель оправдывает средства» ему слишком чужд, органически неприемлем, хотя умом, быть может, он и сознает все его значение. В этом отношении, величайший человек современности (тоже, к гордости нашей, русский) Ленин является ему живым и разительным

примером». Свою запись, сделанную после встречи и беседы с Колчаком, автор закончил словами: «Я боюсь — слишком честен, слишком тонок, слишком «хрупок» адмирал Колчак для «героя» истории»³¹. Политические и идеологические идеи вождей и рядовых участников белого движения были столь же разнообразны, как и социально неоднородно было само движение. Разумеется, какая-то часть стремилась к реставрации монархии и старого, дофевральского режима вообще. Но вожди белого движения отказались поднять монархическое знамя и выдвинуть монархическую программу. Это относится и к Колчаку. Бывший премьер-министр колчаковского правительства Вологодский категорически отвергал обвинения Колчака «в реакционности и тайном стремлении восстановить монархию в России». В интервью, которое он дал в начале 1920 г., находясь уже в эмиграции в Китае, он характеризовал Колчака как достаточно умного человека, «чтобы понять, что нет возврата к прошлому, чуждого идей абсолютизма, не способного стать диктатором»³².

Другой деятель Омского правительства министр Серебренников в своих воспоминаниях видел в нем «честнейшего и искреннейшего русского патриота», человека кристальной душевной чистоты, благородные порывы которого падали на бесплодную почву, а стремление ко благу родины опрокидывалось ужасной действительностью³³.

Вологодский и Серебренников вовремя покинули корабль, ведомый Колчаком, и могли не заметить, что адмирал давно ведет свой государственный корабль недемократическим курсом. А вот А.К.Клафтон, один из лидеров сибирских кадетов, приведших Колчака к власти, видевший в лице Колчака гарантию против самодержавно-реставраторских устремлений сибирской военщины, признал на судебном процессе в мае 1920 г. что глубоко заблуждался. «Мне казалось, — говорил он, — что в лице Колчака мы имеем честного национального вождя, вокруг которого группируются демократические декларации, которые издавали Верховный правитель и правительство. ...но тогда еще не было ясно, что мы имеем диктатора Колчака, а имеем игрушку в руках целого ряда атаманов с одной стороны и с другой стороны той ставки и военщины, о которых здесь говорили.

Здесь не создалось ничего, а развился тот букет жестокостей и ужасов, который является признаком бессилия»³⁴.

СОВЕТ МИНИСТРОВ

Свергнув эсеровскую Директорию, Колчак сохранял Совет министров, утвержденный Директорией. Большинство членов кабинета составляли умеренные социалисты, но достаточно представительным был и прокадетский фланг. Г. Гинс сообщил русскому послу в Лондоне, что П.В.Вологодский и С.С.Старынкевич — эсеры, Л.И.Шумиловский, Н.И.Петров, А.А.Грацианов — социал-демократы, Н.С.Зефилов — энес и И.А.Михайлов — беспартийный социалист³⁵.

Общим для этого ядра правительства являлся также уклон в сторону сибирского областничества. Это и не удивительно, ведь все они были провинциальными общественными деятелями, все время жили в Сибири. Доктрина областничества сводилась к более или менее ограниченной автономии Сибири в будущем, а в настоящем — к изоляции Сибири от разложившейся большевистской России. Изоляционистическая идея требовала соответствующих карантинных мер и противоречила расчетам создания базы в Сибири для планомерного движения на Центральную Россию и противоречило планам Колчака восстановить единую и неделимую Россию.

В ноябре 1918 г., чтобы получить поддержку союзников, лучшей маскировки под демократический режим, чем сохранение социалистического правительства, трудно было придумать. Министр юстиции Старынкевич сообщил своему заместителю эсеру Третьяку важную новость: «В настоящее время социалистам никакой опасности не угрожает, так как правительство заинтересовано их оставить — необходим демократический фигурный листочек»³⁶. Позднее, когда Колчак убедился, что эффективной помощи от союзников ему нечего ожидать, он заменил умеренных социалистов в своем кабинете консерваторами и правыми кадетами.

В поезде Колчака при его аресте был обнаружен документ с названием: «Состав Совета Министров». Ни подписи, ни даты

там не было. Но содержание документа свидетельствует о том, что автор хорошо знал тех, кому давал оценки. Самым ярким в среде сотоварищей по власти был, по мнению автора, двадцативосьмилетний И.А. Михайлов. Его побаивались, но чувствуя его интеллектуальное и волевое превосходство, перед ним пасовали и его слушались. У него, несомненно, большое честолюбие, аппетит к власти, темперамент игрока, вкус и страсть к упорной политической интриге. Все время он ищет для себя точку опоры, политическую базу. Сегодня это социалистические кооператоры, а завтра он сближается с «буржуями», ведет переписку с атаманом Анненковым, «устанавливает контакты с генералом Андогским». Он пойдет на все — «на перевороты и, если надо то политическое убийство. Это — дитя революции».

Он оказался очень плохим министром финансов, так как у него нет ни знаний, ни практического опыта. Находясь в центре политических интриг, он нажил себе многочисленных врагов. Сибирские социалисты, которые помогли ему подняться к власти, считают его предателем. Более умеренные кооператоры задумываются — не змею ли они согрели у себя на груди. Связь с «красным» генералом Андогским восстанавливает против него реакционного генерала Иванова-Ринова, объявившего Михайлова чуть ли не левым эсером, а чехи пытаются арестовать как «крайнего реакционера»³⁷.

С оценкой анонимного автора поразительно совпадало и мнение самого Колчака, о котором поведала Тимирева на допросе 24 января 1920 г. «Михайлова адмирал считал очень энергичным человеком, честолюбивым, большим интриганом, преследующим чисто личные цели. Его финансовые промахи стали явными лишь с течением времени»³⁸.

На вершине государственной пирамиды, возведенной Колчаком, находился рядом с ним председатель Совета министров П.В. Вологодский. Формально власть Колчака ограничивалась необходимостью предварительного одобрения любых его действий Советом министров. Все акты Верховного правителя скреплялись подписью председателя Совета министров³⁹. В случае смерти, тяжелой болезни, а также в случае отказа от звания Верховного правителя, верховная государственная власть переходила к Совету министров.

Дублер Колчака, по словам Тимиревой, «особым расположением у адмирала не пользовался, он держался как известный сибирский деятель, порядочный человек»⁴⁰. Не пользовался он расположением и у автора докладной записки. Провинциальный с весьма ограниченным кругозором политик — таково мнение автора о Вологодском. Весьма скептически отзывался о его социалистических убеждениях. «Политически числится социалистом-революционером в почетном и легком смысле этого звания, в смысле революционности, которая не мешала ни заработку, ни карьере». Многие годы избирался в члены совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты. Керенский назначил его старшим председателем Омской судебной палаты. При большевиках вовремя перешел на службу в кооператив и отличался почтительным отношением к новым властям. После свержения большевиков вспомнил о своем эсеровском прошлом и возглавил Сибирское правительство, стал членом проэсеровской Директории.

Поддержав режим Колчака, союзники способствовали популярности его премьер-министра на Западе. Имя Вологодского замелькало в телеграфных и газетных сообщениях из Омска. Благодаря этому он стал на Западе символом прогрессивной политики в противовес реакционным представителям омской власти.

Круг его симпатий провинциален и мелок. К тому же, что выше этого круга, он относится с подозрительностью и недоверчивостью уездного дельца. В вопросах внутренней политики он весьма склонен поддерживать идею сибирского большинства — своих людей в Совете министров. Во всех вопросах принципиальных в деле управления он будет искать «позиции, наиболее разбавленные и внутренне ничтожные», принимая свою ограниченность за дальновидность. Наоборот, в вопросах внешних, оказавшись хотя бы на время предоставлен сам себе, он по неразумению может наделать большое зло. «Неосторожная и ненужная болтовня его не раз в этой области создавала опасные положения». Явно не пригодный для больших государственных дел, в личном обиходе, по словам автора, Вологодский — это мягкосердечный и добрый человек⁴¹.

Негативных оценок заслужили и другие министры. Н.С. Зефиров — министр продовольствия, для этой должности

«был еще разумеется молод и неподготовлен», он человек деятельный, честолюбивый, «духовно вульгарный», по природе карьерист, человек личного напора и приспособления». Он всегда будет «в той группировке, где будет обеспечено ему заметное положение». Министр юстиции С.С.Старынкевич — это бесильный и ничтожный деятель. Для него характерны такие качества, как «малое развитие, пониженное правосознание, судебное легкомыслие, отсутствие административных качеств». Однако желание оставаться министром «выражено у него до смешного определенно». При обсуждении его кандидатуры на пост министра его никто не поддержал, но его назначила Директория и поддержал Вологодский. Знаменитый ботаник, профессор Томского университета В.В.Сапожников — «к сожалению, полная политическая наивность и никуда негодный министр просвещения». Пожилой, весьма порядочный человек, бывший мировой судья А.Н.Гаттенберг тоже оказался «совершенно не соответствующим должности министра внутренних дел». Ни о какой программе у министерства, где все бредут в разные стороны, нет и в помине. «Катастрофа управления уже налицо»⁴².

Все они выплыли на мутной волне величайшей бури, пронесшейся над Россией. Ни о какой дружной совместной работе этих случайных людей не могло быть и речи. Вскоре начались интриги, подсиживания друг друга. Уже 1 января Вологодский записал в своем дневнике о беседе с министром транспорта Л.А.Уструговым: «Мы оба признали, что в Совете Министров нет единства настроений, явно обнаруживаются сепаратные течения, что вредит согласованности действий и продуктивности работ Совета Министров. Благодаря такому положению бегут с министерских постов такие работники, как И.И.Серебренников»⁴³. Собеседники пришли к выводу о начале развала правительства.

Через два месяца к Вологодскому явилась группа министров: Михайлов, Петров, Зефилов, Смирнов и Сукин и управляющий делами Совета министров Гинс и ультимативно поставили вопрос о замене военного министра Степанова, министра юстиции Старынкевича, министра внутренних дел Гаттенберга, управляющего министерством торговли и промышленности

Щукина как не соответствующих по своим деловым качествам занимаемым постам.

От имени группы возмутителей спокойствия выступал Михайлов. Особенно непреклонен был он по отношению к военному министру Степанову, считая его человеком бумажным, «зарывшимся в законопроекты, инструкции и т.п., но без организаторских и распорядительских способностей, вследствие чего фронт плохо обслуживается». Все это создает раздражение на фронте и грозит вылиться в поход фронтовиков против тыловых крыс. Возмущен был Михайлов и окружением Степанова, которое, как и он сам, прибыли из центра России и плохо знали Сибирь⁴⁴.

Вологодскому удалось на этот раз уговорить мятежную группу подумать еще раз, прежде чем производить массовую замену министров. Но противостояние продолжалось. 12 марта к Вологодскому снова явились Михайлов, Петров, Гинс, Смирнов, Сукин, Тельберг и повторили свой ультиматум. Он заявил, что такая смена целой группы министров опасна, так как будет истолкована антиправительственными элементами как признак распада власти, как образование в самом Совете министров глубокой трещины и поэтому он еще раз должен подумать об их требованиях⁴⁵.

Когда Вологодский доложил Колчаку об ультиматумах министров, он крайне резко и отрицательно отнесся к их требованиям замены части министров. На одном из совещаний у Верховного правителя та же группа министров подняла вновь вопрос о замене некоторых министров, но снова получила от адмирала решительный отпор. Однако жалобы министров на других продолжались с неослабевающей силой. Весь дневник Вологодского заполнен сообщениями об этом, напоминая книгу жалоб, а не дневник премьера. 1 мая он записал в дневнике: «У меня снова был Г.А.Краснов с поручением от группы министров — требовать увольнения некоторых министров, что в случае неисполнения их требования они сами просят уволить их с занимаемых ими постов»⁴⁶.

Не выдержав натиска группы Михайлова, стали подавать в отставку министры Сапожников, Зефилов, Гаттенберг, Старынкевич. А вскоре пришел черед и группы Михайлова, которую адмирал отправил в отставку. К ноябрю 1919 г. из всего состава

правительства, голосовавшего за избрание Колчака, на месте остался министр труда Шумиловский и государственный контролер Краснов. А 22 ноября Вологодский прочитал указ Верховного об увольнении его от должности председателя Совета министров.

Перетасовка состава кабинета не могла излечить органического порока режима Колчака, который шел по традиционному пути прежней, старой администрации. Колчак не мог отрешиться от старой, до него созданной системы управления государством. Да это и не удивительно — ведь большинство из его окружения состояло из дореволюционной номенклатуры уездного и губернского масштаба, которая не знала других методов управления, кроме тоталитарно-бюрократических. Засилье в государственной системе касты статских, надворных, коллежских советников вело к тем же плачевным результатам, что и в дореволюционные времена.

По определению активного участника белого движения И.К.Окулича, «правительство адмирала Колчака представляло из себя, по своей конструкции, сколок с правительства императорской России, с его централизацией, недоверием к местным людям». Очень критически оценил он возможность и потенциал этого правительства. В составе кабинета он увидел провинциальных министров, сплошь серых людей, которые «мечтали сделаться вершителями судеб великой России». Фактически делами вершат какие-то молодые люди, никому ранее не известные, действующие «с апломбом, присущим мало опытным и скверно осведомленным лицам», которые совершенно не интересовались и не считались с настроениями народных масс. Встречи с Вологодским и Колчаком оставили тяжелое впечатление.

Вологодского он посетил в январе 1919 г., «доложив о результатах поездки в Париж, Лондон и Вашингтон». «Я увидел перед собой не председателя Совета министров всероссийского правительства, — вспоминал Окулич, — а типичного провинциала, каким я его знал в качестве присяжного поверенного в Томске, не имеющего государственной программы, не ориентированного в международной обстановке, пожалуй, очень уставшего». Перед Окуличем сидел «безвольный человек, не представлявший всей совокупности дел и по-видимому лежащей на нем

ответственности, одинаково готовый идти в роли председателя Совета министров с социалистами и монархистами».

В апреле И.К.Окулич, перед отъездом за рубеж, был принят Верховным правителем. «С тяжелым чувством я покидаю родную Сибирь» — вспоминал он позже. За время пребывания в Омске Окулич видел, что «нервный, не знающий страны, население и гражданских дел Верховный правитель, несущий на себе всю ответственность за совершающееся, является лишь номинальным диктатором»⁴⁷.

Стабильность режима подрывали генералы и атаманы, они «считая и адмирала пешкой, поделив всю Сибирь между собой, каждый действовал за себя и враждебно относился к другому». «Колчак не сумел справиться, — отмечал Н.Н.Львов в докладе «Белое движение», — с атаманщиной, с проявлением грубой военщины, с своеволием генералов»⁴⁸.

Неспособность правительства контролировать поведение атаманов Семенова, Дутова, Анненкова и других подорвало власть и репутацию его как в самой Сибири, так и за границей. Тот факт, что казацкие атаманы продолжали грабежи и бандитские походы против населения при полной пассивности правительства, говорили о его слабости и дезорганизованности, а также усиливали насильственно-репрессивные методы управления страной.

Американский военный наблюдатель докладывал, что Колчак не имеет власти для упрочения своего положения. «Каждый из атаманов на самом деле монархист... Как только (Колчак) попытается открыто выступить против казаков, он тут же подвергнет опасности существование его правительства...»⁴⁹.

Один из лидеров антибольшевизма А.И.Гучков уже в январе 1919 г. в письме Деникину высказал серьезные сомнения в прочности правительства Колчака. «Та комбинация власти, — писал он, — которая там создана, даже после насильственного удаления разлагающихся элементов полубольшевистского типа, все же представляется довольно сложной, искусственной и поэтому хрупкой. Наконец, она вся держится на личности адмирала Колчака, с исчезновением которого рухнет и вся комбинация»⁵⁰.

Разъясняя позицию омского правительства западным союзникам, Вологодский писал Сазонову в Париж 2 февраля 1919 г.,

что начатая правительством борьба «против врагов цивилизации, стоящих препятствием к установлению внутреннего и международного правопорядка, будет доведен им до конца. Это не есть вражда между двумя партиями за власть. Нами поднято оружие не против политических соперников, но в целях борьбы с началами анархии, против которых рано или поздно ополчатся все демократы мира»⁵¹. В связи с окончанием мировой войны правительство опубликовало 6 декабря декларацию, в которой объявляло о своем стремлении «к воссозданию государственности на началах истинного народовластия, свободы и равенства»⁵².

Существенным пробелом программы колчаковского правительства, по мнению управляющего делами Г. Гинса, «была неясность его политической физиономии»⁵³. Оно обещало вести войну с большевиками не на жизнь, а на смерть. Но что положительного оно обещало? Ссылка на национальное собрание, а позже и на Учредительное собрание была равносильна отказу от конкретной программы будущего государственного устройства. В то же время документы правительства были пронизаны отвлеченными идеями «Единой, Великой России» и «единоличной власти». Эти идеи, по словам Гинса, «выставлялись как самоцель, им приносились жертвоприношения, и в увлечении ими было также мало практичности, как и в стремлении левых партий к социализации земли и национализации промышленности»⁵⁴.

Другой соратник адмирала — генерал М. К. Дитерихс писал: «Единственной существенной идеей, владевшей, пожалуй, всеми, и объединявшей нас против советской власти, являлась одна маленькая, нечистая и уж во всяком случае, не святая идейка: это жалкая идейка мести, ненависти к большевикам. Но такая отрицательная идейка не могла создать прочного и национального братского или государственного объединения, ибо сама по себе несла в себе, как отрицательная, элементы разрушения, что и проявлялось в течении всего пятилетнего периода белого движения. Так было на всех фронтах»⁵⁵.

Метастазами насилия были поражены все государственные и военные структуры режима Колчака. В одной из бесед с Гинсом, адмирал заявил: «Гражданская война должна быть беспощадной. Я приказываю начальникам частей расстреливать всех

пленных коммунистов. Или мы их перестреляем, или они нас. Так было в Англии во время войны Алой и Белой розы, так неизменно должно быть и у нас и во всякой гражданской войне»⁵⁶. Ненавистью к большевикам дышат и программные заявления Колчака. В своем обращении «К народам России» от 24 июля 1919 г. он объявляет большевиков «шайкой грабителей, руководимых международными отбросами», с которой он ведет смертельную борьбу, «пока враг не будет уничтожен».

Досаждали адмиралу также критические выступления в западной печати самых непримиримых противников его режима — Авксентьева, Зензинова, Керенского, Аргунова и других лидеров эсеров. «У нас нет политических устремлений, и поэтому утверждения, что мы реакционеры, не верны», — утверждал Колчак в «Нью-Йорк Таймс» от 2 августа 1919 г. Он убеждал западных читателей, что строго следит за соблюдением конституционных рамок и не занимается проблемами, выходящими за пределы мандата его правительства: оно «не призвано решать насущные вопросы, касающиеся территорий и национальностей, так как в этом случае оно стало бы автократической властью»⁵⁷.

Судя по заявлениям и декларациям, правительство Колчака стояло на почве демократического строительства государственной власти. Но на самом деле все было иначе. Это вынужден был признать Вологодский в уже упоминавшемся интервью. Мы были совершенно искренни, говорил он корреспонденту, когда в своих политических заявлениях выступали против «всякого рода насилия», за общественную самостоятельность. Но исполнители на местах, воспитанные на старых навыках обращения с народом, творили безобразия, пороли без разбора и старых и малых, виновных и невинных, реквизируют крестьянское добро за мизерное вознаграждение. Такие действия сильно дискредитировали в глазах населения центральную власть, а мы не имели достаточно сильного административного аппарата на местах, чтобы бороться с этими злоупотреблениями власти. К тому же гражданская власть в лице Совета министров была парализована засильем военной власти, которая «не считалась с правительством и творила такое, что у нас волосы на голове становились дыбом»⁵⁸.

(Самым трудным для антибольшевистского движения был аграрный вопрос.) Колчак, как казалось, был близок к тому, чтобы разрубить этот гордиев узел. В Декларации его правительства от 8 апреля 1919 г. население заверялось в том, «что урожай будет принадлежать тем, кто сейчас пользуется землей», даже если они не являются собственниками и арендаторами. Правительство обязалось принять меры «для обеспечения безземельных и малоземельных крестьян и на будущее время», используя для этого в первую очередь частновладельческую и казенную землю, уже фактически перешедшую крестьянам. Этот шаг, наиболее радикальный в аграрной политике белого движения, был направлен против дворянского землевладения в поддержку мелких трудовых хозяйств, владеющих землей как частной собственностью. Только так, подчеркивалось в Декларации, можно обеспечить благосостояние многомиллионного русского крестьянства — здоровой и прочной основой... обновленной, свободной и цветущей России. Окончательное же решение этого вопроса откладывалось на неопределенное время — до созыва национального собрания, а самовольные захваты запрещались⁵⁹.

Встретив сопротивление защитников помещичьего землевладения Колчак делится своими мыслями с Деникиным. В письме к нему 23 октября он доказывает, что недопустима политика сохранения отжившей формы землевладения, и одобряет меры, направленные на переход земли в собственность крестьян. А земли, фактически перешедшие к крестьянам, предлагает сохранить за ними. Только такая политика, по мнению адмирала, «обеспечит необходимое сочувствие крестьянства освободительной войне, предупредит восстания и устранил возможность разлагающей противоправительственной пропаганды в войсках и населении»⁶⁰.

Однако Колчаку так и не удалось осуществить эти намерения. По этому поводу Гинс заметил: «Слишком много вокруг власти российского правительства накопилось элементов старого режима, слишком робки и неопределенны были шаги правительства, направленные к реализации его обещаний»⁶¹. Затяжка решения земельного вопроса вела к тому, что Колчак быстро растерял те политические преимущества, которые были связаны с антибольшевистскими настроениями среди сибирского крес-

тьянства. В Сибири бедняки составляли лишь незначительную часть сельского населения. Крестьяне здесь не испытывали земельного голода и были богаче своих собратьев из центральной России. Общинные связи в Сибири были очень непрочны и вообще менталитет сибирских крестьян был гораздо менее коллективистским, и более приверженным традиции сельской автономии. Их отпугивала непримиримость большевиков в отношении партии эсеров и таким представительным учреждениям, как Сибирская областная дума и Учредительное собрание.

Однако Колчак и его правительство не использовали исторический шанс повернуть сибирского мужика против большевиков. Приход Колчака к власти не привел к облегчению жизни крестьян. В условиях военной экономики правительство обратилось к суровым мерам — воинским наборам в армии, реквизициям продовольствия и, встретив сопротивление, начало карательные военные экспедиции против деревни. Крестьянство ответило мощными вооруженными выступлениями против такой политики.

Только соглашение с крестьянством позволило бы Колчаку нанести сокрушительный удар большевикам, укрепить политическую позицию своего правительства, расширить его влияние. Это подорвало бы ленинскую аргументацию, что белые — ни что иное, как партия помещиков. Но такая политика требовала смелости, воли, политической проницательности при решении важных социальных проблем, которых явно не хватало в Омске: она могла привести и к потере поддержки помещиков.

Таким же глубоким внутренним противоречием отмечена и национальная политика правительства Колчака. Действуя под лозунгом «единой и неделимой» России, оно не отвергало, по заявлению министра иностранных дел Ю.В.Ключникова, «самоопределения народов» как идеал. Но в том же заявлении подчеркивалось, что «крайние выводы из него» (образование самостоятельных государств) «не привлекают уже больше общественное внимание России»⁶².

В ответ на требование делегаций Азербайджана, Эстонии, Грузии, Латвии, Северного Кавказа, Белоруссии и Украины на Версальской конференции о предоставлении им независимости, Колчак предложил подождать до Учредительного собрания. Отказавшись от создания из освободившихся от большевизма ре-

гионов противобольшевистской конфедерации, Колчак проводил политику, обреченную на неудачу. «На горе нам, писал позже генерал Филатьев, Верховный правитель был начисто лишен чувства реальности. Однажды, когда Колчак дал очень уклончивый ответ французскому премьеру на вопрос о судьбе Латвии, Литвы и Эстонии, Филатьев спросил его, почему он не ответил более определенно Клемансо, Колчак, по его словам, «немедленно запыхал, “заштормовал”, как там говорили и, повышая голос, сказал: “Я не могу поступиться завоеваниями Петра Великого”». «Я не мог ему ответить, что он не является наследником Петра Великого. Прибалтийские государства все равно стали самостоятельными»⁶³.

Во время подготовки второго наступления генерал Н.Н.Юденича на Петроград генерал К.Г.Маннергейм сообщил Колчаку, что готов двинуть против большевиков свою армию. Единственным условием он выдвигал официальную декларацию Верховного правителя о признании независимости Финляндии. Колчак наотрез отказался принять предложение Маннергейма, заявив, что идеей единой и неделимой России он не поступится ни при каких обстоятельствах и ни за какие «минутные выгоды»⁶⁴.

Колчак соглашался лишь на внутреннюю автономию народов, находившихся на территории России: якутов, башкир, татар. Однако его правительство откладывало конкретные шаги до окончания Гражданской войны. Даже в канун своего крушения оно не отказывалось от своих имперских амбиций.

Один из сотрудников Колчака — Н.Устрялов писал 18 октября 1919 г. в газете «Русское дело»: «Пора понять, что удельно-вечевой период русской революции давно кончился. Новая Россия ждет своего Калиту, и дело национального возрождения может вестись под знаменем государственного объединения. Разумеется, именно это знамя развевается над резиденцией верховного правителя». Но Калиты из Колчака не получилось. Он, как Николай II, не мог заключить сепаратной сделки или отдать часть исторической территории страны, даже если это грозило поражением. Стратегически не было ничего легче и выгодней, чем пойти на уступки сепаратистам — дать независимость украинцам, полякам, прибалтам, финнам в обмен на их помощь в борьбе с большевиками. Великодержавные амбиции

Верховного правителя не только лишили его режим поддержки потенциальных союзников, способной склонить чашу весов в его пользу, но и оттолкнули активно помогавших союзников. Решение Омска о включении башкирских отрядов в регулярную белую армию повернуло их против колчаковского режима, не уважавшего их права на самостоятельность. Башкирские лидеры и 2 тыс. их солдат перешли на сторону большевиков, которые разрешили в феврале 1919 г. создание Башкирской республики⁶⁵. Сепаратизм, разбуженный революцией, стал союзником большевиков, выдвинувших лозунг самоопределения наций вплоть до отделения от России.

Деятельность правительства в Омске показала, что оно игнорирует жизненно важные проблемы, откладывая их решение до победы над большевиками. В конечном счете, решение вопросов, определявших каждодневную жизнь людей, оказались в руках полевых командиров, которым судьбы этих людей были безразличны. В результате применение «военного права» стало настолько обычным делом, что даже закаленные правительственные чиновники начали протестовать. Гражданский губернатор Урала, уходя со своей должности в апреле 1919 г. засвидетельствовал о полном произволе военных: «Узаконенные нарушения прав, репрессии без суда, порка даже женщин, смерть тех, кто был арестован “при попытке к бегству”, аресты только на основании обвинения, передача гражданских юридических случаев военным, обвинение по доносу или в результате интриг — когда все это наваливается на гражданское население, глава края может быть лишь свидетелем происходящего»⁶⁶.

Сложными и противоречивыми были отношения Колчака с союзниками, от которых он так и не добился официального признания. Американцы, англичане, французы, чехословаки, японцы имели на Дальнем Востоке и в Сибири различные интересы и проводили соответственно свою политику. Это очень затрудняло положение правительства Колчака. Иностранцы воинские части боевых действий на фронте не вели, а чехословацкие войска охраняли Сибирскую железнодорожную магистраль. Но зато сражения на финансовом и дипломатическом фронтах не утихли.

Внезапное занятие в августе 1918 г. Казани чехами сделали омское правительство обладателем значительной части золотого

запаса России — на сумму около 700 млн. золотых рублей. У Советской России было меньше (около 600 млн.), а другие правительства на территории России вообще не располагали золотым запасом.

За поставки оружия, боеприпасов и обмундирования союзники требовали валюту, так как выпущенные министром финансов И. Михайловым «дензнаки», похожие на афиши, они не брали. Ее можно было добыть путем открытия кредитов, закрытых после Октябрьской революции, или с помощью займов. Но так как непризнанному правительству Запад отказался разморозить кредиты, оставалось одно — брать займы под золотое обеспечение.

Но как сам Колчак, так и другие представители омской власти делали недвусмысленные заявления: золотой фонд является собственностью всего русского народа, он находится на хранении в Омске и потому — неприкосновенен. Директор кредитной канцелярии министерства финансов А. Никольский писал позже: «Я считаю, и считал, что нужно было всею тяжестью бросить золотой запас, так неожиданно нам доставшийся, на чашу весов борьбы с большевизмом»⁶⁷. С большим трудом практическим работникам удалось преодолеть «идеалистическую» точку зрения Колчака. «К декабрю был образован фонд в 100 млн. золотых рублей, большая часть которого была уделена на нужды правительств Деникина, Юденича и др.»⁶⁸.

На деле Колчак не был таким идеалистом, каким его представлял Никольский. Он значительно чаще и в более крупных размерах опустошал доставшийся ему золотой фонд России. Об этом свидетельствуют протоколы закрытых заседаний Совета министров, о которых не подозревал один из главных финансистов Колчака. Именно там, в обстановке строжайшей секретности, создавались специальные фонды, из которых широкая золотая река текла, прежде всего, на Запад.)

19 апреля 1919 г. было принято постановление об отпуске «на расходы особого политического совещания в Париже по 40000 франков ежемесячно»⁶⁹. 19 сентября отпущено 80 млн. рублей на оплату 45 тыс. тонн фрахта за перевозку из Америки воинского снаряжения и обмундирования⁷⁰.

Деньги, выделявшиеся Деникину и Юденичу, также в основном попадали в заграничные банки в счет оплаты за боеп-

рипасы и обмундирование. А это были немалые суммы. 17 апреля правительство постановило «отпустить в распоряжении генерала Юденича 10 миллионов франков аванса за счет военного фонда»⁷¹. А 15 августа «отпущено в распоряжение Деникина 72 миллионов рублей на образование в его армии особой дивизии сибиряков»⁷². Когда Юденич образовал свое правительство и признал независимость Эстонии, Совет министров осудил эти шаги генерала, но в то же время признал 26 августа «необходимым ассигнование Юденичу просимой им суммы»⁷³. Даже этот далеко неполный список свидетельствует о том, что колчаковское правительство расходовало в счет золотого запаса значительно больше, чем называл Никольский. А можно ли установить, какую часть золота израсходовал Колчак?

Вот уже почти восемьдесят лет историки и журналисты пытаются ответить на этот вопрос, создав целый Монблан версий, легенд, гипотез. Докопаться до истины могут помочь, прежде всего лидеры Комуча, получившие золото от чехов после захвата Казани. На одном из заседаний судебного процесса против ЦК правых эсеров 1922 г. обвинитель Н. В. Крыленко, допрашивая управляющего ведомством иностранных дел Комуча и члена ЦК партии эсеров Веденяпина, прямо спросил его о судьбе золотого запаса. Вот что он сообщил суду.

Золотой запас, захваченный в Казани, составлял «около 44000 пудов» и был позже передан Директории. «После переворота Колчака мы его поручили чешскому правительству». Затем часть золотого запаса «захватил Колчак», часть затронули. «Если не ошибаюсь, — заявил Веденяпин, — 19 тысяч пудов наши товарищи, которые боролись против Колчака, взяли при нем»⁷⁴. Здесь речь шла о эсеровском Политцентре в Иркутске, который возглавил восстание против Колчака, а его представители арестовали Колчака и захватили вагоны с золотом в январе 1920 г.

Данные Веденяпина не были никем опровергнуты или подвергнуты сомнению на суде. Таким образом, Комуч, Директория, союзники и Колчак 25 тыс. пудов золотого запаса, захваченного в Казани или около 56%, растратили за год с небольшим. Значительная оставшаяся его часть была поставлена на службу диктатуре пролетариата. Впрочем, это уже другая история.

По мере ухудшения военного положения диктатора, споры в Омске между союзниками и Колчаком о судьбе русского золота, обострялись. Стремясь не допустить захвата большевиками золота, союзники усилили нажим на Колчака, чтобы он передал золото под их охрану.⁷⁵

В дневнике Вологодского от 29 сентября появилась запись, свидетельствующая об острых противоречиях Колчака и союзников по вопросу о судьбе золота. Однажды почти весь персонал дипломатических представительств и военных миссий явился к Верховному и предложил ему взять под международную охрану государственное золото и вывезти его во Владивосток. В предложении такой «миллой услуги» Вологодский увидел стремление союзников в случае падения Колчака погасить хотя бы часть долгов русских правительств за счет золота. На это Колчак ответил очень резко: «Не дам я вам золото под охрану — я Вам не верю». Представители союзников ушли от Верховного подавленные и, может быть, «с затаенной злобой против адмирала»⁷⁵.

Другой внешнеполитический узел был завязан в отношениях с Японией. Колчак не скрывал своей антипатии к Японии, а его министр И.И.Сукин проводил демонстративно политику сближения с Америкой — соперницей Японии. Японское командование ответило активной поддержкой атаманщины, которая пышным цветом расцвела в Сибири. Мелким честолюбцам, вроде Семенова и Калмыкова, удалось при поддержке японцев создать в глубоком тылу Колчака постоянную угрозу омскому правительству, которая ослабляла его и связывала свободу действия. «Застава» в Чите в любой момент могла остановить сообщение с единственным портом Сибири — Владивостоком, через который шло все военное снабжение колчаковской армии.

Атаман Семенов «задержал» в октябре 1919 г. 2000 пудов золота, отправленного во Владивосток для оплаты заказов на оборону. Сближение с Японией могло изменить всю стратегическую ситуацию в пользу Омска. Вместо постоянной угрозы в тылу Колчака была бы прочная стена японских штыков: японская армия была одной из лучших в мире и разложить ее большевикам было бы очень трудно. Но этот шанс не был использован Колчаком по принципиальным соображениям, считавшим Японию потенциальным врагом России.

Серьезный конфликт с союзниками произошел еще в начале 1919 г., когда Омск, уверенный в своих успехах, высокомерно отверг приглашение союзников участвовать в мирных переговорах всех противоборствующих сторон на Принцевых островах. Омское правительство заявило, что предложение наносит оскорбление патриотам России. В основе возросших амбиций Омска лежал очевидный рост интервенционистских настроений британских тори. Особой воинственностью в кабинете министров отличался первый лорд Адмиралтейства У.Черчилль, считавший, что более благоприятного момента задушить большевизм в колыбели не будет. Но в Омске не имели представления, что даже Черчилль не всегда мог навязать свою волю британским министрам и особенно премьер-министру Ллойд-Джорджу. Зато граф В.Н.Кокцов, бежавший в начале 1919 г. из Советской России и оказавшийся на берегах Темзы, это почувствовал очень скоро.

Крупного царского сановника встретили в Лондоне радушно — здесь хорошо знали о роли в сближении Англии и России Кокцова, возглавлявшего царское правительство перед войной. Но результаты встреч, интервью, торжественных обедов в его честь глубоко разочаровали графа. Подтвердился прогноз французского посла в Лондоне Поля Камбона, который в беседе с экс-премьером сказал прямо: «никакой интервенции Вы не добьетесь и ее не будет». В Англии, а еще больше в Америке «никто не желает вмешиваться в русские дела и их не понимают». По мнению посла, англичане находятся в руках «рабочей партии» и самый успех Ллойд-Джорджа на выборах был просто результатом сделки: он обещал рабочим, что Англия в Россию не пойдет, а рабочим здесь все-таки представляется, что большевики — это социалисты, друзья и защитники беднейшего пролетариата, а вы «все, говорящие за вмешательство, защищающее ваше привилегированное положение и в глубине вашей души думающие вырвать победу из рук революции и восстановить безразлично монархию ли или что-либо иное, но, во всяком случае, в существе старый порядок»⁷⁶.

Отношения Колчака с представителем Франции генералом Жаненом были испорчены еще в 1918 г., когда Колчак, придя к власти, блокировал решение союзников сделать Жанена верховным главнокомандующим объединенными силами союзни-

ков, включая чехословацкие легиона и русские войска. После нескольких месяцев взаимных препирательств, французский генерал возглавил действия чехословаков на фронте, а дела тыла были переданы английскому генералу Ноксу. Колчак же сохранил за собой верховное командование сибирскими армиями и стратегические военные решения принимал самостоятельно, не консультируясь ни с кем из союзников.

Жанен, Нокс и Колчак были заинтересованы в увеличении относительно небольшого контингента сил союзников в Сибири. Но для этого требовалось одобрение и поддержка американского президента В. Вильсона. Вильсон согласился лишь с планом комиссии Стивенса по управлению Транссибирской магистралью, который предусматривал создание межсоюзнического железнодорожного комитета из представителей США, Великобритании, Китая, Франции и Японии, Чехословакии с российским председателем во главе. Фактически же магистраль оказалась в руках иностранцев, разделивших ее на участки, им подчиненные.

Американцы охраняли район Владивостока, японцы получили дорогу от Верхнеудинска до Читы и район Хабаровска, чехи взяли под охрану отрезок линии между Иркутском и Омском. Весь район на запад от озера Байкал отошел к французам, на восток — к японцам. Понимая, что такой раздел нарушает суверенитет России, Колчак никогда не одобрял действий союзников, хотя и вынужден был с ними примириться.

Единственной реальной надеждой Омска на внешнюю военную помощь был чехословацкий корпус, который подчинялся непосредственно Жанену. Как и французы, чехи очень проникательны, когда касалось изменения направления политических ветров. Позже, в эмиграции лидеры белого движения Деникин, Сахаров и Гинс, находясь в эмиграции, в своих книгах обвинили чехословаков, не поддержавших Колчака, в предательстве России. Но при этом они умалчивали о том, что переворот Колчака был грубым вызовом чехословакам, полным игнорированием их демократических настроений, их воли, их прямых и ясных заявлений о помощи в создании свободной и демократической республики. Директория создана была при прямом участии и влиянии представителей чешских легионеров, поэтому они в первый момент не признали переворот и пытались вос-

становить власть Директории. Но неожиданно столкнулись со стеной союзнических представителей, поддержавших Колчака, и вынуждены были отступить.

И все же проливать кровь за диктатора они не захотели. Один из руководителей русского отделения Национального совета В. Гирса, встретившись с И. Окуличем в январе 1919 г., был явно настроен против правительства Колчака. Он говорил Окуличу, «что это правительство погубит чешские воинские востии в Сибири»⁷⁷. Может быть русская демократия и чешские легионеры ошибались относительно намерений адмирала Колчака и его окружения, писал позже член Комуча Климушкин, «но тогда воспринималось [и теперь] как непреложная истина, как факт неоспоримый, что Колчак — реакция, Колчак — реставрация»⁷⁸.

Кроме того, многим становилось ясно, что союзники обманули чехов, стремясь использовать их военный потенциал в большой политической игре в роли ударного кулака против Советской России. Несмотря на огромные усилия Черчиля и других западных лидеров, к середине 1919 г. возможности английской и французской интервенции резко сократились. Без Германии и Польши начать атаки против Советской России с запада было невозможно, а эти государства не могли активно участвовать в осуществлении планов Антанты. Тогда Антанта делает ставку на чехов, стремясь втянуть их в широкомасштабную войну против большевиков. Но у них не было никаких стимулов бороться с Советами. Они добились главной цели — создания национального государства, обещанного Антантой в обмен на борьбу против Германии. После поражения Германии в России им больше нечего было делать.

Чехи не видели причин рисковать своими жизнями ради «обанкротившихся восточных кузенов», ради колчаковского правительства, все больше напоминавшего царский режим. В середине ноября, в дни падения Омска, чехи опубликовали меморандум союзным представителям, в котором содержалась резкая критика колчаковского режима. В ответ на меморандум Колчак «повелел» прекратить всякие сношения с ними. Соратники Колчака — В. Н. Пепеляев, И. И. Сукин и другие, стараясь предотвратить окончательный разрыв с чехами, буквально бомбардировали поезд Верховного телеграммами о «недопус-

тимости резких выражений», способных «бросить всю массу чехов в объятия наших врагов». Конфликт удалось уладить — Гинс в специальной ноте разъяснил, что в меморандуме речь шла только о местных властях, а не о Верховном правителе и его правительстве⁷⁸. Но Колчак окончательно лишился поддержки самой мощной вооруженной силы.

Стратегические просчеты в области внутренней и внешней политики колчаковского правительства усугублялись чудовищными ошибками в военной области. Главной из них стало решение Колчака отдать приоритет северному направлению. За это высказывался и генерал Нокс, чтобы соединиться с английскими войсками в Архангельске. Начальник штаба 36-летний Д.А.Лебедев, не имевший ни опыта, ни знаний, но мечтавший прославиться и добиться победы независимо от Добровольческой армии, убедил Колчака избрать северный вариант наступления, а не южный, позволивший бы соединиться с войсками Деникина.

Продвижение белых прекратилось так же быстро, как и началось. 26 мая премьер-министр Вологодский получил телеграмму генерала Гайды, командовавшего Сибирской или Северной армией, который сообщал о катастрофическом положении на фронте в результате безумных директив Лебедева. Совершенно беспорядочно отступала Южная армия, резко упала боеспособность Сибирской армии. Гайда потребовал «принять необходимые меры к удалению от всякого участия в командовании генерала Лебедева» и заявил о своем отказе «считаться с распоряжениями начальника штаба». Колчак не захотел расставаться со своим начальником штаба. После длительных переговоров с Гайдой и попытками найти компромиссное решение, он в конце концов сместил Гайду⁸⁰.

Военные неудачи вскрыли и другие фундаментальные проблемы армии Колчака: неэффективную мобилизацию людей и ресурсов, продажность и коррупцию в военных кругах, полный хаос в снабжении войск. Американский наблюдатель сообщал: «Все официальные сообщения о военной силе фальшивы. Предполагается, что у Колчака десять армейских корпусов, но каждый из них насчитывает не более 2 тыс. штыков. Постоянное дезертирство не наказывается. Дисциплины нет. Командующий сообщает в докладе о 20 тыс. человек в его армии и счас-

тлив, если получает довольствие и оплату для 5 тыс. На самом деле в его распоряжении 2 тыс. солдат и офицеров и он получит в свой карман все, что заплачено сверх нормы»⁸¹. В некоторых соединениях исчезало до 85% всех фондов продовольствия, одежды, табака и других предметов первой необходимости⁸².

Армия Колчака, состоявшая в 1918 г. из крепких боеспособных добровольческих частей, в основном из казаков и офицеров-добровольцев, весной 1919 г. стала в основном крестьянской. Началось резкое падение духа и боевой подготовки. «Люди на фронте оказались в тупике, не имея возможности заменить раненых. У них не было никаких удобств, таких, как чай, сахар и табак. Их валенки не заменялись на кожаные сапоги и они рвались в клочья в весенней грязи»⁸³. Они жертвовали своими жизнями, однако их зарплата составляла копейки, «их будущее было не ясно, их семьи незащищены». Им внушали, что они сражаются против злодейств большевиков, но подобные объяснения не доходили до сознания крестьян-солдат. Лишь в июле 1919 г. была введена оплата солдатам, но слишком поздно. Новобранцы массами дезертировали к большевикам⁸⁴.

Военное командование — вновь испеченные генералы Д.А.Лебедев, К.Н.Сахаров, П.П.Иванов-Ринов своими бездарными действиями усугубляло положение в армии и вело ее к поражению.

В июле 1919 г. положение колчаковской армии стало катастрофическим. Один за другим пали города Пермь, Кунгур, Красноуфимск, Златоуст и Екатеринбург. К августу отступление белых шло уже по всей Сибири, разбитые войска откатывались к столице Колчака — к Омску. Омск пал 14 ноября. Это вызвало шок у жителей города, не ожидавших появления красных: «Мы слишком верили генералам и военным специалистам вообще. Они всегда твердили нам, что никакой опасности для Омска не существует, и продолжали твердить это, пока красные не появились чуть ли не перед самым Омском»⁸⁵.

Неспособность Верховного правителя руководить армией и атаманами, обеспечить безопасность своих граждан на своей территории оказались решающим фактором в его поражении. По словам высокопоставленного чиновника Омского правительства Никольского, в военной области наиболее ярко сказался основной дефект Омского правительства: на руководящих

местах сидели совершенно не соответствующие исключительным трудностям положения люди, цепко ухватившаяся за власть. (Роковые ошибки правительства и командования, по мнению Никольского, свели на нет богатые возможности, которые имелись в Сибири для организации победы в решительной борьбе с поработителями России⁸⁶. То, что режим идет к своему краху, становилось яснее с каждым днем. Личный престиж Верховного правителя падал как среди его сторонников, так и среди представителей союзников в Сибири. В верхах, в свою очередь, развернулась ожесточенная борьба, показавшая, что соратники адмирала готовы пожертвовать им ради сохранения своей власти.

КРУШЕНИЕ ВЛАСТИ

Колчак покинул Омск 12 ноября и оказался оторванным от фронта и от своего правительства, которое переехало в новую столицу — Иркутск. В этот трудный для Колчака час бывшие его соратники от Иркутска до Владивостока объединились с его врагами против него. Во Владивостоке поднял восстание против режима Колчака один из его ближайших сподвижников генерал Гайда, которого теперь поддержали эсеры, включая председателя Сибирской областной думы И.А.Якушева.

В опубликованном им заявлении говорилось: «Девять месяцев диктатуры адмирала Колчака... привели Сибирь к полному разрушению и катастрофе...Отрезанное от населения, крестьян и рабочих, не признанное органами самоуправления (земствами и городскими Советами), правительство Колчака показало себя неспособным выполнить задачу, которую оно само определило как основную — организовать защиту страны»⁸⁷.

Это восстание было подавлено воинскими частями под командованием генерала С.Н.Розанова, его участники были арестованы и «во Владивостоке наступило спокойствие»⁸⁸. Но вслед за Владивостоком открытое выступление против режима произошло в другом крупном городе — в Новониколаевске. Офицерское собрание провозгласило «мир с Советской Россией» и созыв Учредительного собрания в Сибири. Генерал С.Н.Войце-

ховский арестовал зачинщиков этого антиправительственного выступления, но остановить развал режима было уже невозможно. А чехословацкое командование фактически превратило Колчака в заложника, отведя его поезд с золотом на запасной путь, пока чешские эшелоны с награбленным имуществом двигались безостановочно на восток.

Даже послушный Совет министров потребовал от Колчака пойти на перемену политического курса. На заседании 19 ноября правительство пришло к заключению, что необходимо учитывать общественные настроения и привлечь в состав правительства представителей более левых партий. Впервые министры осмелились обсуждать вопрос об отрешении Колчака от звания Верховного правителя. На следующий день Совет министров решил направить Колчаку телеграмму за подписью Вологодского о катастрофическом положении страны и необходимости включения в состав правительства представителей оппозиционных течений. Не получив ответа, Совет министров уполномочил Вологодского «говорить по прямому проводу с Верховным Правителем в решительном тоне о скорейшем разрешении поднятого Совмином вопроса».

Во время переговоров Колчак отверг с порога идею демократизации своего режима, предложенную Вологодским от имени Совета министров. Он объявил ему, что подписал указ об образовании при Верховном правителе Верховного совещания, состоявшего преимущественно из военных и по существу передал ему всю власть и подчинил ему Совет министров. Одновременно Колчак сообщил о том, что решил поручить формирование нового кабинета В.Н.Пепеляеву⁸⁹.

Это был откровенный удар по предложенному Советом министров курсу. Пепеляев, стоявший на ультраправом крыле партии кадетов, никогда не отличался гибкостью. Его отличала слепая ненависть в большевикам и презрение к массам, которыми он считал возможным легко распоряжаться при помощи насилия, диктатуры⁹⁰.

Соратник Пепеляева по партии Червен-Водали еще 1 ноября на приеме у Колчака вместе с делегацией Экономического совещания при обсуждении кандидатур на пост премьер-министра высказался против Пепеляева. «Это будет, — заявил он Колчаку, — рассматриваться общественностью как поворот к еще большей

реакции». И хотя он, по мнению Червен-Водали, вовсе не реакционер, но как министр внутренних дел «отвечает за произвол в Сибири»⁹¹. Кандидатуру С.Н.Третьякова, выдвигавшейся либеральной частью правительства, адмирал отверг на том основании, что тот мало знаком с положением в Сибири «и не подходит как представитель крупного капитала».

Колчак сделал выбор, поставив все точки над «и». Он считал кандидатуру Пепеляева наиболее подходящей в тех исключительно сложных условиях. Коренной сибиряк, родившийся в 1884 г. в Томской губернии, Пепеляев окончил юридический факультет Томского университета, преподавал историю в ряде гимназий. В 1912 г. был избран членом Государственной Думы, где вступил во фракцию кадетов, и стал товарищем председателя комиссии законодательных предположений. С марта по май 1917 г. — комиссар Временного правительства в Кронштадте. После Октябрьской революции — активный участник антибольшевистского движения, член Национального центра. В августе 1918 г. командирован Национальным центром в Сибирь. В одной из бесед с Вологодским он высказался против республиканского строя, так как Россия для этого еще не созрела⁹². Его характеристику можно завершить словами автора записки «Состав Совета министров» о том, что он «человек ума грубова-того, но большой энергии, физически крепкого, огромной трудо-способности. Горячий искренний патриот»⁹³.

Неожиданно для Колчака, Пепеляев потребовал в ультимативной форме изменения политического режима в сторону демократизации. Дело не в личных переменах, это было бы опасным самообманом, ибо внешние перемены не спасут, могут помочь только «внутренние перемены». Пепеляевская программа предусматривала: Верховный правитель управляет через назначенных им министров, отказывается от исключительно военной системы управления, решительно вступает на «путь законности и борьбы с произволом», расширяет права «Государственного земского собрания», о создании которого Колчак уже сообщал в грамоте 16 сентября. По мнению Пепеляева, эти меры позволят обновленной власти осуществить «проникновение в народ, сближение с оппозицией, объединение здоровых сил страны». Колчак, внося некоторые коррективы в программу, в принципе с ней согласился и 22 ноября телеграфиро-

вал в Иркутск о назначении В.Н.Пепеляева председателем Совета министров⁹⁴.

Пепеляев не только добился от Верховного правителя крутого изменения курса политики, но и привлек в правительство представителей оппозиционных сил: Третьякова, в качестве заместителя премьера, Червен-Водали, ставшего управляющим МВД, и Бурьшкина. Особую роль в последние дни колчаковского режима сыграл А.А.Червен-Водали, занимавший либерально-центристские позиции и выступавший за представительный строй на началах демократии, возглавивший остатки угасавшего правительства в Иркутске с середины декабря 1919 г. до 5 января 1920 г.

Александр Александрович Червен-Водали появился в Сибири в то время, когда режим Колчака уже переживал тяжелый кризис. О цели своего приезда он сообщил на первом допросе 11 января 1920 г.: «Я прибыл в конце июля с Юга окружным путем через Владивосток в качестве председателя делегации Союза городов, уполномоченного Национального центра и армии генерала Деникина»⁹⁵. Екатеринодар направил своего эmissара в Омск для того, чтобы он «установил политическую связь с местными общественными деятелями и правительством Колчака»⁹⁶. По существу речь шла о расширении и укреплении антибольшевистского альянса как на Востоке, так и в масштабе всей России.

Он получил прекрасное образование, окончив физико-математический и юридический факультеты Петербургского университета. Многие годы работал в органах городского самоуправления, в 1915-1917 гг. — председатель Тверского союза городов, затем — председатель общественного исполкома Твери. Был членом московской управы. В партию кадетов он вступил в 1905 г.

Ознакомившись с политической обстановкой в Сибири, Червен-Водали «быстро убедился, что политика правительства носит определенно реакционный характер и пагубна для страны». Вся власть в центре и на местах было сосредоточена в руках реакционной военщины, а демократические земства и городские думы обладали совершенно ничтожными правами. На встрече с Верховным правителем Червен-Водали «указал Колчаку на гибельность такого рода политика» в вопросах внутрен-

него управления, на необходимость покончить с царившим повсюду беззаконием и произволом, чинимым военными диктаторами различного калибра вплоть до мельчайших городов, путем изъятия у военных функций гражданского управления. Только так можно установить режим, «который объединил бы правительство с обществом, с земствами и городами и т.д.»⁹⁷. С такими же критическими замечаниями выступил Червен-Водали и на заседании Совета министров.

Однако Колчак по-прежнему считал своей главной задачей военный разгром большевиков, а нарушение гражданских и политических свобод и паралич в проведении экономических и социальных реформ относил к неизбежным издержкам в достижении победы. Поэтому он очень болезненно воспринимал критику своего режима, даже если она диктовалась интересами борьбы с большевиками. По словам А.Тимиревой, адмирал знал о суровом характере управления страной, «который принял возглавляемый адмиралом режим», считал это плачевным явлением, «но мирился с ним, как с временной необходимостью»⁹⁸.

Нежелание Колчака идти на какие-либо уступки, чтобы создать широкий антибольшевистский альянс и тем самым расширить основу власти привело к активизации оппозиции адмиралу, в рядах которой заметное место занял и Червен-Водали. Под его влиянием Совет министров создал комиссию при МВД под председательством товарища министра М.Э.Ячевского, которая приняла предложение Червен-Водали о «замене действовавшей системы управления — подчинением военных властей гражданским»⁹⁹. Члены Государственного экономического совещания, оппозиционно настроенные к правительству, создали специальную комиссию, которая подготовила предложения «о необходимости коренного пересмотра всей деятельности правительства и о переходе к более целесообразному и более демократическому методу управления»¹⁰⁰. Но Колчак не принял делегацию экономического совещания, в которую входил и Червен-Водали. Пришлось ограничиться визитом в Вологодскому, который не принес никаких результатов. Только в конце октября или 1 ноября Колчак согласился принять делегацию, но ограничился обещанием сменить премьер-министра.

Последний акт личной драмы Колчака тесно связан с деятельностью нового премьер-министра — В.Н.Пепеляева. Колчак

надеялся, что решительный и волевой Пепеляев, который привел его к власти, может спасти разваливавшийся режим. Однако неожиданно для Колчака вчерашний соратник заговорил с ним языком ультиматумов, потребовав изменения политического курса. Этот необъясненный исследователями поворот на 180 градусов становится понятным после ознакомления с рассказом Червен-Водали о беседе с Пепеляевым после его назначения премьером.

Червен-Водали изложил ему свои возражения против его премьерства, но Пепеляев мотивировал свое решение принять предложение адмирала тем, что в противном случае вся власть будет в руках реакционных генералов. Пепеляев заверил Червен-Водали, что «курс политики должен быть совершенно определенно круто изменен» в соответствии с теми положениями, которые Червен-Водали сформулировал еще в Омске и представил Верховному правителю и правительству.

Однако Червен-Водали не удовлетворили заверения Пепеляева. Он согласился войти в правительство Пепеляева в ранге товарища министра внутренних дел при следующих условиях:

1. Созыв Земского собора с правом решающего голоса, с законодательными и учредительными функциями, способного решить вопрос о власти Колчака в Сибири и о прекращении всероссийского характера власти Колчака.
2. Немедленное изменение внутренней политики в плане объединения деятельности земств и городов с правительствами.
3. Подчинение военных властей гражданским.
4. Прекращение деятельности министерства снабжения, созданного Михайловым.
5. Верховный правитель управляет исключительно через Совет министров и ликвидирует всякие органы при нем.
6. Устранить гражданских и военных деятелей, причастных к незаконной деятельности¹⁰¹.

На следующий день после беседы двух кадетских лидеров, Пепеляев изложил Червен-Водали программу внутренней политики, которая полностью соответствовала перечисленным шести пунктам. Таким образом новым политический курс, названный в исторической литературе пепеляевским, на самом деле был выработан более опытным либеральным политиком Червен-Водали. Пепеляев же его озвучил и с присущей ему энерги-

ей, прибегая к прямым угрозам, стал добиваться от Верховного правителя проведения в жизнь «левого курса».)

Самой трудной задачей нового премьера являлась ликвидация конфликта с левой оппозицией. Пепеляев встретился с представителями партий эсеров и меньшевиков, земства и городской думы. Заявив о том, что он создает правительство не для мира с большевиками, а для борьбы с ними и что он против отречения Колчака от должности Верховного правителя, премьер заверил собравшихся, что ликвидирует военный режим и перейдет к новому гражданскому управлению. Но ответ эсера Е.Е.Колосова показал, что левая социалистическая оппозиция стремится к свержению нового кабинета, а не к соглашению с ним. «Для того, чтобы общество поверило новому правительству, — сказал Колосов, — нужно устранить всех виновных в создании диктатуры и ее ужасов и прежде всего одного человека. — Кого же именно? — простодушно спросил Пепеляев. — Вас, Виктор Николаевич, — отрезал Колосов»¹⁰².

/ К этому времени в Иркутске уже возникло в подполье альтернативное правительство — Политический центр, состоявший из эсеров, меньшевиков и земских деятелей. Вокруг него объединились все антиколчаковские силы социалистической ориентации. В его декларации говорилось, что Политцентр ставит своей задачей прекращение войны с советской Россией, созыв сибирского Народного собрания и установление договорных отношений с государственно-демократическими образованиями, возникшими на территории России. /

25 ноября на заседании Иркутской городской Думы, куда были приглашены и иностранные представители, против правящего режима открыто выступили члены Политцентра Константинов и Колосов. Дума своим постановлением выразила недоверие власти Колчака¹⁰³.

В конце ноября Пепеляев выехал из Иркутска для переговоров с Верховным правителем. Несмотря на поражение, которое он потерпел в ходе переговоров с левой оппозицией, Пепеляев еще надеялся убедить Колчака в необходимости превратить Земское совещание в законодательный Земский собор и таким маневром отколоть земских деятелей от левой оппозиции. Но, как показали события, это была утопическая идея, ибо земцы вместе с Политцентром готовили восстание. По пути к Колчаку

Пепеляев со своим братом-генералом успел совершить запоздалый «дворцовый» переворот: они арестовали генерала К.Н.Сархарова, командовавшего войсками, и заменили его генералом В.О.Каппелем. Братья Пепеляевы направили Колчаку телеграмму, в которой в последний раз предлагали ему издать акт о созыве Сибирского земского собора для спасения самого Верховного правителя¹⁰⁴. Однако вскоре Пепеляев заявил о полной лояльности адмиралу, заверив, что никогда не выступит против него.

Колчак по-прежнему не верил в политические комбинации и стоял за силовые, военные решения. В его планах особое место отводилось Забайкалью, где он собирался создать базу для борьбы с большевиками. Центральным событием предстояло разыграть в Иркутске. Но у командующего там войсками генерала Артемьева не было достаточно сил. Поэтому предотвратить готовящееся в Иркутске восстание поручено было Семенову, имевшему боеспособные войска. С ним начались переговоры о возможном захвате им Иркутска. Атаман оговорил свое согласие полным подчинением ему вооруженных сил на Дальнем Востоке и в полосе отчуждения КВЖД. 21 декабря 1919 г. в Черемхове, под Иркутском, Политцентр поднял восстание. Колчак назначил Семенова главнокомандующим вооруженными силами Дальнего Востока¹⁰⁵.

Этот шаг адмирала поставил правительство, находящееся в Иркутске, в трудное положение. Совет министров, по словам Червена-Водали, ставшего фактически его главой, приступил к осуществлению намеченных Пепеляевым реформ. Получив из Парижа выражавшую позицию западных лидеров телеграмму С.Д.Сазонова о необходимости «заместить Верховного правителя» Деникиным, Совет министров 22 декабря реализовал это указание.

Вслед за восстанием в Черемхове 24 декабря вспыхнуло восстание в предместье Иркутска Глазкове. Вечером на левом берегу Ангары возле железнодорожной станции его подняли два батальона 53-го полка. Власть здесь также перешла в руки Политцентра. Совет министра в условиях военных действий в полном составе собрать было трудно, — так появилась Директория из трех человек для оперативной работы. В нее вошли Червен-Водали как исполняющий обязанности председателя Сове-

та министров, военный министр генерал от артиллерии М.З.Ханжин и товарищ министра путей сообщений А.Н.Ларионов. Директория 26 декабря вступила в переговоры с представителями земства и городской думы, поддержавших Политцентр и восставших.)

Однако колчаковские генералы Сычев и Артемьев заявили, что имеют приказ Семенова подавить выступление, не считаясь ни с чем¹⁰⁶. Их провокационные действия сорвали переговоры, которые возобновились лишь после кровопролитных столкновений 2 января 1920 г. Позиция Совета министров к этому времени стала еще более радикальной. Убедившись в необходимости прекращения братоубийственной войны, члены правительства «отказались от... мысли о передаче власти Деникину, ибо это было бы сохранением идеи противобольшевистских группировок»¹⁰⁷ в условиях успешного наступления Красной армии.

(Западные союзники Колчака, осознавшие, что падение адмирала неизбежно, поддержали в ходе переговоров Политцентр, который требовал отречения Колчака, смещения Семенова и ликвидации колчаковского Совета министров.) Представители Политцентра заверили Запад, что будут продолжать борьбу с большевизмом¹⁰⁸. Выбора у Колчака не было. Преданный всеми — и соратниками, и союзниками — он (подписал 4 января 1920 г. указ о сложении с себя звания Верховного правителя и передаче его генералу Деникину. В ответ Политцентр прекратил переговоры с Советом министров и утром 5 января объявил о переходе власти в свои руки. Явившийся в здание городской думы Червен-Водали был арестован.)

По списку, составленному Политцентром, было арестовано 18 министров Омского правительства. В действительности министром был среди них только Шумиловский, а остальные — товарищами министров. Однако повышение арестованных в ранге было не случайным. Политцентр провел эту акцию, готовясь к встрече с Красной армией, когда переход власти к большевикам был делом нескольких дней. Целью превращения товарищей министров в полных министров, по мнению Ларионова, было стремление «ценой наших голов выгородить свои»¹⁰⁹.

После отречения Колчака в его окружении возник план бегства из Нижнеудинска в Монголию через горные перевалы. Однако вскоре стало ясно, что осуществить его не удастся, так

как солдаты конвоя перешли на сторону рабочих, а затем и офицеры отказались идти вместе с адмиралом. Тогда Колчаку предложили переодеться в солдатскую шинель и вместе с адъютантом Трубчаниновым, затерявшись в одном из чехословацких эшелонов, бежать на восток. Но Колчак, по словам находившегося при нем генерала Занкевича, не захотел принимать милостыню от чехов. «Все меня бросили, — сокрушенно говорил он, — ничего не поделаешь, надо ехать». За одну ночь он поседел¹¹⁰. Западные союзники обещали ему беспрепятственный проезд через Иркутск на Восток.

Поезд № 52, в котором находились вагоны Колчака и Пепеляева под охраной чехословаков, прибыл в Иркутск 15 января. Несмотря на торжественные обещания союзников об обеспечении личной безопасности Верховного правителя, «по приказу Жанена чешское командование передало Колчака представителям Политцентра.» Позже Жанен пытался оправдать свое предательство тем, что чехи в любом случае пожертвовали бы Колчаком ради своего спасения и не подчинились бы приказу защищать адмирала. Кроме того, он не имел права «добавлять новые несчастья к тем, которые принес Сибири адмирал в последний год»¹¹¹.

Политцентр направил к поезду комиссию, которая, приняв пленников, передала чехам акт о том, что «сего числа в 9 час. 55 минут по уполномочию Политического центра приняли от командира 1-го батальона 6-го полка майора Кравак в присутствии дежурного офицера поручика Боровичка бывшего Верховного правителя Колчака и бывшего председателя Совета министров Пепеляева». Акт подписали член Политцентра М.Фельдман, помощник командующего народно-революционной армией капитан Нестеров, уполномоченный Политцентра при штабе народно-революционной армии В.Мерхалев, начальник гарнизона Иркутска есаул Петелин¹¹².

Чехи вручили представителям Политцентра следующий документ: «15-го января 1920 г. настоящим удостоверяю, что от уполномоченных Политического центра мной получен акт о принятии бывшего Верховного правителя адмирала Колчака и бывшего [председателя] Сов[ета] мин[истров] Пепеляева. Деж[урный] офицер подпоручик Боровичка 6-го чехового полка»¹¹³. Под усиленной охраной Колчак и Пепеляев были

доставлены в городскую тюрьму и помещены в одиночные камеры.

С первых дней провозглашения власти Политцентра его руководители столкнулись с настойчивым стремлением местных большевиков скорректировать «недоворот» в Иркутске и установить советскую власть. В целях сохранения демократической власти Политцентр выдвинул идею создания в Восточной Сибири временного буферного государственного образования не-советского типа. Тем самым Политцентр надеялся нейтрализовать опасность японского вмешательства, неизбежного в случае установления власти большевиков.

Делегация Политцентра направилась в Томск, чтобы договориться с Москвой через Сибревком. 19 января в Томске начались переговоры с советской делегацией, имевшей директивы «искать пути к мирному разрешению запутанного вопроса Восточной Сибири, по возможности избегая вооруженного столкновения!»¹¹⁴. В результате переговоров создание буфера было одобрено. Об этом председатель Сибревкома Н.И.Смирнов сообщает по прямому проводу в Москву. На следующий день Ленин и Троцкий дали ответ: «В отношении буферного ваше предложение одобряем. Необходимо лишь твердо установить, чтобы наш представитель или лучше два представителя при Политцентре были осведомлены обо всех решениях, имели право присутствовать на всех совещаниях Политцентра»¹¹⁵.

Томское соглашение было бы невозможно, если бы Политцентр не взял на себя обязательство передать советской власти Колчака и золотой запас. Это предположение подтверждается тем, что уже 22 января Политцентр подписал акт о передаче государственной власти на всей территории, освобожденной от реакционного режима, военно-революционному комитету РКП(б). Ему же передавался золотой запас, находившийся под охраной чехословацких войск, которым гарантировался пропуск на восток с оружием. Передача власти осуществлялась под гарантию «полной личной неприкосновенности демократии, борющейся против власти Колчака»¹¹⁶. ВРК назначил приказом № 1 председателем чрезвычайной следственной комиссии, созданной Политцентром, большевика С.Г.Чудновского. Она приступила к допросам Колчака.)

Выдача Верховного правителя означала конец организованной в государственном масштабе антибольшевистской борьбы. После поражения Колчака при поддержке остатков его армии еще возникали антибольшевистские правительства, но они имели локальный характер и никакого влияния на конечный результат борьбы не оказывали.

Передав золотой запас большевикам, Политцентр лишил Белое движение России главной материальной базы: из этого источника финансировались все вооруженные силы белых.

Однако плоды общей победы достались одним большевикам. Буферная игра, затеянная Политцентром, быстро пришла к логической развязке. Вместо демократического государственного управления в Иркутске установилось единовластие большевиков¹¹⁷. С 25 января возобновил деятельность Совет рабочих и солдатских депутатов, а городская дума и губернское земство, активно боровшиеся с Колчаком, были упразднены¹¹⁸.

Переход власти в руки большевиков совпал с приближением к Иркутску остатков разбитых колчаковских армий, которые вел генерал Каппель, а после его гибели — генерал Войцеховский. Последний потребовал передать Колчака союзным представителям для последующей отправки за границу, выдать золотой запас и обеспечить белых продовольствием и теплой одеждой. А.В.Тимирева, сидевшая в той же тюрьме, что и Колчак, передала ему записку, в которой сообщала об этом ультиматуме. Колчак ответил, что смотрит на ультиматум скептически и думает, «что этим лишь ускорится неизбежная развязка»¹¹⁹.

Развязка, видимо, была ускорена и телеграммой председателя Сибревкома и члена реввоенсовета 5-й армии И.Н.Смирнова в исполком Иркутского совета. В ней говорилось: «Ввиду движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивого положения Советской власти в Иркутске настоящим приказываю вам: находящимся в заключении у вас Колчака, председателя Совета министров Пепеляева с получением сего немедленно расстрелять. Об исполнении доложить»¹²⁰.

6 февраля ВРК принял постановление № 27 о расстреле Колчака и Пепеляева¹²¹. Когда Колчаку объявили приговор, единственными словами адмирала были: «Значит, суда не будет?». В ночь на 7 февраля 1920 г. состоялась казнь Колчака по благодарил часовых и членов расстрельной команды, отказался

от предложения завязать глаза. Тела Колчака и Пепеляева были сброшены под лед Ангары¹²². Так была закрыта еще одна кровавая страница трагической истории Гражданской войны в России, которая во многом определила последующий ход развития нашей страны.

Спустя немногим более года после прихода к власти Колчака пресса гадала: кем он войдет в историю — русским Наполеоном или русским Вашингтоном? По словам кадета Н.В.Устрялова, «жестокая судьба воочию обнаружила, что наполеоновский мундир, готовившийся для Колчака, русскими национал-либералами, не подошел несчастному адмиралу, как и костюм Вашингтона, примерявшийся для него же некоторыми русскими демократами»¹²³.

Колчаком было создано крупнейшее антибольшевистское правительство, функционировавшее более года на обширной территории России, что позволяло ему претендовать на роль всероссийского. Именно поэтому адмирал Колчак был объявлен Верховным правителем, о подчинении которому были вынуждены заявить все другие белые правительства. Это выдвинуло его в лидеры всероссийского сопротивления большевизму. Первые военные успехи Колчака создали реальную угрозу власти большевиков. Почему произошло так быстро крушение власти Верховного правителя?

Колчак, будучи неопытным политиком, легко поддававшимся чужому влиянию, совершил немало ошибок. Прежде всего, он не смог выдвинуть четких лозунгов, близких и понятных народным массам. Кроме того, он допустил стратегический просчет, сделав ставку на западную помощь. Отстаивая идею единой и неделимой России, он оттолкнул от себя всех лидеров отделившихся национальных государств, не смог добиться единства и согласованности в рядах Белого движения. И все же не это решило его судьбу. Парадокс истории заключался в том, что непримиримые враги Ленин и Колчак объединились, чтобы уничтожить Учредительное собрание, преграждавшее им путь к единовластию, хотя только Учредительное собрание давало шанс для мирного развития России без войны и потрясений. Учредительное собрание не состоялось как представительное, парламентское учреждение, не стало «хозяином земли русской». Однако остались итоги выборов, которые никто не может от-

менить. Это был фактически всероссийский референдум, на котором около 90% избирателей высказалось за партии социалистической ориентации — около четверти за большевиков и примерно 65% — за эсеров.

Государственный переворот 18 ноября 1918 г. привел к катастрофическим последствиям. Разогнав остатки Учредительного собрания и Директорию, Колчак бесповоротно разрушил антибольшевистский лагерь и на следующий же день оказался перед лицом единого социалистического фронта. Вчерашние союзники эсеры повернули оружие против Белого движения. В итоге у Колчака осталась очень узкая опора, победить с которой в Гражданской войне было невозможно.

¹ ЦА ФСБ. Следственное дело Н-501. Т. 1. Л. 77.

² ГАРФ. Ф. 6082. Оп. 1. Д. 29. Л. 1, 1 об.

³ Там же. Л. 2 об.

⁴ Допрос Колчака. Протоколы заседания Чр. сл. ком. Л., 1925. С. 44-45.

⁵ Там же. С. 106-108.

⁶ Там же. С. 155.

⁷ Дневник В.Пепеляева // Красные зори (Иркутск). 1923. № 4. С. 85.

⁸ Там же.

⁹ *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 88.

¹⁰ Россия антибольшевистская: из эмигрантских и белогвардейских архивов. Дневник Вологодского (из хроники антибольшевистского движения в Сибири). 1923 г. М., 1995. С. 123.

¹¹ *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент в русской истории. Пекин, 1921. Т. 1. Ч. 1. С. 30.

¹² ЦА ФСБ. Следственное дело Н-501. Т. 1. Л. 33.

¹³ Там же. Т. 6. Л. 84.

¹⁴ Там же. Т. 5. Л. 72. Эти данные привел на заседании трибунала государственный обвинитель Гойхбарг.

¹⁵ *Вологодский П.В.* Указ. соч. С. 125.

¹⁶ *Гинс Г.К.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 308.

¹⁷ ЦА ФСБ. Следственное дело Н-501. Т. 5. Л. 64-65.

¹⁸ Россия антибольшевистская... С. 81.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 128-129.

²¹ Правительственный вестник. Омск. 14 декабря 1918 г.

²² *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968. С. 300.

- 23 ЦА ФСБ. Следственное дело Р-442227. Л. 33об.
24 Гинс Г.К. Указ. соч. Т. II. Ч. II, III. С. 350.
25 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-501. Т. 5. Л. 190.
26 Там же. Т. 6. Л. 291, 291 об.
27 Россия антибольшевистская... С. 117.
28 Иоффе Г.З. Колчаковщина и ее крах. М., 1986. С. 208-209.
29 Будберг А. Дневник белогвардейца. Л., 1929. С. 279.
30 Там же. С. 10.
31 Устрялов Н.В. Дневник // Русское прошлое. № 2. СПб., 1991. С. 305.
32 ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 4. Д. 21. Л. 21.
33 Там же. Оп. 1. Д. 10а. Л. 110об.
34 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-501. Т. 6. Л. 300-300об.
35 Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 201.
36 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-501. Т. 5. Л. 57.
37 Там же. Т. 9. Л. 51-53.
38 Там же. Т. 1. Л. 56, 56 об.
39 Россия антибольшевистская... С. 118.
40 ЦА ФСБ. Следственной дело Н-501. Т. 1. Л. 56.
41 Там же. Т. 9. Л. 53-55, 56, 57, 58, 59.
42 Там же. Л. 59.
43 Россия антибольшевистская... С. 135.
44 Там же. С. 153.
45 Там же. С. 160-161.
46 Там же. С. 168.
47 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 410. Окулич И.К. Мои воспоминания. 1917-1931. Канада, Аббатс Форд. Л. 38, 42-43.
48 Львов Н.Н. Белое движение. Доклад. Прага, 1925. С. 9.
49 Перейра Норман Г.О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996. С. 95.
50 ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 94. Л. 10.
51 Там же. Ф. 6028. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.
52 Там же. Ф. 175. Оп. 4. Д. 7. Л. 3.
53 Гинс Г.К. Указ. соч. Т. II. Ч. II, III. С. 573.
54 Там же. С. 583.
55 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 298. Л. 1.
56 Гинс Г.К. Указ. соч. Т. II. Ч. II, III. С. 346.
57 Перейра Норман Г.О. Указ. соч. С. 97.
58 ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 4. Д. 21. Л. 4.
59 Там же. Ф. 175. Оп. 4. Д. 7. Л. 6, 6об.
60 Там же. Ф. 446. Оп. 2. Д. 116. Л. 19, 19об.
61 Гинс Г.К. Указ. соч. Т. II. Ч. II, III. С. 573-574.
62 Цит. по: Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 195.

- 63 Филатьев Д.З. Катастрофа белого движения в Сибири. 1918-1919. Впечатления очевидца. Париж, 1985. С. 188-189.
64 Красный архив. 1929. Т. 2. С. 95-96.
65 Гинс Г.К. Указ. соч. Т. II. С. 94.
66 Там же. С. 183-184.
67 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 141. Л. 168.
68 Там же. Л. 157.
69 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-501. Т. 9. Л. 151.
70 Там же. С. 155об.
71 Там же. Л. 151.
72 Там же. Л. 154.
73 Там же. Л. 154об., 155.
74 Там же. Следственное дело Н-1789. Кн. 6. Л. 137-138.
75 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 773. Л. 378.
76 Кокцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903-1919 гг. Париж, 1933. Т. 2. С. 491-492.
77 ГАРФ. Окулич И.К. Указ. соч. Л. 32.
78 Там же. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 405. Л. 28.
79 Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 234-235.
80 Россия антибольшевистская. С. 180-188.
81 Перейра, Норман Г.О. Указ. соч. С. 111.
82 Там же.
83 Там же. С. 114.
84 Гревс В. Американская авантюра в Сибири. М., 1932. С. 151.
85 Серебренников И.Н. Мои воспоминания. Тяньцзинь, 1937-1940. Т. 1. С. 263.
86 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 141. Л. 181.
87 Перейра Норман Г.О. Указ. соч. С. 127.
88 Россия антибольшевистская... С. 241.
89 Там же. С. 248-249.
90 Кроль Л. Указ. соч. Л. 20.
91 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-501. Т. 7. Л. 18 об.
92 ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 4. Д. 21. Л. 4. Интервью Вологодского в 1920 г.
93 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-501. Т. 9. Л. 60.
94 Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 236-239; Россия антибольшевистская... С. 250.
95 ЦА ФСБ. Следственное дело Н-501. Т. 7. Л. 18.
96 Там же. Т. 6. Л. 288-289.
97 Там же. Л. 239.
98 Там же. Т. 1. Л. 56, 56 об.
99 Там же. Т. 7. Л. 18.
100 Там же. Т. 6. Л. 241-242.
101 Там же. Л. 243.

- ¹⁰² Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Т. 2. Ч. 3. Катастрофа. Белград, 1931. С. 67-68.
- ¹⁰³ ЦА ФСБ. Следственное дело Н-501. Т. 7. Л. 77.
- ¹⁰⁴ Последние дни колчаковщины. Сб. док. М.; Л., 1927. С. 147-148.
- ¹⁰⁵ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 83.
- ¹⁰⁶ ЦА ФСБ. Следственное дело Н-501. Т. 6. Л. 251.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 361.
- ¹⁰⁸ Стенограф. отчет о сдаче власти Омским правительством Политическому центру в присутствии комиссаров высшего командования союзных держав. Иркутск (станция), январь 1920. Харбин, 1921. С. 32.
- ¹⁰⁹ ЦА ФСБ. Следственное дело Н-501. Т. 6. Л. 361.
- ¹¹⁰ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 256.
- ¹¹¹ Перейра Норман Г.О. Указ. соч. С. 130.
- ¹¹² Народная мысль (Иркутск). № 5. 1920. 17 января.
- ¹¹³ ЦА ФСБ. Следственное дело Н-501. Т. 1. Л. 3.
- ¹¹⁴ Вендрих Г.А. Декабрьско-январские бои 1919-1920 гг. в Иркутске. Иркутск, 1957. С. 47.
- ¹¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 334.
- ¹¹⁶ Сибирская правда. 1920. 24 января.
- ¹¹⁷ Дроков С.В. Некоторые проблемы истории Гражданской войны в Сибири // Вопросы истории. № 6. 1999. С. 59.
- ¹¹⁸ Сибирская правда. 1920. 8 февраля.
- ¹¹⁹ Допрос Колчака... С. 15.
- ¹²⁰ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 260.
- ¹²¹ Ширямов А. Иркутское восстание и расстрел Колчака // Борьба за Урал и Сибирь. М.; Л., 1926. С. 302-303.
- ¹²² Колчак Александр Васильевич. М., 1994. С. 56.
- ¹²³ Устрялов Н. В борьбе за Россию. Сб. статей. Харбин, 1920. С. 22.

Глава третья.

ДИКТАТУРА ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА

Поздно вечером 4 апреля 1920 г. английский миноносец снялся с якоря на рейде Феодосии и взял курс на запад. На его борту находился бывший Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин. Только яркие огни, усеявшие густо тьму, обозначали еще берег навсегда покидаемой им дорогой Родины. После короткой остановки в Константинополе, уже на другом корабледредноуте «Мальборо», Деникин прибыл в Англию.

Какое место в русской истории заняли Деникин и деникинщина? Многие десятилетия в нашей стране безоговорочно принимался лозунг большевиков: «Все на борьбу с Деникиным!». А известный английский журналист и историк Вильям Чемберлин, сочувствовавший большевикам до поездки в СССР, после двенадцатилетнего пребывания в нашей стране, вернулся антикоммунистом. В письме жене Деникина он выразил сожаление, что белое движение потерпело неудачу, ибо «история не только России, но и Европы была бы гораздо счастливее, если бы поход Деникина увенчался успехом»¹. Оценки, как видим, диаметрально противоположны. Наверное, плюрализм взглядов и оценок в подходе к истории белого движения неизбежен. И только достоверные факты могут привести к ответу на поставленный в начале главы вопрос.

Деникин и на чужбине продолжал борьбу с большевистским режимом немедленно приступив к подготовке «Очерков русской смуты», пять томов которой (первый том вышел в двух книгах) выпускались на протяжении шести лет². Это широкое полотно, отражавшее все решающие события революции и Гражданской войны в России. «Очерки» не утратили своего научного значения для изучения истории противоборства большевиков и их противников. Академик Ю.А.Поляков справедливо отметил, что «Очерки русской смуты» — «самое крупное произведение, вышедшее из под пера тех, кто боролся с революцией, а затем оказался в эмиграции», написанное человеком «незаурядным, умным, знающим, способным к анализу минувшего», безусловно предвзятым, пристрастным, «но по-своему честным, преданным интересам России, как он их понимал, человеком, пережившим огромную трагедию»³.

Много книг написано о деникинщине и о Деникине с разными подходами к этой странице истории России. Однако для любого исследователя эпохи антибольшевистской борьбы на Юге России «Очерки русской смуты» являются первоисточниками. Деникин очень щепитильно относился к историческим документам, находившимся в его распоряжении. Он считал, что они должны в будущем, после освобождения Родины от большевизма, перейти в распоряжение российского государства. А до тех пор он передал на хранение «Русскому заграничному историческому архиву» при МИД Чехословакии документы Особого совещания, т.е. правительства, материалы личного архива по истории русской революции и гражданской войны, архив генерал-квартирмейстерской части Вооруженных сил Юга России. Теперь они находятся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и широко использованы автором книги. Это, прежде всего переписка Деникина с членом его правительства лидером кадетов Н.И.Астровым, в связи с подготовкой «Очерков» к изданию, письма Деникину бывшего председателя Особого совещания А.С.Лукомского и бывшего военного министра Временного правительства А.И.Гучкова. Документы возвращают нам правду о русском генерале Деникине — крупной исторической личности, но тем не менее во многом для нас неизвестной, скрытой за завесой «смутных»

времен, жестоких стереотипов коммунистической пропаганды и последующего умолчания.

«Очерки» опираются на анализ уникальных документов, которыми автор располагал как крупный политический и военный деятель того времени, огромного фактического материала. Поэтому оценки Деникиным политических деятелей и партий, движений, правительств на Украине, на Кавказе, позиции дипломатов, генералов и министров Антанты, его взгляды на ситуацию в разных регионах России, «где с такой невероятной быстротой менялись правительства и лидеры, надо знать, хотя они без сомнений субъективны, односторонни. С ними можно и нужно спорить, но оставлять без внимания нельзя»⁴.

Революционную смуту и последующие за революцией события Деникин считал результатом народного помешательства, большевиков же он объявил врагами России, с которыми необходимо вести борьбу до их полного уничтожения. К большевистской власти он до конца своих дней сохранил чувство ненависти и верил, что рано или поздно большевистский режим рухнет и начнется возрождение России.

ТРИУМВИРАТ

В момент захвата власти большевиками, бывший Верховный главнокомандующий генерал Алексеев скрывался на конспиративной квартире в Петрограде. Он осознавал безнадежность попыток организовать вооруженное сопротивление большевикам в революционной столице, считая Дон единственной точкой опоры для будущего белого движения. Зная генерала Каледина как боевого соратника, командующего 8-й армией, он был уверен, что тот не допустит большевизма на Дону. В июне Донской войсковой круг избрал его атаманом. На заседании московского Государственного совещания он выступил с резкой критикой Временного правительства и призвал к упразднению всех Советов и комитетов, чтобы спасти страну от окончательной гибели. Когда в конце августа вспыхнуло корниловское восстание, Керенский объявил Каледина мятежником на основании ложных обвинений. В действительности Каледин в заго-

воре не участвовал, хотя и сочувствовал Корнилову. Войсковой круг объявил действия правительства провокацией против казачества и отношения между Новочеркасском и Петроградом накалились до предела.

Михаил Васильевич Алексеев сыграл чрезвычайно важную роль в возникновении белого движения на Юге России. Он был человеком скромного происхождения и выдвинулся на руководящие посты при царском режиме без протекции, благодаря упорному труду и природным дарованиям. Участник русско-турецкой войны, русско-японской войны, он окончил Академию Генерального штаба в 1890 г., был ее профессором, начальником штаба Киевского военного округа, командиром корпуса. Мировую войну генерал встретил в должности начальника штаба Юго-Западного фронта, который добился успехов в Галиции. В марте 1915 г. Алексеев был назначен Главнокомандующим Северо-Западным фронтом и вывел свои войска из окружения без потерь. Когда Николай II стал Верховным Главнокомандующим, генерал Алексеев стал начальником его штаба. Фактически он руководил вооруженными силами России, постоянно занимаясь вопросами государственного значения. После отречения царя, Алексеев назначается Верховным Главнокомандующим.

2 ноября 1917 г. в столицу самого крупного казачьего войска-донского, прибыл бежавший из революционного Петрограда генерал М.В.Алексеев. Здесь, в Новочеркасске, он немедленно приступил к формированию антибольшевистской Добровольческой армии. Глава донского войскового правительства, образованного в мае 1917 г. атаман Каледин, так же намеревался сражаться с большевиками и поэтому стал активно помогать генералу Алексееву.

В то время, когда генерал Алексеев перебрался из Петрограда в Новочеркасск и приступил к организации ядра вооруженного сопротивления большевикам, занявшего важное место среди белых армий гражданской войны, его будущие сподвижники находились в тюрьме города Быхова, ожидая суда. Это были участники вооруженного выступления против Временного правительства генералы: Л.Г.Корнилов, С.Л.Марков, А.И.Деникин, А.С.Лукомский и И.П.Романовский. Любовь к Родине связала судьбы этих людей в одном порыве: бороться за воз-

рождение России. Они все признавали, что роль вождя по праву принадлежит Лавру Георгиевичу Корнилову. Он был сыном простого крестьянина, дослужившегося в армии до офицерского чина. Корнилов окончил первым Омский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. После окончания Академии Генерального штаба служил в строевых частях. Война с Японией принесла Корнилову боевую славу и Георгиевский крест 4-й степени. Мировую войну Корнилов встретил командиром бригады, а вскоре получил 48-ю дивизию. Попав в окружение, дивизия была почти вся уничтожена, а ее командир, тяжело раненный, оказался в плену. Побег из австрийского плена создал ему ореол мужества и отваги, а шумная реклама в прессе превратила Корнилова в национального героя. После Февральской революции он стал главнокомандующим Петроградским военным округом. Конфликт с Петроградским Советом, запретившим военным выходить из казарм с оружием, заставил Корнилова покинуть свой пост. Для революционных рабочих и солдат генерал стал символом контрреволюции, а правые увидели в нем сильную руку, способную навести порядок в стране.

В мае Корнилов уже командовал 8-й армией, в июле срочно назначен Главнокомандующим Юго-Западным фронтом после провала наступления, где восстановил смертную казнь. А вскоре Корнилов поднялся на вершину военной иерархии — он был назначен Верховным Главнокомандующим вместо Брусилова.

Боевой генерал, Корнилов не отличался широким политическим кругозором, но вместе со славой и стремительным продвижением по служебной лестнице у него появилось убеждение, что именно ему суждено вывести Россию из революционного тупика. Столкновение с Керенским, с невероятным упорством цеплявшегося за власть, становилось неизбежным после того, как Корнилов сформулировал свои требования: ликвидация большевиков, разгон Советов, преобразование Временного правительства в сильную власть.

Тайные закулисные переговоры между министром-председателем и Верховным главнокомандующим при содействии Савинкова неожиданно завершились полным разрывом. Почувствовав в Корнилове потенциального конкурента, Керенский поспешил отмежеваться от Корнилова, объявил его мятежни-

ком и обратился за помощью к Советам и даже большевикам, против которых он до последней минуты боролся. Корнилов, смещенный со своего поста, отказался подчиняться правительству и призвал к открытому вооруженному выступлению против него, но остался в одиночестве. Не отвернулись от него верные ему генералы, арестованные вместе с Корниловым. Своим провалившимся путем Корнилов распахнул настежь дверь к захвату власти большевиками...

Получив сведения о захвате власти в Петрограде большевиками, быховские узники выработали план действий. Дон и казачество казались им единственным убежищем, где можно было начать борьбу с большевизмом.

Генералы, участники августовского мятежа Корнилова против Временного правительства Керенского, находившиеся под арестом в Быкове, срочно покинули город. Раздобыв фальшивые паспорта, разделившись на небольшие группы, они разными путями пробрались на калединский Дон. А сам Л.Г.Корнилов, переодевшись крестьянином, где пешком, где на подводе, где на поезде добрался до Новочеркасска 6 декабря. «Он рассказывал, как в вагоне его ругали солдаты, не подозревавшие того, что этот маленький мужиченка и есть их бывший Верховный главнокомандующий»⁵. В первой половине декабря вся корниловская верхушка — Л.Г.Корнилов, А.И.Деникин, А.С.Лукомский, И.П.Романовский были в Новочеркасске в полном сборе.

Будущие вожди белого движения считали Дон единственной точкой опоры, оттуда можно было начинать вооруженную борьбу против большевистского правительства. Но они переоценили те возможности, которые, казалось им, давала область войска Донского. Их присутствие породило в казачьей среде страх неминуемого нашествия большевистских войск. К тому же, разложение, охватившее всю армию, коснулось и казачества.

Условия, в которых им приходилось действовать, были отчаянно трудны. Добровольческая армия своей территории не имела, и располагалась в «чужом доме» и вела борьбу с хозяевами «дома» по жизненно важным вопросам. В деле снабжения, продовольствия и набора войск руководителя Добровольческой армии находились в зависимости от донского, а позже и кубан-

ского правительств. С Доном были постоянные трения, а с Кубанью шла борьба из-за «самостийности».

Добровольческая армия имела после двух кубанских походов лишь Ставропольскую губернию и побережье с Новороссийском, лишь к лету 1919 г. она завоевала на несколько месяцев обширную площадь южных губерний.

Но подлинной ахиллесовой пятой антибольшевистского движения вообще, и на юге особенно, стали личные амбиции и острые противоречия его лидеров. С первых же шагов, как только стали обсуждаться вопросы об организации и структуре руководства Добровольческой армии, совершенно ясно определилось непримиримое соперничество Корнилова и Алексева. Корнилов по существу предъявил ультиматум: ему должна принадлежать неограниченная власть, в противном случае он уедет поднимать движение против большевиков в Сибирь⁶. Генерал Лукомский позже, в письме Деникину в марте 1920 г., нарисовал драматическую картину их взаимоотношений. По его словам, Алексеев хотел играть первую роль и Корнилова не переносил. Корнилов же ненавидел Алексева, считая его двуличным и более чем ненадежным человеком. Он не мог ему простить роли при ликвидации «корниловского мятежа» в августе 1917 г. и того, что он лично арестовал Корнилова по приказу Керенского.

Алексеев также это понимал, но боялся, что без Корнилова начатое на Дону дело не даст полного успеха, боялся, что за Корниловым в Сибирь могут уйти многие. Он предлагал Корнилову перебраться на Кубань, а самому оставаться на Дону. Корнилов ответил, что это один и тот же район, что если это сделать, то они оба «уподобятся двум предпринимателям, которые откроют балаганы на одной и той же ярмарке, каждый будет зазывать в свой балаган, и только будут мешать друг другу»⁷.

Деникин, пользуясь своим влиянием на Корнилова, добился того, что он остался на юге. «Это, — писал Лукомский, — я считаю, была Ваша первая и крупная ошибка. Если бы Корнилов уехал, то Вы, совместно с Алексеевым вели бы дело на юге России, а Корнилов сумел бы лучше Колчака повести дело в Сибири»⁸.

В конце концов Алексеев, тяжело больной человек, уступил требованиям Корнилова, которому вручалась военная власть и командование Добровольческой армией. Его заместителем стал

Деникин. Генерал Алексеев сохранил за собой гражданское управление, финансы и отношения с союзниками, а Каледин — дела, связанные с управлением войска Донского.

В конце декабря вожди Добровольческой армии опубликовали воззвание, в котором провозглашалось, что после победы над большевиками в вопросе о государственном строе России Добровольческая армия подчинится «хозяину земли русской» — вновь избранному Учредительному собранию⁹. Генерал Алексеев, отстаивая формулу умолчания: ни монархии, ни республики, а борьба за единую, неделимую Россию, явно лукавил. За этой формулой скрывалась непоколебленная революцией вера в будущую монархию. «Громадное большинство командного состава и офицерства были монархистами», — признавался Деникин. И далее он цитировал письмо Алексеева: «Руководящие деятели армии сознают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии»¹⁰.

Формула умолчания для «этого большинства Добровольческой армии» была лишь мимикрией, прикрытием, вызванным обстоятельствами. Революционные настроения народных масс мешали открытому шествию под монархическим флагом. Солдаты, крестьяне, рабочие под формулой умолчания инстинктивно чувствовали реставрационные намерения, именно поэтому Добровольческая армия не могла обрести элементами из народа. Деникин признавал, что всенародного ополчения не получилось. На Дон пробирались главным образом офицеры, и то исповедывавшие откровенно реакционные взгляды. «Печать классового отбора, — писал Деникин, — легла на армию прочно» и давала недоброжелателям возбуждать против нее и противопоставлять ее цели народным интересам¹¹. (Наличие глубокой психологической и политической пропасти, разделявшей массы и офицерство — стало одной из главных причин гибели Добровольческой армии.)

Монархический облик новорожденного военного режима усиливали представители таких реакционных организаций, как Совет общественных деятелей, Торгово-промышленный комитет, Союз земельных собственников, члены монархического Правого центра М.М.Федоров, Г.Н.Трубецкой, П.Б.Струве. Особым влиянием пользовался В.В.Шульгин. Все они активно

участвовали в определении будущей политической программы добровольцев¹².

«Для Шульгина и его последователей, — отмечал Деникин, — монархизм был не формой государственного строя, а религией. В порыве увлечения идеей они принимали свою веру за знание, свои желания за реальность, свои настроения за народные». Шульгин осуждал постоянно политику умолчания, убеждая друзей, что скоро в России не будет никаких республиканцев, и просил разъяснить руководителям армии, что никакие воззвания с Учредительным собранием не приведут в армию никого¹³.

Известная общественная деятельница Е.Д.Кускова, находясь в эмиграции, отмечала устарелость, затхлость и неподвижность «реставрационных понятий и воззрений русского монархизма». На фоне европейских форм государственности «эти исконные — русские устои кажутся лишь анахронизмом, обломком древнего прошлого, годного не для жизни, не для построения государства, а для музея как памятник седой старины»¹⁴.

Триумvirат, по определению Деникина, «представлял из себя в скрытом виде первое общерусское противобольшевистское правительство»¹⁵. (В то время и при необыкновенно сложной обстановке, в которой жили Дон и Добровольческая армия, формы государственной власти для генералов были совершенно безразличны. Единственное, что для них было важно и нужно — это создание мощной вооруженной силы, способной остановить большевистский потоп, надвигающийся с севера. С восстановлением армии, считал Деникин, пришла бы и власть.)

Крутившиеся около генералов кадеты настояли на создании при триумvirате Совета для организации хозяйственной части армии, связей с иностранными державами и возникшими на казачьих землях правительствами и с русской общественностью, и, наконец, для подготовки аппарата управления территориями, которые будет завоевывать армия. Но по требованию Корнилова, Совет признал себя лишь совещательным органом «при коллегии из трех генералов». Ни один вопрос, внешней или внутренней политики, внесенный на рассмотрение Совета, не мог считаться решенным без утверждения тремя генералами¹⁶.

Первоначально в Совет входили одни кадеты: М.М.Федоров, П.Б.Струве, Г.Н.Трубецкой, П.Н.Милюков, от Донского

правительства Парамонов и генерал А.П.Богаевский. Прибывший в Новочеркасск Б.В.Савинков стал усиленно убеждать генералов ввести в Совет представителей демократии. Все три генерала относились отрицательно к Савинкову. Журналист Б.Суворин, встречавшийся с Савинковым, заметил: слишком большая пропасть разделяла того от вождей Добровольческой армии. Савинков говорил о недостаточном доверии к нему со стороны генералов¹⁷. Впрочем, Савинкову удастся добиться своего — он и трое его соратников были включены в Совет. Решающим словом стало заявление Каледина, что «без этой уступки демократии ему не удастся обеспечить пребывание на Дону Добровольческой армии». Наиболее непримиримым противником «савинковцев» был Деникин. Лукомский в своем письме напомнил Деникину его слова: с такими господами, как Савинков, он работать не будет. «Несмотря на все уговоры Алексеева и Корнилова, Вы определенно заявили, что ни на одном заседании с Савинковым Вы не будете и руку ему не подадите. Свое решение Вы выполнили полностью»¹⁸. С приходом в Совет социалистов он сразу же разделился на правое и левое течение и стал неработоспособным. Когда Савинков вносил предложение — правое крыло устраивало obstruction. Просуществовал Совет недолго — до середины января, когда штаб армии перебазировался в Ростов-на-Дону¹⁹.

Приезжал в Новочеркасск и А.Ф.Керенский, чтобы предложить генералам сотрудничество в борьбе с большевиками. Но его никто не принял и он немедленно скрылся «с той же поспешностью ловкого трансформатора, который позволяет ему так же неожиданно и выскакать из русской политической коробки с сюрпризами»²⁰.

Внутренние противоречия в триумvirате все усиливались и дошли в январе почти до полного разрыва. Генерал Алексеев получил сведения от офицеров о предстоящем перевороте Корнилова, который должен свергнуть триумvirат и объявить себя диктатором. Алексеев, не проверив эти сведения, собрал членов Совета, старших генералов и потребовал у Корнилова объяснений.

Корнилов, взбешенный подобными обвинениями и инсценировкой суда, резко ответил Алексееву, и, хлопнув дверью, покинул заседание. На другой день оба генерала подали в отставку. В качестве миротворцев выступали Каледин, Деникин,

Федоров, Струве и Г.Трубецкой. Им, наконец, удалось предотвратить развал триумvirата. Корнилов удовлетворился извинениями Алексеева и оба генерала остались на своих постах²¹. Еще один подводный камень был обойден и корабль Добровольческой армии продолжил свое плавание по бурному Дону.

Сокрушительный удар по триумvirату и его планам нанесла Красная Армия, начавшая наступление на донскую область, и восстание революционно настроенного казачества и иногородних против калединского режима. Каледин, выступая 29 января на заседании донского правительства, признал положение безнадежным. «Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет и сопротивление бесполезно»²². В тот же день он покончил жизнь самоубийством.

Добровольческая армия вынуждена была покинуть ставшим опасным Дон. Начался так называемый ледяной поход. В середине февраля было решено двигаться к Екатеринодару — столице Кубанского казачьего войска, где заседала Кубанская крайевая рада. Но советская власть установилась в Екатеринодаре раньше, чем добровольцы подошли к городу. В конце марта по приказу Корнилова начался штурм Екатеринодара, закончившийся поражением Добровольческой армии. В ночь на 31 марта (с 12 на 13 апреля) Корнилов был убит снарядом, попавшим в дом, где размещался его штаб. Новый главнокомандующий генерал Деникин отдал приказ отступать обратно на Дон.

Антибольшевистское казачье восстание и вторжение германских войск с Украины снова изменили обстановку на Дону. Бригада полковника Дроздовского, пройдя по территории, оккупированной немцами, в конце апреля захватили Новочеркасск, а немцы и казаки — Ростов. 28 апреля (11 мая) Круг спасения Дона в Новочеркасске избрал атаманом монархиста генерала П.Н.Краснова и призвал немцев к совместной борьбе с большевиками.

Пребывание армии на Дону позволило командованию укрепить ее ряды, пополнить новыми бойцами и определить ближайшие военные планы. Генерал Деникин отверг многочисленные предложения и своих соратников и генерала Краснова идти на север, считая, что Добровольческая армия должна сначала очистить Задонье и Кубань, создать на юге прочный тыл, а уже потом думать о походе на Москву²³. К этому решению под-

талкивали обострившиеся отношения с атаманом Красновым, придерживавшегося немецкой ориентации. Деникин утверждает, что добровольцы решительно отвергли «все комбинации с германцами и их ставленниками», остались верными союзническому долгу²⁴.

Второй кубанский поход, начавшийся в июне, увенчался успехом. Добровольческая армия захватила в августе Екатеринодар, который стал столицей антибольшевистского правительства — Особого совещания при Верховном руководстве Добровольческой армии. Положение об Особом совещании было подготовлено монархистом В.В.Шульгиным и утверждено 18 августа Алексеевым.

Правый кадет К.Н.Соколов, получивший этот документ для доработки от генерала А.М.Драгомирова в сентябре, пишет о том, что документ был «весьма далек от совершенства в смысле государственно-правовой техники, как по содержанию, так и по изложению»²⁵. И далее он приводит текст статьи первой Положения, из-за которой документ хранится в строгой тайне: «Особое совещание имеет целью: а) Разработку всех вопросов, связанных с восстановлением органов государственного управления и самоуправления в местностях, на которые распространяется власть и влияние Добровольческой армии. б) Обсуждение и подготовку временных законопроектов по всем отраслям государственного устройства, как местного значения по управлению областями, вошедшими в сферу влияния Добровольческой армии, так и в широком государственном масштабе по воссозданию великодержавной России, в прошлых ее пределах. в) Организацию отношений со всеми областями бывшей Российской Империи для выяснения истинного положения дел в них и для связи с их правительствами и политическими партиями для совместной работы по восстановлению великодержавной России. г) Организацию сношений с представителями держав Согласия, бывших в союзе с нами, и выработку планов совместных действий в борьбе против коалиции центральных держав. д) Выяснение местонахождения и установление тесной связи со всеми выдающимися деятелями по всем отраслям государственного управления, а также с наиболее видными представителями общественного и земского самоуправления, торговли, промышленности и финансов для привлечения их в

нужную минуту к самому широкому государственному строительству. е) Привлечение лиц, упомянутых в пункте д) к разрешению текущих вопросов, выдвигаемых жизнью»²⁶.

Председателем совещания стал Алексеев, его заместителями — Деникин, Драгомиров, Лукомский. Положение различало «большие» и «малые» заседания Особого совещания. Большие под председательством Алексеева должны были решать общегосударственные вопросы и рассматривать сложные законопроекты, а малые под руководством Деникина — для текущих дел. Решения Особого совещания имели рекомендательный характер и не были обязательны для Алексеева и Деникина²⁷.

Фактически это означало, что в Добровольческой армии сложилось двоевластие. Не случайно при жизни Алексеева ни разу не собирался ни большой ни малый Особые совещания. Лукомский отмечал, что Деникин резко разграничил деятельность политическую от военной деятельности и гражданского управления, «не допуская какого бы то ни было вмешательства со стороны Алексеева в вопросы, не подлежащие его компетенции». Но, в то же время, Деникин иногда самостоятельно разрешал «все вопросы, касающиеся сферы деятельности Алексеева» (например, письмо А.П.Филимонову при занятии Екатеринодара, в котором намечалась программа будущей работы совместно с казачеством). Фактически скоро Алексеев потерял всякое значение, оставаясь лишь номинально «Верховным руководителем». Алексеев это понял и решил перебраться в Сибирь, пригласив в качестве начальника штаба Драгомирова. Только болезнь и смерть помешали Алексееву перебраться в Сибирь²⁸.

Двоевластие в руководстве проявилось в определении политической программы добровольческого руководства после возвращения из первого кубанского похода. Генерал Алексеев по-прежнему придерживался политической программы «умолчания», объявленной еще «триумvirатом», т.е. умолчании о реставрации монархии после свержения власти большевиков. Генерал Деникин, в отличие от алексеевской позиции, придерживался позиции «непредрешенчества», которая была более чутка к новым условиям послереволюционной России. «Мы совершенно искренне стояли на точке зрения более полного непредрешения государственного строя. Я говорил об этом открыто всегда. Я работаю над освобождением России. Форма

правления для меня вопрос второстепенный... И поверьте, все наши предрешиения праздны. Народ сам скажет, чего он хочет, и скажет с такой силой, и с таким единодушием, что всем нам, большим и малым законодателям, придется только преклониться перед его державной волей»²⁹.

Но деникинский лозунг «непредрешиенчества» приобрел статус официальной линии Добровольческого движения, когда Деникин стал единственным наследником триумvirатом. Каледин застрелился, Корнилов был убит, Алексеев умер 25 сентября. Вся тяжесть борьбы легла на его плечи. Деникин принял звание Главнокомандующего Добровольческой армии, которому принадлежала вся полнота власти на территории, подконтрольной армии. Особое совещание, председателем которого стал генерал Драгомиров, получило статус Особого совещания при главнокомандующем Деникине. Первое заседание состоялось 28 сентября под председательством Деникина. Обсуждались два важнейших политических документа: Положение об управлении местностями, занятыми Добровольческой армией и Положение о Северо-Кавказском союзе. Готовивший эти документы Соколов так описывает впечатления от первой встречи с Деникиным: «Впечатление неотразимого обаяния. Наружность у наследника Корнилова и Алексеева самая заурядная. Ничего величественного. Ничего демонического. Просто русский армейский генерал, с наклоном к полноте, с большой головой, окаймленной бритыми седеющими волосами с бородкой клинышком и закрученными усами...

В генерале Деникине я увидел не Наполеона, не героя, не вождя, но просто честного, стойкого и доблестного человека, одного из тех, «добрых» русских людей, которые, если верить Ключевскому, вывели Россию из Смутного времени»³⁰.

«РЯДОМ С ВАМИ ОСТАЮТСЯ ТОЛЬКО БЕЗДАРНОСТИ»

Новый диктатор вел заседание Особого совещания, ставшего фактически правительством при Деникине, вел по деловому, не давая возможности разгореться бесплодным и утомительным

дискуссиям. Положение об управлении территориями, занимаемыми Добровольческой армией, закреплявшее чистую форму диктатуры, которую предпочитал Деникин, было утверждено без существенных изменений. А вот второе Положение, определявшее взаимоотношения командования армии и Кубанского правительства, оставлявшее внешнюю политику, военное дело, суд, финансы, пути сообщения в руках командования — Деникин забраковал. Он понимал, что это немедленно приведет к конфликту с правителями Кубани, которые во главу угла поставили свой «суверенитет». Деникин был, конечно, против суверенного государственного образования на Кубани, но решил не навязывать военную диктатуру насильно, а «сговориться» с кубанцами, чтобы они ее приняли добровольно или в силу суровой необходимости.

Эта склонность Деникина к «чистой диктатуре», замечает Соколов, «покоящейся на сговоре, чрезвычайно примечательна для генерала Деникина. Ею объясняется многое в дальнейшем развитии наших отношений к казачеству»³¹. Однако сговориться с кубанцами оказалось делом трудным. По словам Деникина, отношения с кубанскими правителями пришлось строить на «Положении о полевом управлении войск» еще царских времен. «Мы безнадежно искали и не нашли приемлемых форм государственной связи Кубани с той Россией, которая была представлена командованием»³².

В это время, когда началось формирование государственных структур диктаторского режима в Екатеринодаре, в Уфе сформировалось Временное всероссийское правительство — Директория. Директория обратилась 2 октября с посланием к Алексею и Деникину, в котором выражала свое восхищение одиннадцатимесячной войной Добровольческой армии и надежду на то, что Добровольческая армия «пойдет единым путем с Всероссийским правительством».

Деникин, ставший единоличным диктатором после смерти Алексеева, отказался признать Уфимскую Директорию «всероссийской властью как ответственную и направляемую Учредительным собранием первого созыва, возникшим в дни народного помешательства...»³³. Столь категорический и самоуверенный диагноз генерала свидетельствовал скорее о его политической близорукости. Несомненно, вождь Добровольческой армии до-

пустил грубейшую ошибку, выступив против Учредительного собрания и отказавшись признать над собой верховенство Директории. Свободные выборы в Учредительное собрание в 1917 г. открыли перед страной возможность демократическим путем, без авантюры, военных путчей, крови и Гражданской войны решить назревшие проблемы государственного устройства России, землепользования, национальных отношений, войны и мира. Учредительное собрание с его большинством из народников-социалистов было единственной реальной альтернативой диктатуре большевиков, ибо они опирались на поддержку народа. Нанося удар по Учредительному собранию, Деникин укреплял власть большевиков. Признав Директорию — главный противовес ленинскому правительству, Деникин не расколол бы антибольшевистские силы, а способствовал бы их консолидации, придавал бы устойчивость и легитимность своему правительству, подчиненному всероссийской власти.

К Деникину обращались — и всегда безуспешно — представители «левой общественности с призывом укрепить его власть» «пристройкой к ней двух лиц — кадета и самого мирного социалиста». Но такое предложение, утверждал Деникин, было идеей, «совершенно праздною, не считающейся вовсе с тогдашней психологией армии», которая принимала характер нетерпимости «не только в отношении социалистических, но и либеральных местных деятелей». Деникин, формируя систему управления территорией, занятой армией, опирался, учитывая настроения большинства добровольцев, на монархически настроенных и правокадетских деятелей. Офицерство, в основном монархисты, слепо шли «за Вами, — отмечал в письме Деникину его соратник Лукомский, — только от того, что Вы не допускали к совместной работе с Вами социалистов и лиц типа «Керенского».

Особое совещание при диктаторе являлось совещательным органом, законы и указы мог издавать только главнокомандующий. Однако жизнь раздвигала узкие рамки алексеевского «Положения», заставляла Деникина наделять Особое совещание всеми функциями исполнительной и законодательной власти. Генерал не мог отрешиться от старой, до него созданной при царизме системы управления государством. Поэтому Особое

совещание стало совмещать функции Совета министров и Государственного совета.

Сохранилась телеграмма Деникина от 28 декабря 1918 г. генерал-губернатору Одессы А.Н.Гришину-Алмазову, в которой он дает общую характеристику новой власти. «Только состоящему при мне Особому совещанию, — разъяснял он, — могут быть присвоены правительственные функции», — никакие назначения на ответственные посты от четвертого класса и выше не могут производиться никем, кроме главнокомандующего. «Все источники финансовых средств, равно как и эмиссионное право и распределение выпускаемых денежных знаков», — исключительно находится в ведении финансового отдела Особого совещания. Начальники управлений и управляющие отделами получили права министров³⁴.

Давая указания по кардинальным вопросам внешней и внутренней политики, утверждая все решения Особого совещания, Деникин держал правительство под жестким контролем. «Министры» не имели права без согласия Деникина вносить на обсуждение Особого совещания проекты законов. Вспоминая заседания, которые проходили под руководством Деникина, его соратник Лукомский отмечал авторитарный стиль деникинско-го руководства. Свое мнение по обсуждаемым вопросам Деникин считал единственно верным, и «добиться даже частичных уступок» с его стороны было трудно. А у тех членов совещания, которые не разделяли взглядов главнокомандующего, просто не хватало гражданского мужества перечить ему. По глубокому убеждению Лукомского, если Деникина и не боялись, то стеснялись сказать что-либо противоречащее его категорическим указаниям³⁵.

На юге страны, на территории, занимаемой Добровольческой армией, установилась безграничная диктатура в лице Главнокомандующего Деникина. Основной ее целью было свержение власти большевиков и восстановление единой и неделимой России, распавшейся после Октябрьской революции. В октябре конференция кадетской партии, состоявшаяся в Екатеринодаре, одобрила деникинскую диктатуру и решила оказывать ей всяческое содействие, согласившись с лозунгом «непредрешенства». Большинство участников антибольшевистского совещания в Яссах, состоявшегося в ноябре 1918 г., также высказалось

в поддержку Деникина. Лозунг «непредрешенства» возобладал и здесь³⁶. Представители Антанты высказались в пользу режима Деникина.

До этого времени деникинщина, несмотря на некоторые военные успехи, носила локальный характер и не представляла серьезной угрозы диктатуре большевиков. С конца 1918 г., подержанная союзниками, деникинщина становится «явлением всероссийским»³⁷.

В январе 1919 г. Деникин получил от А.И.Гучкова, бывшего военного министра Временного правительства, письмо, в котором опытный политик предупреждал генерала об опасности переоценки своих сил в борьбе с большевизмом. Воздавая должное заслугам Добровольческой армии, он считал большой опасностью «закрывать глаза на те невероятные и, в известной мере, непреодолимые затруднения, которые стоят перед ней в деле исполнения ею своей дальнейшей задачи». В демократических, даже определенно небольшевистских, кругах, отмечал Гучков, принято считать, что препятствием к ее дальнейшему численному росту, к превращению ее из небольшой и отборной войсковой части в могучую народную армию, является целый ряд условий, ей присущих: ее классовый состав и те классовые тенденции, которые в ней либо проявляются, либо подозреваются, те политические и социальные лозунги, которые ею провозглашаются, или отрицаются, или просто умалчиваются, отдельные явления в жизни и деятельности Добровольческой армии, которые подозрительно настораживают народные массы и, главным образом, демократические круги, наконец, определенная или подозреваемая политическая и общественная репутация некоторых лиц, занимающих руководящее в ней положение. Этим объясняется та непопулярность Добровольческой армии, ожесточение и озлобление против нее, «которые замечаются в народных массах юга России». По мнению Гучкова, Добровольческая армия, не в состоянии выйти из существенных рамок офицерской буржуазной, интеллигентской войсковой части и стать народной армией. Добровольно вольются в нее лишь однородные с ней элементы; те же элементы, которые будут влиты в нее мерами принудительного набора, «будут нестойки и ненадежны и потребуют много времени и много работы, чтобы стать прочной и послушной силой и руках ко-

мандного состава». Основная причина этого явления, считает Гучков, заключается в том, что народные массы юга России не переболели еще большевизмом и не созрели путем страданий до сознательной борьбы с ним «не на живот, а на смерть».

Эти неблагоприятные условия будут сопровождать Добровольческую армию всюду, куда бы она не принесла свою базу: на Юге России и на Северном Кавказе, и на Дону, и в Крыму, и на Украине, — пока ей не удастся пробиться в те районы России, где народные настроения на ее стороне. Но когда это произойдет? Сколько времени потребуется, чтобы вокруг офицерского ядра Добровольческой армии могла собраться и сплотиться солдатская народная армия и, наконец, все же останутся необъятные пространства, отделяющие ее от жизненных центров большевизма, разоренная страна, неспособная прокормить армию, необеспеченный тыл и вконец расстроженный, а, может быть и, окончательно замерший железнодорожный транспорт.

Говоря о значении того Южного фронта, который сыграл до сих пор такую крупную роль и на который возлагалось так много надежд, Гучков приходит к выводу, «что ему вряд ли придется играть такую же активную роль и в будущем, в деле разгрома северного большевизма. У него есть другая важная, «но пассивная и оборонительная задача — сберечь Юг России от захвата и использования со стороны советской власти. И на эту нелегкую задачу пойдут все его силы. Только помощь союзников, в форме большой живой силы, брошенной на активную борьбу с большевиками, могла бы изменить это положение, но, очевидно, на это не приходится рассчитывать»³⁸.

Деникин не внял этому предупреждению и отдал 3 июля 1919 г. приказ о наступлении, имея конечной целью захват Москвы. Эта крупнейшая стратегическая ошибка Деникина привела белые армии к катастрофе, а Красную Армию — к блестящим победам, укрепившим власть большевиков. Но это произойдет позже.

2 февраля 1919 г. Деникин окончательно завершил формирование Особого совещания, утвердив новое «Положение», согласно которому оно состояло из тринадцати управлений: военного, морского, внутренних дел, иностранных дел, земледелия и др. Кроме этого, в состав совещания были включены: начальник штаба, главный начальник снабжений, военных сообще-

ний, несколько членов совещания без портфелей — из общественных и государственных деятелей. Оно включало всего 24 человека и сразу разделилось на два неравных крыла: правое, в основном из генералов, тосковавших по монархии, и левое из четырех кадетов, к которым примыкали еще четверо членов совещания из гражданских лиц³⁹.

Однако, по словам Лукомского, кроме официального правительства, около Деникина вскоре образовался «черный кабинет», а наветам и доносам он придавал «чрезмерное значение». Поэтому постепенно между Деникиным и его ближайшими сотрудниками, по мнению Лукомского, возникло и недоверие и некоторая отчужденность.

Хотя «Вы и любите говорить, — писал он Деникину, — что для Вас совершенно безразлично отношение лично к Вам того или иного человека, но в действительности Вы просто не принимали в Добровольческую армию тех, против кого у Вас было предубеждение, или постепенно отстраняли тех, кто вызывал Ваше неудовольствие».

Постоянно утверждая, что для «Вас самое приятное было бы «копать огород и сажать капусту», что вы «не держитесь за власть», а в действительности удаляли и отстраняли тех, относительно коих зарождалось сомнение, что они честолюбивы и будируют против Вас».

Особенно возмущали Лукомского деникинские резолюции на различных докладах и бумагах, которые были явно оскорбительны для него — ближайшего соратника Деникина. «Вы не считались, — писал Лукомский, — ни с положением данного лица, ни с его прежней службой, ни с тем, что не все легко переносят оскорбления, нанесенные даже лицами, имеющими Верховную власть».

Большинство эти обиды проглатывало, считая, что не такое время, чтобы на них обращать внимание. Но горечь оставалась и постепенно Вы отталкивали от себя людей, преданных и делу, и Вам».

Такое руководство привело к тому, что рядом с Деникиным, по мнению Лукомского, оставались только бездарности и, кроме Романовского, у него не было преданных людей⁴⁰.

Политическая платформа, которой должны были руководствоваться члены правительства, была сформулирована в выс-

туплениях Деникина. 1 декабря 1918 г. Деникин выступил на торжественном открытии Кубанской чрезвычайной рады в Екатеринодаре. По словам очевидца — это была самая сильная и блестящая речь из всех, произнесенных им за время пребывания у власти.

В ней сказался весь Деникин со всем пафосом его национально-государственной идеологии, в ней названы все даром пропавшие «kozyри его борьбы за воссоздание России, в ней предсказаны все заблуждения и недоразумения, роковым образом приведшие нас к конечной неудаче»⁴¹.

Обрисовав первые месяцы существования Добровольческой армии генерал так формулировал главную задачу: «Нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть». При этом Деникин подчеркивал сознательный отказ белого движения от выставления какого-либо партийного флага и следование принципу непредрешенчества — при соблюдении единства страны, с учетом стремления окраин, и казачества к широкой автономии. Добровольческая армия, говорил Деникин, не преследует «никаких реакционных целей и не предрешает ни формы будущего образа правления, ни даже тех путей, какими русский народ объявит свою волю». От нас требуют партийного флага. «Но разве трехцветное знамя Великодержавной России не выше всех партийных флагов?»⁴².

Итак, единство всех сил в борьбе с большевизмом, единство страны и власти, самая широкая автономия окраин, верность соглашениям с союзниками по войне — таковы главные принципы платформы Деникина. По его убеждению, все участники антибольшевистской борьбы, за исключением сепаратистов и федералистов, могли следовать этим принципам. Мы боремся, говорил он 3 февраля 1919 г. на заседании большого Войскового круга, не для того, чтобы «вернуться к старым порядкам», не для защиты сословных и классовых интересов, «а за новую, светлую жизнь всем: и правым и левым, и казаку, и крестьянину и рабочему...»⁴³.

Вся идейно-политическая программа Деникина, как это видно из его заявлений, строилась на одной лишь идее сохранения единой и неделимой России. Но даже его ближайшие соратники считали это главной его ошибкой. «Вы любите гово-

ритель, — писал Лукомский, — что Вы должны вести политику честную и “великодержавную”. Но для проведения в жизнь этой политики “нужна была реальная сила” которую и Вы и Романовский переоценивали. Такая политика не позволила также объединить все противобольшевистские силы и стремления к одной цели — к победе над большевиками»⁴⁴.

В то время, когда Российская империя распалась, вожди белого движения, воспитанные при царях в великодержавных традициях, отвергли какие-либо существенные уступки угнетенным народам. В пограничных областях, где преобладали нерусские элементы и где шли решающие бои Гражданской войны, этот факт был ахиллесовой пятой белых правительств. Цель восстановления неделимой России была антагонистична самой идее новых национально-государственных образований.

Член деникинского правительства Н.И.Астров в своих замечаниях на 4 том «Очерков русской смуты» отметил, что «цели Добровольческой армии и самостойников были различны», хотя они и оказались «связанными пребыванием на одной территории и общностью одного и того же врага». С одной стороны, господствовала «великодержавность, прямолинейность, отсутствие гибкости», с другой — тупая недалковидность, «легкомысленное самомнение». С обеих сторон отсутствовали взаимное доверие и понимание, когда «патриотизм одних расценивался другими как угроза их независимости», а верность своим идеям и целям «трактовалась другими как измена».

А между тем и другими находилось взбаламученное море народное с «новыми настроениями и психологией», влекомое вольными и невольными обманом к неведомым целям и все более откатывающееся от старых берегов». Добровольческая армия должна была на пути к единой и неделимой России превозмочь революционную стихию, что, по мнению Астрова, «было ей не под силу»⁴⁵.

Деникин не мог не понимать, что курс на сохранение единой и неделимой России пагубно отражался на отношениях с Украиной, Прибалтикой, Закавказьем и казачеством. Но дальше предоставления автономии отдельным народностям и казачеству, а также децентрализации всего государственного управления так и не пошел, хотя и знал, что они не мирятся с иной формой устройства, как только суверенной, независимой.

Деникин был твердо убежден: «считать возможным окончательное отторжение их от России — это значит не отдавать себе отчета в закономерном ходе исторических событий. И вряд ли на этот счет могут особенно заблуждаться государственные мужи новообразований и их западные покровители. Государственная связь России с ее окраинами предрешена историей, экономикой, рынками, направлением жел.-дор. магистралей, обороноспособностью рубежей, психологией русского общества, всей совокупностью культурно-хозяйственного развития *обеих* сторон и *обоюдными* интересами. Связь будет восстановлена; скоро или нескоро, добровольно — путем сговора или насильственно — таможенной, экономической войной или наступлением армий. И это сделает *всякая* Россия — “красная”, “розовая”, “белая” или “черная”, не желающая задохнуться в пределах тех искусственных рубежей, в которые ее заключили мировая война и смута»⁴⁶.

Первый национальный вопрос, который стал на очередь, был *украинский*. У правительства, твердый и неизменный взгляд на *национальное, религиозное и культурное единство русского народа в лице трех ветвей его — великорусской, малорусской и белорусской*.

В августе перед освобождением Киева, было опубликовано «обращение главнокомандующего к населению Малороссии».

«Доблестью и кровью армий одна за другой освобождаются русские области от ига безумцев и предателей, давших обманутому народу рабство счастья и свободы.

К древнему Киеву, “матери городов русских”, приближаются полки в неудержимом стремлении вернуть русскому народу утраченное им единство, то единство, без которого великий русский народ, обессиленный и раздробленный, теряя молодые поколения в братоубийственных междоусобицах, не в силах был бы отстоять свою независимость — то единство, без которого немислима полная и правильная хозяйственная жизнь, когда север и юг, восток и запад обширной державы в свободном обмене несут друг другу все, чем богат каждый край, каждая область; — то единство, без которого не создалась бы мощная русская речь, в равной доле сотканная вековыми усилиями Киева, Москвы и Петрограда...

В основу устройства областей Юга России и будет положено начало самоуправления и децентрализации при неслыханном уважении к жизненным особенностям местного быта.

Оставляя государственным языком на всем пространстве России язык русский, считаю совершенно недопустимым и запрещаю преследование малорусского народного языка. Каждый может говорить в местных учреждениях, земских, присутственных местах и суде — по малорусски. Частные школы, содержимые на частные средства, могут вести преподавание на каком угодно языке. В казенных школах, если найдутся желающие учащиеся, могут быть учреждаемы уроки малорусского народного языка в его классических образцах. В первые годы обучения в начальной школе может быть допущено употребление малорусского языка для облегчения учащимся усвоения первых начатков знания. Равным образом не будет никаких ограничений в отношении малорусского языка в печати»⁴⁷.

Акт этот был встречен общественным мнением различно. Российские политические группы отнеслись к нему в общем благоприятно, а умеренные социалисты, группировавшиеся вокруг «Союза Возрождения», считали лишь необходимым предоставить еще земским и городским самоуправлениям на Украине право открывать среднюю школу с преподаванием на малорусском языке, а в высшей школе допускать чтение лекций на этом языке в случае желания лекторов и слушателей.

Особой непримиримостью в украинском вопросе отличался киевский «блок русских избирателей» В.В.Шульгина. Оттуда, по словам А.М.Драгомирова, раздавались требования «совершенно игнорировать какие бы то ни было особенности малорусского края». Там «не переносят самого слова “украинцы” и, чтобы его вырвать с корнем, требуют самой решительной борьбы, до насильственного перекрашивания магазинных вывесок включительно».

Совершенно противоположных взглядах придерживалось Киевское «Национальное объединение», которое, признавая наличие особого украинского народа, считало необходимым дать ему всецело украинские школы, не исключая и высшей.

Более спокойно отнесся к акту Харьков, где вообще были очень слабы самостийные тенденции и более экспансивно Екатеринославщина, где проявлялось сильное тяготение к Дирек-

тории. В стане украинских социалистов и петлюровских тайных организаций акт был использован для самой отчаянной агитации против деникинской власти.

В подходе к русской истории Деникин был последователем Ключевского и называл Украину — Малороссией. Это не было капризом самоуверенного диктатора. Он считал, что в старой России не было национального притеснения украинского населения. А если и было бюрократическое угнетение, то оно в одинаковой мере проявлялось как в Малороссии, так и в Восточной России.

Подойдя к Киеву, Добровольческие войска встретились с украинскими частями ярого националиста Симона Петлюры. Петлюровцы считали своим главным врагом Россию: и белую и красную. Они готовы были поддерживать одну из борющихся сторон, чтобы ослабить другую, а от обескровленного победителя добиться признания полной независимости Украины. Авантюрист и интриган, Петлюра вел переговоры одновременно с Румынией, Польшей и Деникиным. Деникин не верил ему ни на грош, и потребовал или сдать оружие, или примкнуть к белым, отказавшись от лозунга самостийной Украины. В ответ Петлюра заключил договор с Польшей, уступив ей Галицию и прикарпатскую Русь, и стал послушным орудием польской политики, направленной на расчленение России. Разбитый Добровольцами «генералиссимус» со своим правительством бежал в ноябре в Польшу.

Другой чрезвычайно серьезный вопрос, с которым Деникину пришлось столкнуться главным образом при вступлении на территорию Украины — был вопрос еврейский.

Волна антисемитского настроения охватила Юг задолго до вступления армий в «черту оседлости». Оно проявилось ярко, убежденно — в верхах и низах, в интеллигенции, в народе и в армии; у петлюровцев, повстанцев, махновцев, красноармейцев, зеленых и белых. Если на одном фланге политического фронта антисемитизм проявлялся открыто, то на противоположном — где еврейское равноправие считалось всегда одним из боевых программных пунктов, а защита еврейства — традицией, чувство антипатии к ним и осуждения не раз также прорывалось наружу. Его не могли скрыть и некоторые из левых деятелей

даже тогда, когда в разговоре с Деникиным возмущенно и искренно «осуждали насилия над евреями».

Войска Вооруженных сил Юга не избегли общего недуга и запятнали себя еврейскими погромами на путях своих от Харькова и Екатеринослава до Киева и Каменец-Подольска.

Внутренние язвы загноились в атмосфере ненавистничества. Погромы несли бедствие еврейскому населению, они же поражали дух самих войск, извращая их психику, разрушая дисциплину, внося развал. Это могли не видеть только слепые⁴⁸.

Звериные инстинкты, поднятые войной и революцией, углубленная жажда к запретным прежде и теперь доступным благам жизни, всеобщая распушенность, развал, утрата нравственного критерия и обесценивание человеческой крови и жизни — вот одна серия причин погромов вообще. Где уж там требовать от бурно кипящей массы особого милосердия и человеколюбия к «чужим», когда на протяжении нескольких лет с исключительной жестокостью и садизмом дробятся черепа «своим» и разбойным образом «перераспределяются» накопленные ими ценности...

В Крыму деникинский режим столкнулся с татарским вопросом. Там с приходом Добровольцев воскресили враждебные русской национальной идее татарский парламент «Курултай» и правительство («Директория»), в период немецкой оккупации стремившиеся к «восстановлению в Крыму татарского владычества». Они не отказались от своих «державных» прав. Но правительство Деникина не признавало преобладающего значения татарского народа на территории всероссийской здравницы Крыма, тем более, что татары составляли только 20-25% всего населения полуострова. Курултай и Директория были упразднены, уезды Крыма включены на общем основании в состав Таврической губ. Татарам предоставлена была культурно-религиозная автономия, причем мусульманский съезд должен был определить и создать органы, ведающие этими отраслями народной жизни.

На Северном Кавказе деникинское правительство встретилось с многосторонним национализмом горских племен, осложненным деятельностью горского Меджлиса, панисламистским и пантурсецким течениями. В политике Меджлиса, где авантюризм играл большую роль, чем национализм, внешнее

объединение неродственных, и даже враждебных друг другу элементов кавказской мозаики, явилось орудием, направленным всегда против России. Правительство, ведя борьбу за целостность государства, вынуждено было препятствовать такому политическому объединению, отнюдь, однако, не стремясь к подавлению национальной жизни горцев и не отрицая возможности объединенного представительства их при высшей краевой власти. Горским племенам предоставлено было достаточно широкое самоуправление в их этнографических границах, с выборной администрацией и с полным невмешательством власти в вопросы религии, шариата и народного образования, кроме... ассигнования с этой целью пособий от казны. Горские округа в порядке высшего управления включены были в состав Северо-Кавказской (Терско-Дагестанской) области — совместно с землей Терского войска, ввиду крайней чересполосицы и необходимости примирения интересов казаков и горцев. Деникин не хотел отказаться от великодержавного курса даже тогда, когда стоял на пороге краха. Астров напомнил ему последнее заседание правительства 23 декабря, когда на предложение отказаться от методов великодержавной политики, Деникин резко ответил: «Я этого сделать не могу и с этого пути не сойду»⁴⁹.

Все это являло собой контраст с обещаниями большевиков неограниченного национального самоопределения. Безоговорочное признание права на отделение дало Ленину возможность обуздать разрушительный национализм и подняло его престиж много выше вождей антибольшевизма. Это позволило большевикам сделать местное население своим союзником против тех, кто стремился к единой и неделимой России.

Идейно-политическая платформа Деникина не отвечала динамике невиданной по размаху революции и гражданской войны и очень сложной международной ситуации. Это прямо отразилось в деятельности правительства. По словам Астрова, оно «невероятно быстро обратилось в плохое бюрократическое учреждение старого типа»⁵⁰, которое делилось на две неравноценные группы — правую и либеральную. Первая, по словам Деникина, «была монолитна, вторая — не крепко спаяна»⁵¹. Весьма тяжелая правая гиря перевесила, по мнению Астрова, чашу весов в пользу правой политики. Группа генералов — махровых правых, окружали себя правыми и поддерживали правые

организации. Во главе стояли оба председателя Особого совещания генералы Драгомиров и Лукомской, которые политически «были совершенно одинаковы. Один только был поумней и потоньше и похитрей». Главная политическая установка правых заключалась в том, по словам Астрова, что «диктатура должна восстановить все разрушенные революцией ценности» и неминуемо привести «к полной реставрации»⁵².

Либеральная группа, состоящая из кадетов, тоже выступала за диктатуру Деникина, но пыталась выправить «правый крен», разделить военное и гражданское управление, ввести гражданского заместителя председателя Особого совещания. Военные генералы, превращенные в чиновников и управителей, да еще в условиях гражданской войны, только дискредитировали режим, реставрировав старые имена, старые формы и методы управления. «Отсюда, — писал Астров, — порождение того облика», который принимает армия и система управления, «облика злой и мстительной реакции». Повсюду образовывались «осиные гнезда старых чиновников», скалящих зубы на все, что «разрушило их царство». Та же психология была присуща «бесчинствующим озорникам на местах, седым и безусым «диктаторам», которые «стремятся управлять только силой». Предсказывая судьбу Вандеи такому «правовому» порядку, Астров писал Деникину в апреле 1919 г., что с такими методами управления «нам не придется угощать Вас чаем в Москве»⁵³.

Однако генералы усмотрели в предложениях либеральной части Особого совещания «покушение на принцип диктатуры» и решительно их отвергли. Находясь между крайней реакцией и левой частью Особого совещания, Деникин занял позицию колеблющегося центра. По своим взглядам он приближался к левой кадетской группе. «Духовно я был с нею», — писал он Астрову 26 февраля 1923 г. Признал он и заслуги военщины, которая при всех своих крупных недостатках «была той именно единственной силой, которая боролась активно, в прямом смысле этого слова, с большевиками»⁵⁴. И хотя Деникин был военным, сильным человеком, однако напор правых устремлений одолел и его.

Наиболее отчетливо реакционная линия в политике деникинского режима проявилась по такому кардинальному вопросу, как аграрный. От его решения зависела позиция основной

массы населения Юга России — крестьянства. Захватив после революции помещичьи земли, инвентарь, скот, лошадей, крестьяне с тревогой ожидали, что скажет по этому поводу генерал Деникин. Но главного слова, закрепляющего за ними земельный передел, они не услышали. Дважды правительство Юга России приступало к проведению земельной реформы, но земельный закон так и не появился. Деникин направил 23 марта 1919 г. председателю Особого совещания Драгомирову декларацию, в которой определялись основные «начала» решения аграрного вопроса. Полное его разрешение по всей стране и составление общего для всей России земельного закона «будет принадлежать законодательным учреждениям, через которые русский народ выразит свою волю».

А пока на территории, подконтрольной Деникину, будут действовать правила: создание и укрепление мелких и средних крестьянских хозяйств, должны быть уничтожены латифундии, а помещикам оставлены лишь небольшие имения, на которых может вестись культурное хозяйство, а за отчужденную землю они должны получить вознаграждение.

Но вместо того чтобы немедленно приступить к передаче помещичьей земли крестьянам и преследовать всякие попытки помещиков репрессивно восстанавливать свои права, в комиссии по аграрному вопросу началось бесконечное обсуждение проектов закона о земле. Деникин неоднократно накладывал вето на реакционные земельные проекты. В результате был принят компромиссный закон, написанный для эпохи, которая уже прошла безвозвратно. Передача части земли крестьянам должна была начаться только после гражданской войны и закончиться спустя семь лет⁵⁵. А пока в действие вводился приказ о третьем снопе, в соответствии с которым треть собранного зерна поступала возвратившемуся помещику. /

Оценивая аграрную политику, Астров признавал, что палку перегнули в пользу помещика. «Нужно было пройти через эту странную и страшную пору, когда умные люди, несомненные патриоты не ведали, что творили». Он вспоминал, как бывший царский министр А.В.Кривошени уже в Новороссийске во слезах в голосе говорил: «Десять раз возьмите землю, только верните Россию»⁵⁶. Но прозрение наступило слишком поздно. Земельная политика Деникина была одной из главных причин

поражения его режима и укрепления позиции большевиков. Из двух зол — ленинской продрозверстки или деникинской реквизиции — крестьянин предпочел продрозверстку, поддержав таким образом власть большевиков.)

10 апреля 1919 г. посол в Париже М.А.Маклаков по поручению председателя политического совещания князя Г.Е.Львова направил секретную телеграмму Деникину, в которой содержалось предупреждение, что «совещание бессильно чего-либо здесь добиться», пока борьба Добровольческой армии с большевиками может казаться на западе не широким национальным движением демократического характера, а узкопартийным, направленным на политическую и социальную реставрацию. Прежнее доверие к ее политическим целям «уже подорвано», сообщил Львов. В конце же телеграммы он откровенно журил генерала, видимо считая его политическим младенцем: надо «установить явно дружелюбные отношения с краевыми правительствами, иметь в составе правительства популярные имена, восстановить и поддержать широкий политический фронт и сделать так, чтобы большевики были изолированы в своей борьбе со всей Россией»⁵⁷.

Боевому генералу, патриоту своей многострадальной Родины было обидно и горько читать такое послание от человека, который, по его глубокому убеждению, был одним из главных виновников прихода к власти большевиков. В ответной телеграмме он не скрыл своих чувств и резко отверг претензии Львова руководить Екатеринодарским правительством из Парижа, «со стороны лиц, оторванных от России, не знающих и не понимающих вовсе той обстановки, в которой совершается в ней трудное дело государственного строительства»⁵⁸.

Однако задуматься над предупреждениями Львова все же пришлось — для этого было достаточно оснований. Только что, в конце марта, французские войска, простояв четыре месяца в Одессе, бросили город. Так закончилась обещанная Францией помощь Деникину. Одесская катастрофа поставила его в трудное положение. После того, как намеченный план занятия союзными войсками юга России провалился, перед Деникиным стала задача завоевания этого обширного края своими совершенно ничтожными силами. Он хорошо понимал, что без помощи союзников его ожидает быстрый крах. Поэтому он сам

подготовил текст политической декларации командования вооруженными силами юга России, направленной 10 апреля начальникам английской, американской и французской миссий. В ней говорилось о созыве народного собрания на основах всеобщего избирательного права, установлении областной автономии и широкого местного самоуправления, полных гражданских свобод, проведении земельной реформы.

Как свидетельствует архив политической канцелярии при председателе Особого совещания, текст предварительно согласовывался с представителями союзников. Так, американский полковник Рикс предложил убрать формулировку о возрождении русской армии, так как это произведет на американских граждан впечатление «крайней реакционности и милитаризма». Поправка была принята и в окончательный текст формулировка не вошла⁵⁹.

Однако дальше широкообещательных обещаний дело не пошло. Наступили события, отвлекшие внимание правительства от внутренних дел. Все внимание было обращено на фронт, где решалась судьба режима. Последующие успехи в движении армии к Москве изменили настроения всех, включая и либеральных политиков. Даже скептики и пессимисты стали верить в успех и надеяться, что успех исцелит недуги режима, исправит пороки. Скорее бы достигнуть желанной Москвы...

Московская катастрофа нанесла сокрушительный удар по авторитету главнокомандующего, он выпустил возжи из рук. По словам Астрова, правительство буквально захлестнуло жалобы на бесчинства, творимые армией, государственной стражей, комендантами, контрразведкой, всеми органами власти, высшими военными начальниками, расправлявшимися с населением. Все это «заставляет население, на которое армия должна была бы опираться, говорить: нет, это не та власть, которая может спасти страну, воссоздать Россию».

Свой доклад, содержащий такие выводы, Астров закончил словами: «Если не поздно, нужно менять курс». Это было 5 ноября 1919 г. на заседании Особого совещания. Но Деникин еще не верил, что и ему оказалась не по плечу задача сокрушения большевизма. Он заявил: «После этого мне остается пустить себе пулю в лоб! Но мы еще поборемся. Бороться со всеобщей разрухой придется лет пять»⁶⁰.

Гражданская война расколола Россию на два непримиримых лагеря: большевистский и антибольшевистский. Разгул зверств и жестокости с обеих сторон принял небывалые масштабы. Сегодня, пересматривая историю, многие авторы убеждают своих читателей, что виноваты были только большевики, так как они проводили государственную политику красного террора, а белые делали, мол, это стихийно, неорганизованно, вопреки требованиям своих вождей, призывавших не допускать мести и расправ. Но так ли это? Трудно даже предположить, что рядовые офицеры делали то, что запрещали им генералы, облеченные к тому же диктаторскими полномочиями. Это подтверждается и документами, находившимися до последнего времени в засекреченных архивах. В журнале заседаний Особого совещания от 15 ноября 1919 г. отражен ход обсуждения закона об уголовной ответственности участников установления советской власти в России. Законодатели готовили этот документ не только для военного времени, а и для России, освобожденный от власти большевиков.

Что же ожидало Россию освобожденную? Все, кто был виновен в подготовке захвата власти Советами, кто осуществлял задачи этой власти либо содействовал осуществлению этих задач, а также те, кто участвовал «в сообществе, именуемом партией коммунистов (большевиков), или в ином сообществе, установившем власть Советов раб., сол., и кр. депутатов», подвергаются «лишению всех прав состояния и смертной казни»⁶¹.

Либеральная группа из пяти членов Особого совещания голосовала против применения смертной казни за один факт участия в партии коммунистов. А 22 ноября князь Г.Н.Трубецкой, входивший в эту группу, изложил свое особое мнение по данному вопросу. Вообще симпатией к большевикам он не испытывал и, более того, не возражал против смертной казни «в моменты, непосредственно следующие за боевыми действиями». Но применять эту меру в мирное время, на которое рассчитан закон, он не согласен. Напомнив, сто «в Совдепии» находится 300 тыс. коммунистов, князь сделал вывод, что закон станет актом «не столько правосудия, сколько массового террора». Правительство встает на путь большевистского законодательства, предупреждал Трубецкой. По его мнению, такой закон сплотит коммунистов, усилит упорство их сопротивле-

ния. «Закон будет использован большевиками для оправдания применяемого ими массового террора. Наши противники в Европе не преминут использовать новый закон для своей агитации против Добровольческой армии». Трубецкой высказался за разграничение ответственности коммунистов, совершивших преступления, и тех, кто преступлений не совершали, за применение к последним более мягкого наказания⁶².

Деникин, не считаясь с мнением либеральной части своего правительства, 24 ноября утвердил постановление.

Как видим, и большевистское и антибольшевистское правительства проводили целенаправленную политику террора. Ленин руководствовался классовым подходом. Человек, как самостоятельная личность, вне классовых рамок, для Ленина не существовал. Только один класс — пролетариат — имел в его глазах полное право на существование. Что касается помещиков и буржуазии, то он питал к этим классам настоящую ненависть. Отсюда вышла система «классового террора», которую Ленин применил через ВЧК.

В тех случаях, когда ров, разделяющий красных и белых, переполнился кровью тех и других, не смог и Деникин, разрешить роковые и губительные противоречия между святыми намерениями и преступными действиями своего режима. Общая безраздельная ненависть к большевикам была настолько велика, что голое насилие стало единственным средством борьбы с ними. Однако белый террор, как справедливо заметил князь Трубецкой, лишь усиливал упорство сопротивления. Для большевиков не оставалось выхода — или власть или плаха. Угроза уничтожения делала их беспощадными к врагам, бесстрашными в бою. В результате белый террор не ослаблял, а в конечном счете усиливал диктатуру большевиков.

Возможно, поняв бесперспективность идеи классовой мести, потеряв веру в себя, Деникин произнес в кругу своих соратников: «Я знаю, что исполняю черную работу. Знаю, что сломаю себе шею и заслужу только проклятия. Но эту черную работу кто-то должен исполнять»⁶³.

Когда мы расходились после совещания у генерала Деникина 26 ноября, вспоминал Астров, все мы чувствовали, что не обладаем тем огнем, который мог бы воспламенить сердца, сжечь и испепелить пороки, губящие движение, сотворить чудо

и спасти Россию. «Стихия революции продолжала еще бушевать в стране, разлагая все то немногое, что организовано выступало на борьбу с эксцессами этой стихии. Мы были побеждаемы, сила наша разлагалась не большевиками, а еще не изжитой силой революционной стихии»⁶⁴.

Лидеры Добровольческой армии оказались настолько слабы политически, что не понимали сути войны, которую вели. Их неспособность выработать позитивные политические цели явилось, очевидно, их самым большим недостатком. Генералы считали, что постановка какой-либо цели, помимо войны «против немцев и их агентов большевиков» затормозит создание широкого национального фронта.

«БЕЗ ПОМОЩИ СОЮЗНИКОВ ПОБЕДИТЬ БОЛЬШЕВИКОВ НЕВОЗМОЖНО»

Деникинское правительство, оставаясь верным союзником Антанты в войне с Германией, твердо рассчитывало на обещанную всестороннюю военную, экономическую и политическую помощь в борьбе с большевиками. Уже в конце 1918 г. они оказали давление на Краснова и он вынужден был признать власть Деникина, подчинив ему Донскую армию. А в феврале 1919 г. Краснов ушел в отставку, уступив атаманское кресло союзнику Деникина генералу А. Богаевскому. Под контролем Деникина оказались две армии, которые получили название Вооруженные силы Юга России (ВСЮР), а Деникин стал их главнокомандующим.

Под давлением французов и англичан румыны разрешили вывоз в Новороссийск военного имущества, оружия и снаряжения, со складов бывшего Румынского фронта. Американцы щедро снабжали Деникина медицинскими и санитарными запасами. Оснащенные союзниками деникинские армии в летних боях 1919 г. добились серьезных успехов. Под их контролем оказалась огромная территория, простиравшаяся от Волги до Правобережной Украины и от Причерноморья до Курска и Орла. В «военной столице» государства царя Антона (так полушутливо называли Деникина в Особом совещании) Таганроге

были аккредитованы представители Англии, Бельгии, Болгарии, Греции, Италии, Польши, Румынии, Сербии, США, Франции и Японии.

Первостепенное значение для Деникина имели отношения с Англией и Францией, которые играли в те годы главную роль в международных делах. Они имели немало союзников, их поддерживали Соединенные Штаты. Однако за свою дружбу они требовали от Деникина очень много и поэтому отношения между ними были не безоблачны, а порой и доходили до открытых конфликтов⁶⁵.

Особенно ухудшились отношения с Францией после ее капитуляции в Одессе. Поспешное бегство французских войск показало Деникину, что у союзников есть свои корыстные интересы и что русские и дальше будут таскать им каштаны из огня. Причины столь неудачной до той поры политики Франции В. А. Маклаков объяснил известным «легкомыслием, незнанием России, пристрастием к демократизму, боязнью своих демократических партий, боязнью реставрации в России» и ее германофильства⁶⁶.

Стремясь преодолеть возникшие трения и наладить с Францией и Западом более эффективное сотрудничество, Деникин направил летом 1919 г. в Париж правительственную делегацию во главе с председателем Особого совещания А. М. Драгомировым⁶⁷.

После встречи с Клемансо, он писал Деникину: «Все понимают необходимость союза с ними. Панически боятся реванша Германии и, чтобы мы не соединились с Германией против Европы. Клемансо был со мною очень предупредителен. Сначала резко пытался нападать на нас, что мы «враги Франции»; ссылаясь на какое-то письмо Ваше к Колчаку, в котором Вы будто бы весьма резко критиковали политику Франции. Пытался обвинять в том же и меня. Я дал ему на это весьма резкий отпор, что «врагами Франции» никогда не были, но несомненно весьма отрицательно относились к французским генералам, создавшим Одесскую катастрофу. Клемансо в конце концов несколько раз объявил, что будет оказывать нам всяческую помощь, но, конечно, не людьми. От «людей» — я поспешил отказаться, а настаивал на скорейшей *моральной* поддержке, путем немедленного формального признания правительства Колчака и приня-

тия наших представителей в сонм официальных послов других держав. На это я ответа не получил. Разговор кончился почти дружески повторением обещания — помочь всем, чем может. Из письма Нератова Вы узнаете, что такую же помощь обещает и Пишон»⁶⁸. Другой член делегации Соколов вспоминал, что официальные круги Франции не проявили большого интереса к посланцам Деникина. Им пришлось довольствоваться встречами с несколькими журналистами и политическими деятелями «более или менее крупного калибра». Всем им члены делегации «в бодрых и уверенных тонах живописали положение на Юге России и повторяя наши основные пожелания относительно политики союзников».

По словам Соколова, их везде выслушивали внимательно, их твердые речи вызывали интерес и изумление. «А потом начинаются сомнения. Почему так упорно держатся большевики? Почему отступает Колчак?» И подводя итог, делает вывод: «Европа считается только с фактами и одни надежды на будущее, как и элегические воспоминания о прошлом мало весят на весах ее реальной политики»⁶⁹.

К неутешительным выводам пришел позже и генерал Деникин, оценивая политику Франции. «Французская политика не сделала своего “выбора”, оказавшись на распутье, Франция делила свое внимание между Вооруженными силами Юга, Украины, Финляндией и Польшей, оказывая более серьезную поддержку одной лишь Польше, и только для спасения ее вступила впоследствии в более тесные сношения с командованием Юга в финальный, крымский период борьбы. Это обстоятельство придало всей политике Франции в русском вопросе характер нерешительности, неустойчивости, беспочвенного гадания и отсутствия той доли риска, которая законна и неизбежна во всяком *большом* политическом предприятии.

В итоге мы не получили от нее реальной помощи: ни твердой дипломатической поддержкой, особенно важной в отношении Польши, ни кредитом, ни снабжением»⁷⁰.

Во главе французской военной миссии стал полковник Корбейль — представитель главного командования на Востоке, он имел весьма ограниченные полномочия и служил главным образом передаточной инстанцией в сношениях с Константинополем и Парижем. Не оправдались надежды и на миссию

генерала Манжена, командированную уже правительством для укрепления связей «соединяющих издавна Францию и Россию». Но и эта миссия выполняла осведомительные и консульские функции, и вместо укрепления дружбы деникинскому правительству пришлось вести нудные разговоры с миссией по поводу захвата французами черноморского транспорта и возвращения интернированных судов русского военного флота.

Экономические отношения с Францией также не налаживались. Только в декабре 1919 г. французское правительство акредитовало при Особом совещании своего представителя, для установления этих «огромной важности отношений». Как раз во времени, когда началось уже отступление армий Юга. Французская миссия с августа вела переговоры о «компенсациях экономического характера» взамен за снабжение военным имуществом, и после присылки одного, двух транспортов с ничтожным количеством запасов. Маклаков телеграфировал из Парижа, что французское правительство «вынуждено остановить отpravку боевых припасов, если мы не примем обязательство — поставить на соответствующую сумму пшеницу».

Эта была уже не помощь, в просто товарообмен и торговля. Такое соглашение, помимо финансовых затруднений, осложнялось значительно тем еще обстоятельством, что, в корне разрушало принцип морального обязательства союзной помощи в борьбе с общим врагом.

Отправляя в мае 1919 г. на Юг нового главу британской миссии, генерала Хольмана, военный министр Черчилль писал Деникину: «Я надеюсь, что Вы отнесетесь к нему с полным доверием... В согласии с политикой правительства Его Величества, мы сделали все возможное, чтобы помочь Вам во всех отношениях. Мое министерство окажет Вам всякую поддержку, какая в нашей власти, путем доставки военного снаряжения и специалистов-экспертов. Но Вы без сомнения поймете, что наши ресурсы, истощенные великой войной, не безграничны... тем более, что они должны служить для выполнения наших обязательств не только в Южной, но и в Северной России и Сибири, а в сущности на пространстве всего земного шара»⁷¹.

И английская политика в русском вопросе за вторую половину 1919 г. не стала прямолинейнее — обстоятельство тем более важное, что Ллойд-Джордж пользовался весьма большим

влиянием и в Верховном совете, созданном в 1918 г. Англией, Италией, Соединенными Штатами, Францией и Японией и, заседавшем в Версале.

Несомненно, колебания английской политики находились в большой зависимости от успехов или неудач на белых фронтах, укрепляя попеременно то друзей белых, то их недругов среди общественных и парламентских кругов Англии. Весьма чутким барометром для этих настроений служил глава ее правительства, имевший всегда большое тяготение к сближению с большевиками. Осенью 1919 г., когда обнаружились крупные неудачи на Восточном фронте, Ллойд-Джордж стал подготавливать общественное мнение к крутому повороту политического курса: «Я не могу решиться, — говорил он, — предложить Англии взвалить на свои плечи такую страшную тяжесть, какой является водворение порядка в стране, раскинувшейся в двух частях света, в стране, где проникавшие внутрь ее чужеземные армии всегда испытывали страшные неудачи... Я не жалею об оказанной помощи России, но мы не можем тратить огромные средства на участие в бесконечной гражданской войне... Большевизм не может быть побежден оружием, и нам нужно прибегнуть к другим способам, чтобы восстановить мир и изменить систему управления в несчастной России...»⁷².

Ллойд-Джордж считал вопрос о содействии Колчаку и Деникину весьма спорным, так как они борются за Единую Россию. «Не мне указывать — соответствует ли этот лозунг политике Великобритании... Один из наших великих людей, лорд Биконсфильд видел в огромной, могучей и великой России, катящейся подобно глетчеру, по направлению к Персии, Афганистану и Индии, самую грозную опасность для Великобританской империи»⁷³.

Впечатление от этих заявлений на Юге России — на фронте и в тылу — было весьма тяжелым. В них увидели окончательный отказ от борьбы и от помощи противобольшевистским силам — в самый трудный для них момент.

Пока такими извилистыми линиями начертывались судьбы русского вопроса в мировых центрах, на Юге непосредственные взаимоотношения складывались вполне благоприятно. В августе — сентябре английские войска покинули Азербайджан и Грузию, чем устранено было много острых поводов для столкнове-

ний. Оккупационный отряд занимал еще Батум, судьба области оставалась неопределенной, и генерал-губернатор ее Кук-Колис продолжал без изменения ту политику, которая была так характерна для английской оккупации в Закавказье... Английское общество «Левант» захватывало закавказский марганец, и шли какие-то разговоры о проведении транс-Кавказской жел.-дор. линии от Батума через Карс и Персию... Но и миссия и английское военное министерство вносили умеряющее начало в деятельность Кук-Колиса.

Англичане передали Деникину Каспийскую флотилию. Генерал Бриггс, с ведома военного министерства и при некотором противодействии дипломатического ведомства, направившись в Варшаву, также как и член парламента Мак-Киндер, склоняли всемерно польское правительство к совместным наступательным действиям.

Военное снабжение продолжало поступать — правда, в размерах недостаточных для нормального обеспечения белых армий, но все же это был главный, жизненный источник их питания.

Глава британской миссии ген. Хольман и его многочисленный штаб не отделяли совершенно русских интересов от английских. Английское командование допускало участие англичан и в боевых действиях. Так, Черноморская британская эскадра оказывала войскам Деникина серьезную поддержку в операциях на побережье Азовского и Черного моря; английские авиационные отряды вели разведку и бои в рядах деникинской армии.

К концу 1919 г., когда успех Красной Армии не вызывал уже сомнений, союзники окончательно отказались от своих обязательств и обещаний. В начале декабря Ллойд-Джордж сообщил в парламенте, что междусоюзная конференция приняла решение о невмешательстве во внутренние дела России. За этим последовал следующий, еще более тяжелый удар по антибольшевистским силам: Верховный совет по требованию Ллойд-Джорджа снял блокаду с Советской России. Этот шаг предрешал выход союзных держав на путь признания большевиков де-факто и вызвал: ликование в Москве, возмущение и тревогу в Ставке Деникина.

Головной болью для Деникина стали отношения с Польшей. Рядом международных соглашений к середине 1919 г. была установлена основная западная граница Польши. Что же касается восточной границы, то в Варшаве возобладали настроения создать «Великую Польшу» за счет России, включив в нее Курляндию с Балтийским побережьем, Литву, Белоруссию и Волынь.

Правительства Омска и Екатеринодара были совершенно единодушны в основах своей польской политики: сохранение временной границы, намеченной Верховным советом, этнографическое начало как база окончательного разграничения и санкция Всероссийского Учредительного собрания.

Предпринимая наступление в направлении Киева, Деникин имел в виду огромное значение соединения Добровольческой армии с польскими силами, наступающими к линии Днепра. Это соединение выключало бы автоматически весь западный фронт и освобождало бы значительную часть сил Киевской и Новороссийской областей для действий в северном направлении. Наступление польских войск к Днепру отвлекало бы серьезные силы большевиков и обеспечило бы надежно тыл с запада белым армиям, идущим на Москву. Наконец, соединение с поляками открывало железнодорожные пути в западную Европу — к центрам политического влияния и могущества, к источникам материального питания армии.

Прием польской миссии 13 сентября в Таганроге носил характер торжественный и сердечный. Однако расчеты Деникина разгромить Красную Армию и войти в Москву с помощью поляков оказались построенными на песке. Слишком поздно он осознал, что Пилсудский и его правительство руководствовались в русском вопросе одним принципом: «Нужно, чтобы большевики били Деникина, а Деникин бил большевиков».

26 ноября Деникин направил Пилсудскому отчаянное письмо: «Встретив некогда с чувством полного удовлетворения поворот русской политики в сторону признания национальных прав польского народа, я верил, что этот поворот знаменует собою забвение прошлых исторических ошибок и союз двух родственных народов.

Но я ошибался.

В эти тяжкие для России дни Вы, поляки, повторяете наши ошибки едва ли не в большей степени.

Я разумею стремление к занятию русских земель, не оправдываемое стратегической обстановкой; вводимое в них управление, отрицающее русскую государственность и имеющее характер колонизации; тяжелое положение Русской Православной Церкви как в Польше, так и в оккупированных ею русских землях.

Для меня совершенно ясно, что именно *теперь* создаются те основы, на которых будут построены на долгие годы международные отношения. И нынешние ошибки наши будут оплачены в будущем обильной кровью и народным обнищанием на радость врагам Славянства.

Мне нет необходимости доказывать Вам, что непонятная для русского общества политика польского правительства может дать весьма серьезную опору германофильскому течению, которое ранее у нас не имело почвы.

Я нисколько не сомневаюсь, что, если бы когда-либо такое течение возобладало, оно имело бы роковое значение для Польской республики.

Этого допустить нельзя.

Между тем восточная польская армия, успешно наступавшая против большевиков и петлюровцев, в дни, наиболее тяжкие для русских войск, вот уже около трех месяцев прекратила наступление, дав возможность большевикам перебросить на мой фронт до 43 тысяч штыков и сабель. Большевики так уверены в пассивности польского фронта, что на Киевском и Черниговском направлениях они совершенно спокойно наступают тылом к нему.

Правда, вот уже более двух месяцев польская военная миссия выясняет наши взаимоотношения... Но за это время обстановка на нашем фронте становится все более и более тяжелой. При таких условиях, казалось бы, не время спорить о компенсациях. Тем более, что в сознании честных русских людей счастье Родины не может быть приобретаемо ценою ее расчленения.

Станем на реальную почву: падение Вооруженных сил Юга России или даже значительное их ослабление поставят Польшу лицом к лицу с такою силою, которая, никем более не отвлекаемая, угрожает самому бытию Польши и гибелью ее культуры. Всякие заверения большевиков в противном — обман.

Русские армии Юга вынесут новое испытание. Конечная победа наша несомненна. Вопрос лишь о том, как долго будет длиться анархия, какую цену, какую кровью будет куплено освобождение.

Но тогда, встав на ноги, Россия вспомнит, кто был ей другом.

От души желаю, чтобы при этом не порадовались немцы.

Уважающий Вас. А.Деникин»⁷⁴.

Непосредственно с Пилсудским и его правительством имели беседу по русскому вопросу генерал Бриггс и уполномоченный английского правительства, член парламента Мак-Киндер. Пилсудский объяснял отсутствие взаимодействия с русскими противобольшевистскими силами тем обстоятельством, что ему «к сожалению не с кем разговаривать», так как «и Колчак, и Деникин — реакционеры и империалисты».

В этом Пилсудского убеждал в Варшаве его давний друг и соратник по революционной борьбе член ЦИК РСФСР Мархлевский. Он убедил Пилсудского в общности интересов большевиков и поляков перед лицом «опасности», представляемой Добровольческой армией, и добился приостановки польского наступления, чтобы иметь возможность покончить с нею. Это тайное соглашение скрывалось и от ставки Деникина, где находилась польская миссия для фиктивных переговоров и от союзников, которые снабжали Польшу деньгами и военным снаряжением, чтобы укрепить ее антибольшевистский курс.

Только с половины декабря, после падения Киева, северная польская армия генерала Шептицкого начала вновь наступление на Двинск, Режицу и Бобруйск, а армия Волынского фронта генерала Листовского стала занимать Староконстантинов, Проскуров и другие пункты, покидаемые отступавшими Добровольческими войсками генерала Шиллинга.

«ЕСЛИ НЕ ПОЗДНО, НУЖНО МЕНЯТЬ КУРС»

Осенью 1919 г. с особенной остротой встал вопрос о дальнейшем существовании Особого совещания. После признания Деникиным верховной власти адмирала Колчака, вместе с приветственным адресом Особого совещания, председатель его

А.М.Драгомиров вручил свое письмо Деникину, содержащее, по существу, просьбу об отставке. «На Юге, — писал он, — задача... устранить все трения к объединению разрозненных частей России... приобретает чрезвычайное государственное значение, ввиду ярких сепаратистских течений, борьба с которыми до сих пор не привела к успеху... По свойствам моего темперамента и характера... у меня совершенно отсутствуют уменье сглаживать и смягчать отношения; каждый компромисс, без которого никакая политика невозможна, достается мне путем большого насилия над моей натурой и проводится в жизнь без того чистосердечия и искренности, которые в этих случаях столь необходимы...Род занятий всей моей жизни создал из меня генерала, но не политика. Переделать себя я не в состоянии... Я считаю себя неразрывно связанным и с этой великой задачей, которую Вы исполняете, и лично с Вами... Но глубоко убежден, что по своей специальности я могу дать Вам большую помощь, чем на посту, ныне мною занимаемом»⁷⁵.

Вскоре Драгомиров уехал во главе миссии в Париж, для переговоров с Клемансо и, когда в конце августа вернулся, то был назначен на пост командующего войсками и главнокомандующего в Киевской области.

Временным председателем Особого совещания стал А.С.Лукомский, исполнявший эту должность летом, во время отсутствия Драгомирова. Заместителем Председателя был назначен В.Н.Челишев.

По признанию второго председателя Особого совещания, его работой «были недовольны все — и правые и левые». Первым, поднявшим вопрос о реорганизации власти и создании при Деникине законодательного органа, был бывший председатель Государственной думы М.В.Родзянко. Он несколько раз просил Деникина образовать такой орган, в состав которого вошли бы члены четырех Дум и Государственного совета. Деникин это отклонил, полагая, «что они не могут считаться правомочными представителями народа». Отвергнуто было и предложение Лукомского об образовании при Особом совещании законодательного органа из состава членов СГОР, Государственного совета и Государственных дум.

Все эти проекты отвергались в надежде достигнуть соглашения с казачеством и создать «южное объединение» с общим правительством⁷⁶. Но были и другие причины.

Соколов, вспоминая о беседе с Деникиным 30 августа 1919 г., заметил: «Меня поразило то, с каким недоверием, с какой обостренной подозрительностью относился генерал Деникин даже к самым ближайшим своим помощникам. Он по-видимому, был искренне убежден, что его окружают почти сплошь люди, либо непонимающие, либо враждебные, и мне кажется, что ему должно было быть очень тяжело в его политическом одиночестве, смягчаемой лишь постоянной близостью верного Ивана Павловича»⁷⁷. В связи с дерзкими нападениями отрядов Махно на добровольцев, в середине октября члены Совещания решили подготовить фактический материал о причинах повстанческого движения. Сбор и обработка этого материала поручены были Н.И.Астрову, который сделал доклад, охвативший общую картину «бедствий, грехов правительственной системы, гражданского управления и армии».

Картина получилась глубоко безотрадная. «Черные страницы армии», произвол и беззакония гражданской администрации — тема большая и обширная. Но доклад не заключал в себе положительных, конкретных предложений. Эта работа была произведена Н.И.Астровым дополнительно и вылилась в составление записки — «тезисов по вопросу о политическом курсе», подвергнутой затем автором, по предложению председателя Особого совещания, обсуждению совместно с членами Совещания.

Записка Астрова состояла из неравноценных частей. В одной перечислялись цели, лозунги борьбы. В другой — указывалось на необходимость пресечения ряда преступлений армии беспощадными карами.

Наконец, третья часть записки касалась предстоящего изменения курса и смены личного состава центрального органа. Первый вопрос — на кого опираться — был разрешен в такой форме:

«В целях привлечения к делу строительству Государства разных слоев населения, кровно заинтересованных в установлении порядка, власть должна действиями, не расходящимися с ее декларациями и обещаниями, дать населению ясное представление о том, какие цели ставит себе она и какие требования предъявляет к населению. Вместе с тем, власть должна не-

укоснительно принимать решительные меры в области социальных реформ на демократических основаниях. Эти реформы, среди которых на первом месте должна стоять аграрная реформа, должны установить связь власти с разными слоями населения и, по преимуществу, с крестьянством, связанным с землей, со всеми элементами, занятыми производительным трудом в области промышленности и торговли, со служилым элементом, с городским населением, с его мещанством и мелким ремесленничеством. Опора на одну какую-либо часть населения и отбрасывание всего остального населения было бы непоправимой ошибкой, которую использовали бы враги новой власти»⁷⁸.

О составе новой власти Астров писал: «Преобразование Центрального Органа Управления и образование Органа Власти из лиц, связанных единством понимания политических задач и стремлением объединить свою волю с волей носителя высшей национальной власти и способных освободиться от умертвляющей энергию рутины.

Центральный орган должен привести местные органы в полное соответствие с планами и намерениями центральной власти, для чего должны быть пересмотрены все назначения на высшие административные посты, а новые кандидаты на эти должности должны быть проводимы через Особое Совещание (Высший орган)»⁷⁹.

Особое совещание в целом отнеслось скептически к «перемене курса», и записка Астрова долгое время не ставилась на обсуждение. Поэтому, Деникин вызвал членов комиссии для доклада в Таганрог 2-го декабря. На этом докладе все приведенные выше вопросы не только не разъяснились, но были затуманены еще более; каждый из трех членов комиссии придерживался особого мнения. Н.И.Астров, считая, что декларации главного командования в достаточной степени соответствуют требованиям жизни, говорил о необходимости претворить слово в дело, устранить расхождение обещаний с практикой, словом принять «ясный политический курс», не поясняя, однако, кому надлежит приводить его в исполнение? Н.В.Савич говорил о том, что наша политика не удовлетворяет ни одно из течений, борющихся с оружием в руках, и о необходимости опереться на «класс, способный постоять за себя» — опять-таки не определяя, какой именно. Только К.Н.Соколов высказался вполне

определенно: «власть должна опереться на консервативные круги, при условии признания ими факта земельной революции». Это предложение теряло свою ценность, принимая во внимание настроения правых кругов, в глазах которых тогда даже «третий сноп» считался «уступкой домогательствам черни»⁸⁰.

Это означало, что коалиции, на которой базировалось Особое совещаний, пришел конец. Предстоял выбор: либерализм, конвентизм или «левая политика правыми руками» — та политика, которая была испытана впоследствии в Крыму другими лицами, без особого успеха.

«Мои убеждения, — писал Деникин, — не были тайной и всецело соответствовали либерализму... Но осуществление их встречало неодолимые трудности. Если в конце июня, в разгар блестящих побед армий и общего высокого подъема либеральная общественность страшилась взять руль правления, в предвидении “враждебного отхождения других влиятельных общественных сил и противодействия с их стороны”, то теперь позиция их была несравненно сложнее и тяжелее: армии уходили к Дону, теряя одну область за другой, замутилась вся жизнь страны, по которой катились уже людские волны эвакуации — предвестниц катастрофы»⁸¹.

Полоса неудач вызвала сильное недовольство режимом вообще как в армии, так и в окружении диктатора, но особую ненависть вызывало по словам Деникина засилье «левых членов Особого совещания», которых называли «злыми гениями» и «главными виновниками» постигших бедствий. В какой обстановке либеральная общественность сочла для себя бремя власти непосильным и, предлагая известный политический курс, в то же время не давала своих людей, которые могли бы проводить его в жизнь.

Образование либерального правительства было, таким образом, невозможно. Но и другая комбинация — переход власти всецело в руки правых элементов, — был чреват последствиями. Фронт катился на юг, «российская» территория сокращалась до минимума, и стратегическая обстановка, кроме всего прочего, создавала и большую зависимость от казачьих сил, казачьих настроений. Резкий поворот руля вправо там прозвучал бы, как вызов.

Беседа Деникина с членами Особого совещания, не привела ни к каким конкретным результатам. Сознание, «что так дальше жить нельзя» было всеобщим и все разделяли убеждение, что хоть в этот критический момент «надо сломать нашу расхлябанную правительственную машину и создать небольшой однородный и сосредоточенный орган власти»⁸²...

Но Деникин продолжал колебаться. И только в связи с наступлением Красной Армии и предстоящей эвакуацией правительства и отдельным пребыванием ставки и правительства, диктатор отдал 14 декабря приказ о расширении прав начальников управлений и председателя Особого совещания, которому в известных случаях предоставлялось право утверждать постановления Совещания за главнокомандующего. В связи с этим приказом, Особому совещанию дан был «наказ», определявший тот «политический курс», который ставился главным командованием. В нем не было ничего нового.

«В связи в приказом моим сего года № 175 приказываю Особому совещанию принять в основание своей деятельности следующие положения:

1. Единая, Великая, Неделимая Россия. Защита веры. Установление порядка. Восстановление производительных сил страны и народного хозяйства. Поднятие производительности труда.
2. Борьба с большевизмом до конца.
3. Военная диктатура. Всякое давление политических партий отменить, всякое противодействие власти — и справа, с слева — карать.

Вопрос о форме правления — дело будущего. Русский народ создаст верховную власть без давления и без навязывания.

Единение с народом.

Скорейшее соединение с казачеством путем создания Южно-русской власти, отнюдь не растрачивая при этом прав общегосударственной власти.

Привлечение к русской государственности Закавказья.

4. Внешняя политика — только национальная русская.

Невзирая на возникающие иногда колебания в русском вопросе у союзников — идти с ними. Ибо другая комбинация морально недопустима и реально неосуществима.

Славянское единение.

За помощь — ни пяди русской земли.

5. Все силы, средства — для армии, борьбы и победы.

Всемерное обеспечение семейств бойцов.

Органам снабжения выйти, наконец, на путь самостоятельной деятельности, использовав все еще богатые средства страны и не рассчитывая исключительно на помощь извне.

Усилить собственное производство.

Извлечь из состоятельного населения обмундирование и снабжение войск.

Давать армии достаточное количество денежных знаков, преимущественно перед всеми. Одновременно карать беспощадно за “бесплатные реквизиции” и хищение “военной добычи”.

6. Внутренняя политика:

Проявление заботливости о всем населении без различия.

Продолжать разработку аграрного и рабочего закона в духе моей декларации; также и закона о земстве.

Общественным организациям, направленным к развитию народного хозяйства и улучшению экономических условий (кооперативы, профессиональные союзы и проч.) содействовать.

Противогосударственную деятельность некоторых из них пресекать, не останавливаясь перед крайними мерами.

Прессе — сопутствующей помогать, несогласную терпеть, разрушающую — уничтожить.

Никаких классовых привилегий, никакой преимущественной поддержки — административной, финансовой или моральной.

Суровыми мерами за бунт, руководство анархическими течениями, спекуляцию, грабеж, взяточничество, дезертирство и проч. смертные грехи не пугать только, а осуществлять их при посредстве активного вмешательства Управления Юстиции, Главного Военного Прокурора, Управления внутренних дел и Контроля. Смертная казнь — наиболее соответственное наказание.

Ускорить и упростить порядок реабилитации не вполне благополучных по большевизму, петлюровщине и т.д. Если была только ошибка, а к делу годны — снисхождение.

Назначение на службу — исключительно по признакам деловым, отметая изуверов и справа и слева.

Местный служилый элемент, за уклонение от политики центральной власти, за насилия, самоуправство, сведение счетов с населением, равно как и за бездеятельность — не только отрешать, но и карать.

Привлекать местное население к самообороне.

7. Оздоровить фронт и войсковой тыл — работой особо назначенных генералов с большими полномочиями, составом полевого суда и применением крайних репрессий.

Сильно почистить контрразведку и уголовный сыск, влив в них судебный (беженский) элемент.

8. Поднятие рубля, транспорта и производства преимущественно для государственной обороны.

Налоговый пресс, главным образом, для состоятельных, а также для не несущих воинской повинности.

Товарообмен — исключительно за боевое снаряжение и предметы, необходимые для страны.

9. Временная милитаризация водного транспорта, с целью полного использования его для войны, не разрушая, однако, торгово-промышленного аппарата...»⁸³.

Решение Деникина вызвало разочарование у его соратников из партии кадетов. Астров созвал заседание членов ЦК партии кадетов, а группа гражданских членов Особого совещания подписала обращение к Деникину по вопросу о преобразовании правительства. Это был Астров, Бернацкий, Степанов, Фенин, Челищев, Федоров. Эту записку отвезли в Таганрог⁸⁴. В ней говорилось:

«В тяжелую пору новых испытаний, ставших на пути воссоздания нашей Родины, в минуты особенно трудные для Вас, взявшего на себя все великое бремя ответственности, позвольте нам, до конца остающимся преданными Вам и великому делу, которому Вы служите, мнение которых Вы неоднократно выслушивали, по долгу чести и совести сказать Вам, как мы смотрим на сложившееся положение и какой выход вы предполагаем из тяжелых обстоятельств переживаемого времени.

Мы не станем перечислять ошибки и упущения, допущенные военными и гражданскими органами, призванными Вами служить делу борьбы за воссоздание государства и установление элементарного порядка. Ошибки эти многообразны. Главнейшие из них по нашему мнению: допущение развития дурных

нравов в армии и безнаказанность высших попустителей, а также отсутствие организованного, сильного аппарата центральной власти, объединенного в своем составе единым пониманием задач, стоящих перед властью, единством методом действий, и полная изолированность от жизни и населения того органа, который являет собою весьма несовершенный суррогат власти.

Эти недостатки и ошибки были бы сглажены и исправлены успехом и достигнутой целью. Но неудача, как возмездие, требует коренных и глубоких изменений в тех органах и устройствах, с которыми связаны эти ошибки. Общее смущение и тревога на фронте и в тылу требует немедленных решительных и ярких действий.

Опыт всех стран свидетельствует, что в наиболее критические для государства минуты Высшая Власть, несущая перед Страной тяжесть ответственности, распускает правительство и на его место призывает новых людей, более отвечающих новым задачам, ставшим перед страной.

Эти изменения в составе Правительства достигаются не только привлечением новых лиц в его состав, но и освобождением этого состава от прежних руководителей и участников, а в нужных случаях путем изменений в самой конструкции центрального органа власти.

Мысль о необходимости преобразования Особого совещания, состоящего при Вас, возникла давно и едва ли кто стал бы теперь защищать его конструкцию и его состав.

Только не в меру затянувшаяся работа Южно-русской конференции задержала преобразование Особого совещания и остановила давно назревшую реформу. До осуществления этой реформы — в смысле создания Высшего Совета и Совета Начальников Управлений, в виде переходной меры было бы совершенно необходимо распустить Особое Совещание и на его месте образовать Правительство в составе семи лиц, с привлечением в него трех представителей от казачьих войск.

Это Правительство — Совет при Главнокомандующем — должно быть объединено общим пониманием поставленных ему задач и способно к энергичным и решительным действиям. Оно должно дать Вам объявляемую Армии и Населению, тор-

жественную клятву в строгом исполнении принятых на себя обязательств.

Этот орган, представляя собой Походное Управление, должен быть возглавлен лицом, наиболее понимающим Ваши идеи и близким Вам по духу и воззрениям.

Семь лиц, входящих в состав Правительства, должны сосредоточить в своих руках портфели министров: Военного, Финансов, Внутренних дел, Торговли и Промышленности, Юстиции, Путей Сообщения и Снабжения. Если бы портфель министра внутренних дел можно было вручить председателю Совета, то состав членов можно было бы сократить до шести.

Подготовительная работа по законодательству временно, до образования Высшего Совета могла бы производиться в Совещании по законодательным предположениям, члены коего назначаются Главнокомандующим...

Создавая новое Правительство в минуты опасности и тревоги, Вы снова поднимете бодрость в Армии и населения, снова окрылите надежды, ибо вместо непопулярного Особого Совещания около Вас будет новый орган, которому будут поставлены новые ясные задачи.

Тогда можно будет начать решительную борьбу с пороками, разлагающими Армию и тыл. Тогда можно будет противопоставить новую организационную Власть развивающимся опасным течениям в Армии и тылу. Тогда можно будет привлечь соседние государственные образования к борьбе за воссоздание Русского государства. Пусть этот орган возьмет на себя часть ноши, которую Вы несете, и примет на себя удары, направленные со стороны тех, кто ставит себе иные, чем Вы, цели и задачи.

Громоздкое и неспособное действовать Особое Совещание исполнило свое назначение и пережило себя. Ни Вам, ни делу оно больше не может быть полезно.

Подписали: Н.Астров, М.Бернацкий, В.Степанов, Челишев, В.Юрченко, Мих.Федоров»⁸⁵.

В тот же день Деникин получит доклад председателя Особого совещания, Лукомского, в котором он фактически дезавуировал все предложения «левой» части правительства о реорганизации власти. По его мнению, не время сейчас менять политику и создавать всю ту постройку, которую наметили кадеты.

Новые сокрушительные поражения деникинских армий, вынуждал искать выхода в изменении политики соратников Деникина как в Ростове, так и в Париже. 13 декабря член русской политической делегации Б.Савинков предложил Деникину свой рецепт спасения белого дела. «С большой надеждою и с большой тревогою, — писал он, — следил я в течение года моего пребывания за границей за успехами Вашей Армии и за деятельностью Вашего Правительства. Я преклонялся перед величием подвигов Ваших и я был смущен безрезультатностью их».

Чем объяснить, что беспремерная по своей доблести Добровольческая Армия, руководимая бесстрашным и опытным вождем, не победила до сих пор армии большевистской? Отвечая на этот вопрос, он продолжал: «Вы слишком далеки от Европы, Вы не можете знать и видеть, что делается здесь, а между тем без помощи Союзников победить большевиков невозможно»⁸⁶.

По мнению Савинкова, сила большевиков — не в мощи их армии, а в слабости тех, кто борется с ними. «Почти все еврейство с большевиками. Почти все социалисты Европы с большевиками. Почти вся народная масса в Англии, во Франции, в Италии, в Бельгии, даже в Сербии, темная и смущаемая большевистскою пропагандою, колеблется и не знает, с кем ей быть — с Лениным или с Вами?».

Эти массы «признают Вас другом, если Правительство Ваше будет определенно демократично и не на словах лишь, но и на деле». Демократическим флагом и демократической программой можно выиграть сочувствие народных масс всей Европы.

По его убеждению, Союзные Правительства считаясь с общественным мнением своих стран (а не считаться с ним они не могут), не в силах помочь так, как они этого бы желали и как это необходимо Деникину. Они не могут дать ему достаточно оружия, достаточно денег, достаточно товаров, ибо если бы они их дали, они вынуждены были бы выйти в отставку и их заменили бы полу-большевики. «Даже Черчилль, испытанный друг России и Ваш, быть может, единственный человек, понявший, что помогать России выгоднее всего бескорыстно, не может делать больше того, что он делает, ибо иначе завтра он не будет у власти»⁸⁷.

Демократическому правительству, «возглавленному Вами, — продолжал Савинков, — союзники готовы и могут много по-

мочь». Правительству, подозреваемому в так называемой реакционности, «даже и возглавленному Вами», они помочь много не могут, даже если того и пожелают. «А без их непрекращающейся, планомерной помощи победить большевиков, повторяю, возможности нет».

Чтобы добиться победы и взять Москву, необходимо принять решения «важности государственной».

Единственный путь к победе над большевиками, по убеждению Савинкова, лежит через соглашение с отделившимся от России народами. Путь этот тернист вначале, но в случае успеха обещает разрешение «всех труднейших наших вопросов». Он докажет союзникам искренность ваших заявлений и позволит, победив большевиков, «заняться мирным государственным строительством без внутренних раздоров».

В основу соглашения Савинков предлагал положить принцип автономии, который соответствовал взглядам как Верховного Правителя, так и союзников.

Отношения с Польшей. С ней есть общие цели: борьба с большевизмом и защита от захвата Германией. Есть и разногласия: Восточная Галиция, Литва и Белоруссия, отношения с Румынией (с последней мы еще долго будем спорить из-за Бессарабии), для Польши же соглашение с Румынией желательно, чтобы иметь выход к южному морю. Разногласия можно разрешить и могут быть разрешены взаимными уступками; сложнее других вопрос о Литве и Белоруссии, здесь нам лучше уступить за счет первой (плебисцит), так как в Белоруссии сепаратизма почти нет, и сохранение ее необходимо в силу принципа единства России. К весне будущего года нам придется воевать либо против Польши, либо в союзе с ней: «если мы будем с Польшей воевать, то она поддержит литовских и украинских сепаратистов (последних ценою уступок в Восточной Галиции) и получит помощь от нашего естественного врага — Румынии; если согласимся, то это соглашение почти автоматически вызовет соглашение с Финляндией, даст нам армию в 300 тысяч и сделает невозможным осуществление или дальнейшее существование Балтийского Блока, т.е. отторжение от нас Латвии, Эстонии, без которых мы не можем существовать».

Балтийский Блок. Если бы Латвия и Литва могли рассчитывать на широкую автономию в свободной, демократической

России, то несомненно бы на нее согласились, хотя бы из экономических соображений. Что касается Эстонии, то она в вопросе о независимости непримирима, но без поддержки других спорить с нами, разумеется, не сможет.

Украина. В деле борьбы с большевиками, как показал опыт осенью 1919 года, нам надо опираться на украинские территории и население, почему дальнейшая политика непримиримости по отношению к Украине невозможна. Между нами и малороссами так мало, в сущности, разницы, что украинская автономия окажется в конце концов не чем иным, как широким местным самоуправлением.

Кавказ. Значение его для нас ясно, оно особенно велико, пока длится борьба с большевиками, и Добровольческой Армии необходимо обеспечить тыл. У нас на Кавказе еще имеются верные друзья среди армян, каковыми, однако, мы воспользоваться не сумели, и которых мы поэтому постепенно теряем. Партия независимости и здесь приобретает все больше сторонников, по тем же принципам, что и на Северо-Западе. Следует войти с Арменией (которую поддерживает Америка) в переговоры и войти с ней в соглашение, обещая широкую автономию; соглашение с Арменией поведет к соглашению с Азербайджаном, Грузия же, играющая ту же роль, что и Эстония на Севере, не сможет, как и последняя, противиться нам одна.

Поражения и неудачи в борьбе с большевиками требуют использования зимних месяцев для того, чтобы обеспечить себе поддержку новых национально-государственных образований в решительной борьбе 1920 года, и в восстановлении единой и великой России. Не теряя времени, следует вступить с ними в переговоры и вести их одновременно как на местах, так и в Париже. Переговоры надо расчленить: 1) на местах, переговоры о пределах и особенностях каждой отдельной автономии; 2) в Париже, дипломатическое использование достигнутых на месте результатов и переговоры с Союзниками. Российским представителям должна быть предоставлена в этом направлении широкая инициатива.

Практически, следует начать со следующего: 1) вступить в переговоры с Польшей о союзе, что облегчается назначением на пост Польского Министра Иностранных дел известного руссофила г. Патек, и признать независимость Финляндии. То и

другое облегчит переговоры с балтийскими народами и Украиной; 2) признав принцип автономии народностей, заявить о том, что мы согласны его вводить, не дожидаясь Учредительного Собрания.

«Принятие этих мер даст нам немедленно, как было уже указано, крупную военную помощь, оно вернет нам симпатии и доверие Союзников без их же снабжения, мы не можем победить большевиков, а без их финансового содействия, помочь России оправиться от перенесенных потрясений»⁸⁸.

Получив эти взаимоисключающих друг друга предложения, Деникин принял соломоново решение: провести реорганизацию, не меняя ничего — ни политического курса, ни основного состава правительства.

Приказом Деникина от 16 декабря Особое совещание упразднилось, а вместо него было образовано правительство из шести ведомств: военно-морского, внутренних дел, финансов, сообщений, снабжений, торговли и промышленности, юстиции. Начальник управления иностранных дел и главный контролер подчинялись непосредственно главнокомандующему. Главы остальных ведомств остались на своих местах, а не получившие портфелей члены упраздненного Особого совещания, кроме Соколова, вошли в состав нового «Совещания по законодательным предположениям» при правительстве.

В таком виде новое правительство во главе с Лукомским по существу старое, эвакуировалось из Ростова в Новороссийск.

По признанию Деникина он вынужден был пойти на такую «реорганизацию», потому что убедился в невозможности опереться на либералов-кадетов, и не хотел передать власть всецело в руки правых. По существу он оказался в политическом тупике⁸⁹.

А 27 декабря Деникин отправил в отставку Лукомского, имя которого было ненавистно в казачьих кругах и назначил председателем правительства донского атамана генерала Богаевского. Он рассчитывал таким маневром усилить свои позиции на открывшемся 5 января в Екатеринодаре «Верховном казачьем круге», который собирался провозгласить независимое союзное государство в составе Дона, Кубани и Терека, но вместо этого, диктатор, по словам Соколова, оказался в политической изоля-

ции. Оторвавшись от своих сотрудников ростовского периода и ориентируясь на казачество, он не стал для них своим⁹⁰.

Когда идея самостоятельного казачьего государства и самостоятельной казачьей армии под влиянием кубанских самостоятников стала брать верх на Круге, Деникин выступил 16 января перед депутатами. Он заклеил преступную пропаганду против главного командования и нездоровую екатеринодарскую атмосферу, Деникин твердо сформулировал свою схему соглашения. Он возражал против усиления полноты власти Главнокомандующего и предлагал образование законсовещательной палаты и назначение правительства из «честных» людей, не принадлежащих к крайним воззрениям с включением в него казачьих представителей. Главнокомандующий с полной откровенностью предупредил Круг, что в случае создания чисто казачьего государства с собственной вооруженной силой, он уйдет вместе с добровольцами и нарисовал отчетливую картину неизбежного затем крушения фронта. В заключение Деникин подтвердил свою приверженность «непредрешения» и заявил, что если борьба будет вестись за ту или иную форму правления, то он в ней участия не примет⁹¹.

Завязались переговоры об основах новой организации власти, которые могли завершиться только ценой отказа Деникина от главного пункта программы — от диктатуры. Через день Деникин согласился на образование законодательной палаты и на ответственное министерство. Позиция диктатуры была сдана, и после этого шел уже простой торг о деталях, не имевших принципиального характера. Переговоры тянулись еще дней десять. Деникин требовал, чтобы министры: военно-морской, путей сообщения и продовольствия были признаны не ответственными перед палатой, а казаки требовали ответственности министерства в целом его составе. В результате сошлись на компромиссном варианте: независимым от парламента был объявлен только военно-морской министр.

Деникин возражал против того, чтобы законодательные функции до созыва представителей палаты осуществлял чисто казачий Круг. Было решено, созвать некий «предпарламент» из представителей казачьих земель и областей, подчиненных Главнокомандующему. Зато по вопросу о вето победила казачья точка зрения и за Деникиным осталось только право относительного

вето. Он еще раз уступил и 22 января Верховный Круг санкционировал почти единогласно приемлемую для обеих сторон схему организации власти. От диктатуры не осталось и следа⁹².

В течение всего 1919 г. велись переговоры с представителями казачества о создании единого правительства, но безуспешно. В январе 1920 г., когда разразилась военная катастрофа, Деникин, надеясь спасти положение и устранить все трения с казачеством, круто повернул руль и отказался от принципа диктатуры. По соглашению 23 января Деникин был признан первым главою южно-русской власти. Сохраняя в области военной всю полноту командной власти, Деникин в области гражданской ставился в положение «парламентарного монарха, или президента»⁹³.

Соглашение между Верховным кругом и главным командованием было реализовано 23 января, когда генерал Богаевский сложил свои полномочия и Деникин поручил сформировать правительство представителю Донского правительства Н.М.Мельникову. Только 21-22 февраля в Новороссийске новые министры приняли дела от начальников управлений «старого режима».

Период безвластия продолжался два месяца — два месяца интриг, борьбы честолюбий, игры в парламентские бирюльки, два месяца последней, героической страды на фронте добровольцев и донцов.

К моменту вступления во власть нового правительства ничего для организации управления на новых началах сделано не было, не было разграничения полномочий между южно-русской властью и краевыми правительствами. Кубанцы заявили, что пока этого не будет, они не допустят деятельности новой власти на своей территории⁹⁴.

Правительство Мельникова, прозванное кадетами в шутку «министерством местных талантов», почти целиком состояло из местных деятелей, казаков и не казаков, исключение составляли министр иностранных дел генерал от кавалерии Н.Н.Баратов, министр финансов М.В.Бернацкий и министр без портфеля Н.В.Чайковский, прибывший из Парижа⁹⁵.

Новое правительство стремилось резко отмежеваться от режима Особого совещания, не допускать никаких «теней прошлого». А тени прошлого наблюдали за всем этим с «лояльным скептицизмом». «Для нас, — вспоминал Соколов, — было ясно,

что только на бумаге так гладко и просто удавалась «парламентаризация» гражданской власти Главнокомандующего. Практически же представлялось совершенно фантастическим это сочетание полноты высшей командной власти с узко ограниченными прерогативами главы парламентарного государства. За краткостью времени эта беспримерная политическая система испытана не была...»⁹⁶.

Непрерывные уступки казачеству были действиями человека, которому перестали верить соратники и союзники, и который на все махнул рукой. Это была и личная трагедия Деникина, и всего антибольшевистского движения. Далее катастрофа, эвакуация Новороссийска, приказ 22 марта 1920 г. о назначении Врангеля и агония армии в Крыму.

Цельный период жизни противобольшевистского Юга отошел в прошлое. Следует отметить одно явление, общее для всех поднявшихся против советского режима частей Российского государства — общее для Севера, Востока, Юга и Запада.

Первые же шаги насаждения государственного строя на обломках прежнего, поросших большевизмом, различаясь внешними формами, большей или меньшей радикальностью содержания, худшей или лучшей организацией — имели везде одну, главную черту. Они направляли народную жизнь в старое русло.

Одни — в нетронутое, затянутое тиной, другие — в расчищенное, но все же прежнее. В расчете на то, что над страной пронеслась только буря, опрокинувшая, изломавшая реальные ценности, накопленные веками, трудом и разумом поколений, а не наступил глубокий процесс, переродивший духовную природу и психологию нации...

Двадцать семь лет своего пребывания за границей Деникин жил верой, что положение в России изменится и он вернется на Родину. Оставаясь противником советской власти, Деникин боролся и против «пораженчества», когда часть эмигрантов допускала чужеземное нашествие, лишь бы свергнуть большевиков. Убедившись на собственном опыте, что рыцарские отношения в области международной политики отсутствуют, он предостерегал в своих выступлениях от излишней доверчивости к «новым союзникам», от повторения ошибок, которые совершило его правительство.

Наиболее ярким примером его выступление на эту тему был доклад «Мировые события и русский вопрос», сделанный в декабре 1938 г. Определяя роль русской эмиграции в неизбежной войне между Германией и СССР, он призывал не «наниматься и не продаваться» национал-социалистам. Расчет на то, что опираясь на немецкую силу, можно будет потом повернуть штыки, Деникин называл слишком наивным. «Не повернете вы ваших штыков, ибо, использовав вас в качестве боевой силы, переводчиков, тюремщиков, этот партнер в свое время обезвредит вас, обезоружит, если не сгноит в концентрационных лагерях. И прольете вы не «чекистскую», а просто русскую кровь — свою и своих напрасно, не для освобождения России, а для вящего ее закабаления»⁹⁷. Этот прогноз подтвердила судьба Краснова, его казачьих отрядов, армии генерала Власова. Но в главном своем прогнозе Деникин ошибся. Он считал, что Красная Армия под ударами немцев развалится и повторится второе издание Гражданской войны, развернется противобольшевистская борьба и эмиграция будет в рядах борцов с большевизмом. Во время войны он переместил задачи: «свержение советской власти и защита России» на «защита России и свержение большевизма». Эмигрантская программа Деникина фактически повторяла лозунги белого движения⁹⁸.

Не ожидал он и соглашения между Сталиным и Гитлером. Другой неожиданностью явилась военная катастрофа Франции в 1940 г. Оказавшись на оккупированной территории, Деникин, рискуя жизнью и благополучием своей семьи, решительно отказался от сотрудничества с фашистами, искренне радовался победам Красной Армии над гитлеровцами.

Вернувшись в Париж, Деникин столкнулся с происшедшими изменениями в эмигрантских кругах, часть эмигрантов пошла на сближение с советской властью. Даже среди близких людей, соратников по Добровольческой армии, он почувствовал отчуждение. Просоветские настроения в правящих кругах Франции также подталкивали к переезду в США. 9 декабря 1945 г., через два дня после приезда в Нью-Йорк, газета «Новое русское слово» напечатала текст беседы с Деникиным. На вопрос, чем вызван отъезд из Франции, он ответил, что там стало душно, что русские газеты выходят под «прямым или косвен-

ным советским контролем» и что, следовательно, ему закрыта возможность высказывать свои взгляды в печати⁹⁹.

В США он продолжал литературную работу над книгой «Путь русского офицера», которая в неоконченном виде вышла после его смерти. Он был погребен на кладбище Детройта с воинскими почестями, отданными бывшему Главнокомандующему одной из союзных армий первой мировой войны.

- ¹ Лехович Д. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992. С. 4.
- ² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. I. Вып. I. Крушение власти и армии, февраль-сентябрь 1917. Париж, 1921; Т. I. Вып. 2. Крушение власти и армии, февраль-сентябрь 1917. Париж, [1921]; Т. 2. Борьба генерала Корнилова август 1917-апрель 1918 г. Париж, 1922; Т. 3. Белое движение и борьба добровольческой армии, май-октябрь 1918 года. Берлин, 1925; Т. 5. Вооруженные силы Юга России. Берлин, 1926.
- ³ Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999. С. 94.
- ⁴ Там же. С. 95.
- ⁵ Суворин Б. За родиной. Париж, 1922. С. 23.
- ⁶ Лукомский А. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. I. С. 280.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 5829. Оп. I. Д. 7. Л. 22.
- ⁸ Там же. С. 22-23.
- ⁹ Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 217.
- ¹⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т. 3. С. 130.
- ¹¹ Там же. Т. 2. С. 199.
- ¹² Кин Д. Деникинщина. Л., 1926. С. 9.
- ¹³ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 3. С. 130.
- ¹⁴ Кускова Е. Обломок прошлого // Свободная Россия. (Берлин). № 5. С. 294.
- ¹⁵ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 189.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Суворин Б. Указ. соч. С. 25.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 5829. Оп. I. Д. 7. Л. 24-25.
- ¹⁹ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 190-191.
- ²⁰ Суворин Б. Указ. соч. С. 23.
- ²¹ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 194.
- ²² Борьба за власть Советов на Дону. 1917-192. Сб. док. Ростов-на-Дону, 1957. С. 241-242.
- ²³ Соколов К.Н. Правление генерала Деникина: из воспоминаний. София, 1921. С. 47.

- ²⁴ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 3. С. 133.
- ²⁵ Соколов К.Н. Указ. соч. С. 30.
- ²⁶ Там же. С. 30-31.
- ²⁷ Там же. С. 32.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 5829. Оп. I. Д. 7. Л. 25-26.
- ²⁹ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 3. С. 133.
- ³⁰ Соколов К.Н. Указ. соч. С. 40-41.
- ³¹ Там же. С. 40-41.
- ³² Деникин А.И. Указ. соч. Т. 3. С. 259.
- ³³ Там же.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 116. Л. 4 об.
- ³⁵ Там же. Ф. 5829. Оп. I. Д. 7. Л. 28.
- ³⁶ Астров Н. Ясское совещание // Голос минувшего на чужой стороне. № 3. 1926.
- ³⁷ Кин Д. Деникинщина. С. 35.
- ³⁸ Россия антибольшевистская... С. 258-260.
- ³⁹ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 4. С. 206, 207.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 5829. Оп. I. Д. 7. Л. 24-26.
- ⁴¹ Соколов К.Н. Указ. соч. С. 46.
- ⁴² ГАРФ. Ф. 5913. Оп. I. Д. 165. Л. 79 об., 80.
- ⁴³ Там же. Ф. 446. Оп. 2. Д. 116. Л. 10 об.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 5829. Оп. I. Д. 7. Л. 24.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 5913. Оп. I. Д. 101. Л. 75-76.
- ⁴⁶ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 138-139.
- ⁴⁷ Там же. С. 142-143.
- ⁴⁸ Там же. С. 146.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф. 5913. Оп. I. Д. 101. Л. 197.
- ⁵⁰ Там же. Л. 174.
- ⁵¹ Там же. Л. 88.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. Л. 173.
- ⁵⁴ Там же. Л. 101-102.
- ⁵⁵ Покровский Г. Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани. Берлин, 1923. С. 174-175.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф. 5913. Оп. I. Д. 101. Л. 89.
- ⁵⁷ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 49, 49 об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 49 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 36, 36 об., 40.
- ⁶⁰ Там же. Оп. I. Д. 101. Л. 178.
- ⁶¹ Там же. Ф. 439. Оп. I. Д. 92. Л. 90, 90 об.
- ⁶² Там же. Л. 90 об.
- ⁶³ Там же. Л. 183.

- 64 Там же. Ф. 5913. Оп. I. Д. 191. Л. 184.
65 *Июффе Г.З.* Указ. соч. С. 238.
66 *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 167.
67 *Лукомский А.С.* Воспоминания. Т. 2. С. 154.
68 *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 168-169.
69 *Соколов К.Н.* Указ. соч. С. 150-151.
70 *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 169.
71 Там же. С. 171.
72 Там же.
73 Там же.
74 Там же. С. 178-179.
75 Там же. С. 276.
76 *Лукомский А.С.* Указ. соч. Ч. II. С. 178, 179, 180.
77 *Соколов К.Н.* Указ. соч. С. 168.
78 ГАРФ. Ф. 5913. Оп. I. Д. 92. Л. 10.
79 Там же. Л. 12.
80 *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 278.
81 Там же.
82 *Соколов К.Н.* Указ. соч. С. 228.
83 *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 280-281.
84 *Соколов К.Н.* Указ. соч. С. 232-233.
85 *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 283-284.
86 Россия антибольшевистская... С. 347.
87 Там же. С. 348.
88 Там же. С. 349-354.
89 *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 287.
90 *Соколов К.Н.* Указ. соч. С. 240.
91 *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 245-246.
92 *Соколов К.Н.* Указ. соч. С. 246-247.
93 Там же. С. 247.
94 Там же. С. 248.
95 Там же. С. 249.
96 Там же. С. 247-250.
97 *Лехович Д.* Указ. соч. С. 320.
98 Там же. С. 321.
99 Там же. С. 352-353.

Глава четвертая.

РУССКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

В начале января 1919 г. в Париже начало функционировать русское представительство, говорящее от имени России, хотя и не признанное союзниками. Ядро этого фактического всероссийского правительства в эмиграции составили послы бывшего Временного правительства Керенского: посол во Франции — Маклаков, посол в Вашингтоне — Бахметев, посол в Риме — Гирс, посол в Мадриде — Стахович, посол в Берне — Ефремов, посол в Лондоне — Набоков, посол в Стокгольме — Гулькевич, бывший посол во Франции — Извольский. Это было Русское политическое совещание, которое возглавил бывший премьер-министр России князь Г.Е.Львов.

Князь только что прибыл в Париж, совершив кругосветное путешествие: Омск-Владивосток-Токио-Иокогама-Сан-Франциско-Вашингтон-Лондон-Париж, которое продолжалось с конца сентября до 23 декабря 1918 г. Отказавшись от политической деятельности после ухода в отставку с поста премьер-министра России, он после Октябрьской революции не мог оставаться в стороне от антибольшевистской борьбы. Основные вопросы мировой политики в то время решались Вильсоном, Ллойд-Джорджем и Клемансо — негласными диктаторами мира, собравшимися на Парижскую мирную конференцию. Отсутствие там России развязывало им руки и позволяло утверждать решения, не принимая ее в расчет. Для антибольшевистской России выдвигались вопросы исключительной важности: продолжение

и развитие помощи союзников русским антибольшевистским правительствам, объединение их и признание одного из них всероссийским, полноправное участие России в мирной конференции. Предстояло затем наладить правильное взаимодействие с существующим русским правительствами и получить от них соответствующие полномочия.

История образования и деятельности Политического совещания практически до сих пор не изучена, хотя оно сыграло заметную роль в объединении антибольшевистских правительств в России и организации им помощи со стороны союзников. Хранящиеся в ГАРФ документы Г.Е.Львова, Б.В.Савинкова, Н.В.Чайковского, В.А.Маклакова позволяют восполнить существующий пробел в исторической литературе.

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК: ОМСК-ЕКАТЕРИНОДАР-ПАРИЖ

Отправляясь в кругосветное путешествие, князь Львов особые надежды возлагал на помощь президента Соединенных Штатов — Вудро Вильсона. Об этом красноречиво свидетельствует его письмо от 12 октября, написанное в Японии и адресованное очень влиятельному сенатору Крэнну, с которым он встречался в Петрограде, будучи премьер-министром. Сенатор выполнял тогда личное поручение президента: ознакомиться с происшедшими событиями в России и доложить ему. В письме Львов дает восторженную оценку роли Америки и президента Вильсона в послевоенном устройстве мира и развитии демократии во всех странах. «Величайшее счастье для человечества, — писал князь, — что в Америке нашелся человек, сумевший взять в руки не палку, как то было бы соответственным старым формам жизни, а камертон, по которому строятся духовные струны народов и который вызвал такой чудный хор лучших и чистых нот Американского народа. Величайшее счастье Америки, что в такой момент ее президент сумел объединить и поднять на такую моральную высоту. Переживаемая всемирная драма, несомненно, приведет к новой эре духовного

совершенствования людей и они заживут одной дружной семьей»¹.

Однако, пока князь пересекал Тихий океан на голландском пароходе, много воды утекло и политическое положение в мире сильно изменилось.

Германия проиграла войну, наступило перемирие, союзники готовились к конференции. Восточный (русский) фронт потерял свое прежнее значение. При таких условиях поднять союзников на непопулярную в Америке интервенцию, не оставалось никакой надежды... Но об отступлении без боя для князя, конечно, не могло быть речи. К тому же он верил в идеализм Вильсона и безусловно надеялся путем личного сближения повлиять на него.

Встреча с Вильсоном была назначена на 21 ноября. В оставшееся время князь написал письмо президенту, в котором просил о расширении интервенции. Русский демократ требовал от «вождя всемирной демократии» братской помощи во время болезни и кризиса союзницы. Автор письма исповедывал веру в пришествие новых форм жизни народов дружную семью после подавления бронированного кулака Германии. Он верил и в участие своей родины, после выздоровления, в этой светлой жизни будущего. «Но процесс образования новой жизни, — писал князь Львов, — проходит в неизбежной борьбе освобождающейся демократии не только со старыми отжившими формами жизни, но и с фанатизмом новых химерических идей, которые не менее разрушительны, чем старые препятствия ее развития». Он считал себя призванным «определить границу истинной правды народной между старой и новой тиранией». Россия опасно больна. Без вмешательства друзей со стороны она не поправится, а между тем благородная помощь чехословаков показала, с какими незначительными силами можно восстановить в России государственность. Кроме интервенции, князь Львов говорит в своем письме об участии России в мирной конференции. Он утверждает, что «национальная совесть торжествующих не может быть спокойна, пока не будут найдены способы привлечения России к общему торжеству и способы международного обсуждения с ее участием, будущей ее жизни в предстоящей общей работе духовного развития человечества»².

Беседа Львова и Вильсона в Белом доме продолжалась каких-нибудь 15-20 минут. Она велась через переводчика, который записал ее. Когда Львов упомянул о шестом пункте вильсоновских условий мира, президент спросил:

«... — Каковы практические пути для его осуществления?»

— Я полагаю, — отвечал князь, — перед нами четыре существенных, неотложных задачи: во-первых, приближается момент, когда судьбы всех наций мира будут разрешаться на конгрессе, на нем должны быть представлены и интересы России; во-вторых, необходимо подумать о судьбе 1.500.000 русских военнопленных, у которых нет защитников; в-третьих, надвигается опасность голода; хлеб есть только в Америке и России; урожайные районы последней могли бы прокормить не только те местности страны, на которые надвигается голод, но и значительную часть Европы; для этого, однако, необходима борьба о анархией, то есть, в-четвертых, требуется активная, энергичная помощь России извне, со стороны союзников.

— Вопрос о представительстве русских интересов, — заметил Вильсон, — весьма важен, но нельзя скрывать, что он представляет большие трудности. Как конструировать всероссийское представительство при различии интересов отдельных частей бывшей империи? К тому же центр России — в руках большевиков. Но во всяком случае русский голос должен быть услышан... Вопрос о русском представительстве будет мною поставлен первым при начале конференции. Но мой ум остается открытым: я не знаю, как, каким путем и в каком виде сложится это представительство. — Вы говорили об урожае... Но крестьяне, конечно, будут противиться всякой реквизиции?

— Для того чтобы овладеть хлебом, нужно прежде всего подавить анархию и победить большевизм. Он не имеет уже моральных корней в народе, но большевики захватили оружие, деньги и держатся силою. Союзники должны напрячь свои силы, чтобы нанести сокрушительный удар большевикам.

— Мы ревностно стараемся помочь России. наших войск было в Сибири 6000 человек, теперь прибыло туда еще 6000. Но мы не хотим вмешиваться во внутренние дела России. Мы опасаемся, чтобы наше вооруженное вмешательство не было встречено в России, как недружелюбный акт.

— К сожалению, эта истинная помощь России оказывается в недостаточных размерах. Американские войска встречены в Сибири о особенным доверием, радостью и надеждами...

— Мы ревностно делаем все, что можем, но нам трудно делать больше. переброска войск в Сибирь затруднительна. Весь тоннаж, которым мы располагаем, занят войсками, возвращающимися на родину.

— Большевизм представляет общую опасность и решительный удар ему должен быть нанесен соединенною помощью союзников.

— Я хотел бы иметь больше времени для беседы о Вами. Если бы я знал, что Вы коснетесь стольких важных вопросов, я бы к ним подготовился и иначе распределил свое время...

— Не назначите ли Вы мне время для продолжения беседы?

— К сожалению, не могу. Я очень занят до отъезда во Францию, где пробуду около 6 недель. Позвольте Вас приветствовать от имени Соединенных Штатов.

Львов не смог убедить Вильсона, что именно он, бывший глава несуществующего Временного правительства, действительно понимает и выражает волю русского народа. Вильсон уклонился от разговоров по существу и не связал себя никакими обещаниями. Все свелось к протокольному визиту. Для этого не стоило совершать кругосветное путешествие!

В министерстве финансов и иностранных дел князь пытался решить вопрос о помощи (денежной и снаряжением) Омскому правительству, хотя бы за счет открытых когда-то России кредитов, но как разъяснили князю, помощь эта, к сожалению, совершенно невозможна в данное время, так как в России нет признанного Америкой правительства. Кто может подписать от имени русского народа долговые обязательства? К тому же кредиты были отпущены конгрессом на помощь России во время войны, которая окончена и теперь необходимо новое, специальное постановление конгресса для использования оставшихся кредитов на помощь России. Признать же Омское правительство всероссийским у Соединенных Штатов пока нет оснований: оно не доказало еще своей силы и прочности...

Пока высокопоставленные чиновники вели любезные разговоры и уклонялись от конкретных обещаний помощи, американское общество чествовало князя Львова торжественными

банкетами: президент Колумбийского университета Бетлер собрал для этого иностранных послов, американских ученых, знаменитых адвокатов и журналистов. Произносились торжественные речи в честь России, ее культуры, в честь русского народа... Сенатор Рут, миллиардер-промышленник Мак-Кормик и многие другие влиятельные представители американского общества говорили сочувственные России речи»⁴.

Подводя итоги своего пребывания в Америке, Львов телеграфировал в Омск 28 ноября: «Выяснилось, что до большевистского переворота России открыт основной кредит в 450 миллионов долларов и добавочный — на железнодорожное снабжение — 150 миллионов. Использовано всего около 200 миллионов. Остальные суммы не отпущены в виду большевистского переворота. Посольство и его финансовые заготовительные отделы вынуждены были приступить к ликвидации заказов, сделанных соответственно обещаниям Америки и отпущенным средствам. Ликвидация почти закончена. В счет имущества, полученного от ликвидации, выслано чехам сто тысяч винтовок, сто пулеметов, 22 полевых орудия, 4-1/2 миллиона ружейных патронов, 150 тысяч башмаков, 611 кип подошвенной кожи. Высылается вам: сто тысяч винтовок; 200 тысяч башмаков; железнодорожное снаряжение; на 3 1/2 миллиарда напечатанных здесь кредитных билетов. Дальнейшие заказы иди закупки снаряжения, также ассигнования сумм в распоряжение всероссийского правительства связаны с вопросом признания его союзниками. Для преодоления возникающих отсюда затруднений пытаемся вместе с посольством сделать здесь все возможное. Выясняется однако, что решение центральных вопросов, касающихся России, переносится в Европу с отъездом на конференцию наиболее влиятельных членов здешнего правительства. Здесь складывается благоприятное отношение к участию России в мирной конференции в тех или иных формах. Выдвигалась между прочим неофициально и моя кандидатура. Однако, связанные с представительством России вопросы остаются пока открытыми. Соответственно обстоятельствам считаю необходимым перенести свою работу на пользу России в Европу, где возможно разрешить и многие вопросы снабжения. Выезжаю в скором времени в Лондон»⁵.

Но как добиться участия России на мирной конференции? По словам Т.И.Полнера, секретаря Львова, он прекрасно сознавал, что говорить от имени России, представлять ее интересы — ни полномочий, ни прав не имел. Правда, «полномочных» в этом смысле людей — вообще в то время не существовало и не могло быть. Князь Львов был убежден, что ему «понятней известные народные чаяния». Но мало верить в такие вещи самому, надо убедить в этом других⁶.

Князь колебался недолго. 2 декабря он получил от правительства Колчака телеграмму с просьбой ехать в Париж и обсудить там о русском посольством возможность участия в конференции представителей России.

В Лондоне Львов пробыл неделю — с 14 по 21 декабря. Ллойд-Джордж уехал уже на конференцию, а переговоры со второстепенными чиновниками вызывали лишь разочарование. Везде он говорил о несогласованности и недостаточности союзнической помощи, о грядущих опасностях для прочного мира германо-большевизма, о невозможности для союзников — по моральным и практическим соображениям — решать на конференции судьбы России без участия ее полномочных представителей... Но его отсылали с этими вопросами в Париж — к самой мирной конференции.

Перед отъездом Львов присутствовал на завтраке, данном русской колонией Лондона в честь двух бывших премьеров — графа Коковцова и князя Львова. Говорили речи, в которых резко критиковали английское правительство за его отношение к России. Но особенно запомнилось всем выступление давнего друга России профессора Перса.

«Вы много бранили здесь английское правительство, — сказал он, — и мне не очень обидно было это слышать. Мы сами любим покритиковать и побранить его при случае. Утешаем себя тем, что, прогони мы одних дураков, — придут другие, еще худшие. Но позвольте мне, доказавшему на дело мою дружбу и любовь к России, спросить вас: что же вы, русские образованные люди, сделали сами, чтобы заставить союзников относиться к вам с уважением? Вы продолжаете ссориться и торговаться из-за всяких пустяков и русская беда, кажется, ничему вас не научила... Когда же вы забудете ваши разногласия и объедини-

теть для спасения родины? Ведь только тогда и союзники станут иначе разговаривать о вами»⁷.

23 декабря Львов прибыл в Париж и приступил к формированию Политического совещания. Посол Временного правительства В.А.Маклаков мало верил в полноправное участие России на мирной конференции, но персонал посольства был мобилизован на подготовку различных материалов, которые могли понадобиться Львову⁸.

В Париже действовали оставшиеся от правительства Керенского консульства. Военная миссия генерала Щербачева, финансовая и коммерческая агентура. Все они подчинились Политическому совещанию.

Возник вопрос о взаимодействии с существующими в России антибольшевистскими правительствами. От Архангельского правительства согласился приехать Н.В.Чайковский. Он прибыл в Париж 5 января 1919 г. и вступил в состав Политического совещания. С представительством Омского и Екатеринодарского правительств отношения налаживались труднее.

Еще в конце октября (1918) в Екатеринодар прибыл бывший царский министр иностранных дел Сазонов и занял пост начальника управления иностранных дел в Особом Совещании. «Вопрос замещения этой должности, — писал позже Деникин, — имел значение для Юга, в виду общего стремления к объединению российского представительства на предстоящей мирной конференции. Мы жили иллюзиями, что голос наш будет там услышан. Я поручил представительство Юга в Париже единолично Сазонову»⁹. В середине декабря С.Д.Сазонов уехал в Париж. В начале января 1919 г. адмирал Колчак назначил Сазонова министром иностранных дел Омского правительства и, таким образом, в его лице объединено было представительство Юга и Востока. Но, приехав в Париж, Сазонов застал там уже существующее представительство, говорившее от имени России — Политическое совещание.

Приезд Сазонова был встречен весьма не сочувственно: в парижских пробольшевистских газетах под влиянием русских левых кругов, появились статьи по адресу «недобитого царского министра» и «нежеланного гостя». Клемансо уклонился от приема Сазонова: члены Политического совещания стали настойчиво убеждать его, что имя его одиозно для французской де-

мократии, что изолированное выступление его невозможно, так как с ним никто из правящих кругов разговаривать не станет. И Сазонов уступил без борьбы, войдя рядовым членом в состав Политического совещания. В первых числах января состоялся обмен телеграммами Сазонова и Маклакова с Омском, в результате Колчак писал Деникину: «Я от себя и от имени правительства, образовавшегося на территории Сибири и Урала, уполномочил представительство России (на мирной конференции) в составе: кн. Львова, Сазонова, Маклакова и Чайковского. Полагаю, что вы не разойдетесь со мною в этом важном вопросе». Деникин согласился с решением Колчака.

От Дона и Кубани в Политическое совещание должны были войти особые делегации. Но прибыв в Париж, делегации эти на соединенном совещании постановили: «вступление в состав Совещания связало бы делегации в их выступлениях и переговорах с союзниками или с другими государственными образованиями; с другой стороны, — не дало бы практически полезных результатов, ибо по собранным сведениям, к Совещанию со стороны демократических сфер установилось отрицательное отношение, а в сферах правительственных к голосу Совещания совершенно не прислушиваются»¹⁰.

Донцы вскоре вернулись домой, из состава Кубанской делегации вышел, подав протест против ее решения, Н.С.Долгополов.

Кроме послов и представителей русских антибольшевистских правительств в состав Политического совещания вошли «представители общественности»: шлиссельбуржец Иванов, эсер Савинков, бывший министр Временного правительства крупный заводчик Коновалов, бывший марксист Струве, представитель «Союза возрождения» Титов и врач Долгополов¹¹.

По словам Чайковского, Политическое совещание являлось коллегиальным собранием, где все члены пользовались юридически равными правами. Ответственным исполнительным органом, представлявшим Совещание в сношениях с иностранными державами и центром Совещания, являлась Русская Политическая Делегация в составе четырех членов: князя Г.Е.Львова (Председателя Политического Совещания), С.Д.Сазонова (Министра Иностранных дел Омского и Екатеринодарского Правительств), В.А.Маклакова (Российского Посла в Париже) и Н.В.Чайковского (главы Архангельского правительства).

За подписями этих четырех лиц делались все официальные выступления Русского Политического Совещания. Все четыре члена делегации были утверждены в своих правах Верховным Правителем Адмиралом Колчаком по телеграфу¹².

В работе Политического совещания были привлечены все выдающиеся русские специалисты, находившиеся в Париже. По словам Чайковского, «не было ни одного жизненного вопроса, на который так или иначе не откликнулось бы совещание. Среди обстоятельных докладов, представленных Мирной Конференции, не мало таких, которые навсегда сохраняют свою историческую ценность»¹³.

При Совещании состоял отдел печати, пропаганды и агитации; телеграфное агентство «Унион» (Бурцев, Савинков); газета «Общее Дело» (Бурцев)¹⁴.

Русскому Политическому совещанию, отмечал в своем докладе Архангельскому правительству Чайковский, с первых же шагов его деятельности пришлось выйти из роли просто эвентуального представителя России при мирной конференции, которую ему определили Колчак и Деникин, взяв на себя ряд других задач по оказанию всяческой помощи регионам России, ведущим борьбу с большевизмом.

Таким образом, вся деятельность Политического совещания и состоявших при нем органов была направлена на две равно важные и трудные при существующих условиях задачи:

1) на представительство и защиту русских общегосударственных и общенациональных интересов перед мирной конференцией, союзными Правительствами и заграничным общественным мнением и

2) на оказание антибольшевистским русским областным Правительствам и отдельным военным организациям (генерала Юденича в Северо-Западной области) содействия и к взаимной координации их деятельности между собою, к установлению возможно более тесного сотрудничества с ними Союзных держав и к обеспечению за ними наиболее широкой моральной и материальной помощи союзников¹⁵.

В ежедневной работе по представительству русских интересов Политическое совещание буквально на каждом шагу неминуемо сталкивалось с отсутствием признанного официально союзниками Всероссийского правительства.

Основной вопрос для Политического совещания (как органа, долженствовавшего представлять Россию при мирной конференции) — о полномочном участии России в мирных переговорах не получил своего решения из-за отсутствия признанного правительства. Когда союзники выдвинули проект мирных переговоров с большевиками на Принцевых островах, надежда на это значительно поблекла и отношение к Политическому совещанию некоторых русских правительств стало почти равнодушным. У Совещания оставался один путь проникновения в состав мирной конференции: воссоединение всех антибольшевистских правительств около сильнейшего — Омского, признание его союзниками — всероссийским и допущение на конференцию его представителей¹⁶.

Такое же точно положение наблюдалось: 1) в вопросе об эвакуации в Россию или об использовании, для пополнения национальных армий Севера, Востока, Юга и Запада России, русских военнопленных, находящихся за границей; 2) в вопросе о русских заграничных кредитах, закрытых союзниками с момента большевистского переворота; 3) в вопросе о заключении займов, контрактов и сделок всякого рода; 4) в вопросе о русском государственном имуществе за границей, — везде препятствием к правильному и действительному обеспечению русских государственных интересов стояло отсутствие законно признанного единого Всероссийского правительства.

Убеждение — в необходимости признанного официально другими державами единого Всероссийского правительства, вынесенное Политическим совещанием, как из общетеоретических соображений, так и из опыта ежедневной практической работы, в течение всего времени деятельности Политического совещания побуждало последнее вести планомерную работу для подготовки такого признания¹⁷. Но тут скоро обнаружилась масса трений.

Вскоре после своего приезда в Париж Чайковский писал на Юг В.А.Мякотину: «Ни у союзных правительств, ни у Мирной Конференции, ни у здешней демократии Совещание не пользуется ни признанием, ни престижем отчасти из-за политического или экономического прошлого многих из членов (Сазонов, Маклаков, Коновалов, Третьяков, многие послы царского режима), отчасти же из-за Омского переворота и подмоченной

репутации самих правительств, пославших и уполномочивших этих представителей. Одним словом, я застал здесь уныние»¹⁸...

Левые эмигрантские группы не простили адмиралу Колчаку переворота 18 ноября 1918 г. Среди них все более утверждалась позиция: «ни Ленина ни Колчака». Усилилось их сопротивление признанию союзниками Омского правительства и старания всячески дискредитировать Политическое совещание, стремившееся к такому признанию. Левые русские группы вели энергичную пропаганду и в значительной степени добились успеха: среди левых кругов союзников все более утверждалось мнение, что «логическим последствием Политического совещания должна быть реставрация прошлого». Союзные правительства вынуждены были прислушиваться к левому общественному мнению, и, желая избежать обвинений в насаждении реакции в России, вяло реагировали на «ноты», обращения и заявления Совещания. К тому же не все союзные правительства охвачены были особенным желанием восстанавливать единую и сильную Россию.

Политическое совещание одолевало союзные правительства своими демаршами. Союзники отбивались различными отговорками и даже намекали на тайные реакционные замыслы русских генеральских правительств. Чтобы парировать эти намеки и обвинения, Совещанию пришлось неоднократно выступать с политическими декларациями и побуждать к тому же русские антибольшевистские правительства. Систематическое давление из Парижа, в целях демократизации Омского и Екатеринбургского правительств производило иногда впечатление претензий на руководство и потому вызывало раздражение. Деникина и Колчака. Шансы адмирала Колчака получить официальное признание союзниками поднимались во время его военных успехов и падали при неудачах...¹⁹.

ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ ПРИГЛАШАЕТ КНЯЗЯ ЛЬВОВА НА ПРИНЦЕВЫ ОСТРОВА

Среди многочисленных встреч и бесед князя Львова в Париже особое значение он придавал беседе с Ллойд-Джорджем. Этой встречи князю удалось добиться не сразу, а спустя три недели после прибытия в Париж. Переговоры состоялись

16 января и в них принял участие также министр правительства Англии Бонар Лоу. Сообщив собеседникам о том, что он всю жизнь работал в земстве, «в общении с русским народом, демократическими силами», Львов сказал, что ему поэтому понятны и близки народные чаяния, и он вправе высказать, «что теперь необходимо для народного блага». Но когда Львов стал доказывать, что для блага народа союзники должны оказать немедленную и эффективную помощь антибольшевистским правительствам в России, премьер и его министр не поверили осведомленности князя и подвергли его весьма жесткому перекрестному допросу. Они не согласились с информацией Львова о падении морального авторитета большевиков и о враждебном к ним отношении со стороны крестьянства.

— Я должен признать, — возразил Ллойд-Джордж, — что тут есть что-то необъясненное. Большевистское правительство, держащееся у власти более года в стране, где нет никакой широкой поддержки и при приблизительном равенстве, по Вашим словам, противоположных армий, — должно быть отнесено к разряду самых ловких и искусных когда-либо и где-либо существовавших. Мне, однако, представляется, что крестьянские массы, хотя и не разделяют, по Вашим словам, симпатий по отношению к большевикам, но будут противиться силам, стремящимся свергнуть большевиков. В этом отношении иностранное вмешательство должно вызвать сопротивление крестьянства. Ведь за время большевистского режима крестьяне успели овладеть частновладельческой землей и у них возникнет естественное опасение, что со свержением большевизма и с восстановлением гражданского правопорядка у них потребуют возвращения прежним владельцам захваченной земли.

Но Львов все еще пытается убедить английского премьера, что он хорошо знает Россию.

— Прежде всего, — парирует Львов, — я должен отметить, что крестьяне завладели землей еще до большевистского переворота. Затем, самые положения большевизма по аграрному вопросу противоречат пониманию крестьянами их собственных интересов. Большевизм провозглашает коммунистическое начало, отрицающее всякую частную собственность, а крестьяне стремятся удержать в своей собственности доставшуюся им

землю. Таким образом, большевики должны столкнуться с крестьянством по основному и самому жизненному вопросу.

— Однако большевики, — объясняет князю Ллойд-Джордж, — не проводят в исполнение своей доктрины в отношении земли. Они оставляют крестьян в покое.

Еще менее был склонен верить Ллойд-Джордж сообщению Львова о соотношении военных сил большевиков и их противников.

По данным, которыми располагало английское правительство, армия большевиков гораздо больше, чем думает князь, называвший цифру 250 тыс., а она доходит до 800.000 и дисциплина среди этих войск поставлена самым строгим образом, и их армия представляет собой внушительную и отлично организованную силу.

Самое неприятное ожидало Львова в конце беседы, когда Ллойд-Джордж в ультимативной форме стал навязывать свой «план» решения русского вопроса. Приводим полностью эту часть беседы:

«Ллойд-Джордж. Да, я хотел бы, чтобы Вы, князь, высказались по поводу одного плана действий. Вы знаете, что мы не хотим вмешиваться во внутренние дела России. Мы не можем и не хотим стать на сторону той или другой группы во время междоусобной борьбы. Мы не станем, например, на сторону меньшинства в борьбе с большевиками, как и не выступаем за большевиков против меньшинства. Единственно, чего мы желаем, это чтобы в России образовалось правительство основанное на порядке (orderly government). Но мы не знаем и не можем разбираться, в каком движении народная воля, где кончается одно насилие и начинается другое. Вы говорите нам, что Сибирское правительство Колчака стоит на почве национально-демократического строительства государственной власти. Но, может быть, за Колчаком стоят крайне правые группы. Ведь он оказался у власти после переворота, осуществленного военными. Возможно, что Колчак является представителем реакции.

Князь Львов. Это не так на самом деле. Это опровергается декларациями Омского правительства и тем фактом, что к Колчаку явились представители всех радикальных групп и засвидетельствовали ему свою полную поддержку.

Бонар Лоу. Этот факт нам не был известен.

Ллойд-Джордж. Все же действительная подкладка всех этих сил, утверждающихся на определенных территориях, нам не ясна. Нам же необходимо считаться, при своих действиях, с общественным мнением в наших странах. Общественное мнение Англии и Америки не только требует не посылать в Россию и в дальнейшем войск, но настаивает об отозвании наличных. Общественное мнение этих стран настаивает даже на отозвании войск с Юга. Широким общественным кругам должно быть ясно, что по существу мы поддерживаем своим вооруженным вмешательством. Мы с Вами знаем, что такое большевизм, мы его отрицаем, противимся ему. Знает цену большевизму и такой человек, как Гендерсон, с которым вчера говорил Бонар Лоу. Но вот общественное мнение слагается отчасти и из мнения тех кругов, которые не разбираются в большевизме или даже сочувствует ему. Для того, чтобы Русский вопрос приобрел бы ясность, чтобы наша политика была бы убедительна для английского и американского общественного мнения, и, чтобы мы имели твердые основания для дальнейших действий, предполагается осуществить следующий план. Мы предполагаем вызвать представителей от каждой партии в России, в том числе и от большевиков. Эти представители вовсе не вызываются для участия на конференции, а исключительно для того, чтобы дать возможность представителям великих держав опросить вызванных лиц обо всем необходимом для того, чтобы составить себе ясное представление о соотношениях этих групп и основаниях их политики и методы действий. Опрос будет происходить в неформальном собрании представителей великих держав, человека по два от каждой державы. Это будет как бы состязанием сторон, нечто вроде суда, процесса, для того, чтобы у нас создалось бы верное мнение по русскому вопросу.

Князь Львов. Прежде, чем ответить по существу, я прошу объяснить, что Вы подразумеваете под партиями. Ведь никакое правильное представительство политических партий нельзя осуществить.

Ллойд-Джордж. Я не имею в виду политических партий. Под словом «party» я разумею местные правительства, т.е. организации и силы, достаточно сложившиеся и определившиеся в смысле контроля над известной территорией. Мы пригласим приехать или прислать своего представителя Колчака, Семено-

ва, Деникина, Краснова и др. Мы пригласим представителя большевиков, которые являются не только политической партией, но и фактически осуществляют власть в течение долгого времени над всей Центральной Россией. Тут нужно еще иметь в виду, что на Украине не одна, а две различных руководящих группы. Мы рассчитываем, что на это приглашение большевики не пойдут и тем сразу себя поставят на виновную сторону (wrong side). У меня есть сведения, что Ленин не пошлет своего представителя. Когда соберутся приглашенные представители, мы спросим их и если приедут и большевики, то мы спросим их, на что опирается их власть, чем оправдывается их террор, насилия, расстрелы. Рассудим основания власти, характер деятельности каждой группы, разобравшись в положении дела из первоисточника. Мы в состоянии будем принять то или иное решение по отношению к России, будет ли то поддержка Колчака, Деникина, или остановимся на какой-либо другой лич[ости]. Собравшиеся представители должны фактически доказать, что они добросовестно стремятся выразить народную волю, что их задачей является осуществление той задачи, которую лишен был возможности выполнить Керенский — созвать Учредительное собрание. Здесь большевики потеряют все свои позиции. Вы говорите, что они не опираются на народное сочувствие, что они держат только террором в виде тиранизма и узурпаторства. При таких условиях они никогда не пойдут на признание принципа выражения истинной народной воли. Они готовы всячески погреть принцип народоправства и здесь перед общественным мнением Англии и Америки ясно вырисовывается действительный характер большевизма. Раз правительственные группы выразят твердые и искренние намерения осуществить начала народной воли в государственном устройстве, великие державы с своей стороны создадут практические гарантии для осуществления этих начал. Что Вы можете сказать о таком проекте?

Князь Львов. Я не могу говорить за Россию. Не думаете ли Вы выслушать мнение образовавшегося здесь совещания послов и государственных и общественных деятелей?

Ллойд-Джордж. Я знаю о совещании. Из кого оно состоит?

Князь Львов. Это совещание образовалось под моим председательством и состоит из послов и некоторых государственных,

общественных деятелей, как Сазонов из Екатеринодара, Чайковский, еще не прибывший из Архангельска, Коновалов и др.

Ллойд-Джордж. Я хотел бы выслушать Ваше личное мнение.

Князь Львов. Я никак не могу согласиться с таким планом. Ведь Вы таким образом ставите большевиков на одну доску с теми национальными силами, которые, высвободившись из-под тирании большевизма, сумели создать территориальные центры борьбы с насильниками народной воли. Приглашая большевиков на такое совещание, Вы явно поддерживаете их. Это форма признания их фактической правительственной власти.

Ллойд-Джордж. Но ведь мы же не простаки. Мы не можем же отрицать факта, что тем или иным способом, но большевики владеют Великороссией, держат ее в своем подчинении. Приглашая большевистских представителей в числе прочих на опрос, мы нисколько не выражаем своего отношения к ним, мы желаем лишь беспристрастно выслушать всех и принять соответственное решение. Почему Вы возражаете против такого опроса?

Князь Львов. Приглашением большевиков Вы их усиливаете. Они враги России, союзников, всего света. Если союзники желают услышать голос России, они должны выслушать те правительства и организации, которым дороги национально-демократические принципы и выражают подлинную волю и симпатии народа вне террора большевистской диктатуры. Союзники должны обратиться к представителям настоящего созидательного процесса, который не имеет ничего общего с большевистским насилием. Здесь налицо, а частью еще не съехались представители таких местных правительств, борющихся с общим врагом русского народа и союзников — с германобольшевизмом. Ставить их и других на одну доску, считаться как с равнозначными величинами немыслимо, т.к. общего между этими двумя сторонами нет и не может быть ничего.

Ллойд-Джордж. Мы не хотим никого уравнивать. Мы хотим лишь опросить и выслушать. И я высказал уже свои предположения, что большевики либо не приедут вовсе, либо откажутся гарантировать возможности проявления действительной свободной народной воли вне всякого давления и насилия.

Князь Львов. Подобная воля может свободно выражаться лишь там, где нет такой тирании, какую установили большеви-

ки, поэтому факт приглашения большевиков лишь укрепит их положение.

Бонар Лоу. Мне кажется, следует считаться с обратным аргументом, что факт приглашения большевиков на такой неформальный опрос для информации великих держав может быть истолкован как боязливая тактика, как желание обойти действительную силу, которая может создать давление, взяв перевес тем или иным способом. Это могло бы быть понято как опасение привлечь слишком значительную величину. В данном же случае важно беспристрастие, которое одно может убедить общественное мнение в отсутствии предвзятости, с одной стороны, и необходимости дать возможность великим державам принять важное решение, опирающееся на общественное сочувствие...

Князь Львов. Откладывается ли вопрос об участии русских представителей в той или иной форме в работах конференции, до осуществления подобного плана?

Ллойд-Джордж. Да, ни о каком участии представителей не может быть и речи, пока мы не получим необходимую информацию. А указанный план, казалось бы, лучше всего даст возможность ориентироваться. Я очень извиняюсь. Я должен спешить на конференцию...»²⁰.

По инициативе Вильсона, с одобрения Ллойд-Джорджа и при отрицательном отношении Клемансо состоялось постановление совета, переданное антибольшевистским правительствам в России по радио 12 января: «Союзные представители подчеркивают невозможность заключения мира в Европе в случае продолжения борьбы в России. Поэтому союзники приглашают к 15 февраля сего года все организованные политические группы, находящиеся у власти или стремящиеся к ней в Европейской России и в Сибири, не более трех представителей от каждой группы, на Принцевы острова в Мраморном море, для предварительных переговоров, где будут присутствовать и представители союзников, Финляндия и Польша как автономные единицы в переговорах не участвуют.

Союзники считают, однако, необходимым до переговоров — заключение перемирия между приглашенными группами и прекращение всяких наступательных действий. Союзники уверяют

в своих дружественных чувствах к России и русской революции».

За посылку своих представителей на Принцевы острова высказались только большевики, вопреки предсказаниям Ллойда-Джорджа, Эстония и... Одесса.

Почти все остальные группы отнеслись к предложению резко отрицательно. В Екатеринодаре ему вначале просто не поверили. Так же было и в Омске, где Колчак, по словам Гинса, заявил иностранным представителям, что предложение «неясно по содержанию и искажено», а поэтому он как правитель «не будет вовсе на него отвечать», а в качестве главнокомандующего «отдаст приказ войскам, что разговоры о перемирии с большевиками распространяются врагами России и что он готовится к наступлению»²¹.

Чайковский и Сазонов от имени своих правительств резко ответили союзникам: «Неприемлемость и оскорбительность для русского национального достоинства подобного рода переговоров с преступными захватчиками власти, разложившими русскую армию, была очевидна для всех русских, настроенных государственно и патриотически, и соответственные единодушные резолюции были приняты всеми русскими антибольшевистскими правительствами, с чем от имени объединенных Омского, Екатеринодарского и Архангельского правительств и было доведено до сведения мирной конференции в особом заявлении от февраля 1919 г.»²².

Перед Россией окончательно захлопнулась дверь на Парижскую мирную конференцию. Политическое совещание помогло союзникам решать военные проблемы без России и за счет России. Интересы России, которая положила на алтарь общей победы 4 млн. жизней русских солдат, здесь, в Европе, мало кого волновали. А чтобы обезопасить себя от проникновения большевиков, страны-победительницы, на всякий случай, воздвигли санитарный кордон из буферных государств, также за счет России. Все это не могло не усиливать тоталитарные тенденции в развитии России.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ДОБИВАЕТСЯ ПОМОЩИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВАМ

В феврале-апреле 1919 г. Политическому Совещанию пришлось употребить много усилий, чтобы добиться более активной помощи союзников южно-русским армиям, которые переживали в то время весьма тяжелые минуты от недостатка вооружения, снаряжения и медицинской помощи, а также населению Юга России, страдавшему от полного недостатка самых необходимых мануфактурных товаров и совершенного отсутствия какой-либо санитарно-медицинской помощи из-за неимения медикаментов, перевязочных материалов, белья и проч. К этому же времени относятся неудачные действия союзников под Одессой и последовавшая затем эвакуация Одесского района и Крыма и возникшие при этом недоразумения и конфликты союзного командования с командованием Добровольческой армии.

Представители Политического совещания и состоявших при нем органов настойчивыми хлопотами добились посылки на Юг России значительных запасов военного снаряжения санитарно-медицинского имущества и транспортов мануфактурных товаров. Это вместе с героическим порывом армии имело своим результатом полное изменение обстановки на Юге России и дало возможность русским национальным военным силам на Юге России совершенно оправиться и перейти в наступление, которое в течение летнего периода дало блестящие результаты и привело к освобождению от большевиков южной России и могло бы повести к полному освобождению Русского Центра, если бы не последующие неудачи.

Период (март-апрель 1919 г.), когда положение Одессы и Крыма стало критическим, и было заявлено о намерении союзников эвакуировать Юг России, Политическое совещание предприняло все зависевшие от него шаги, чтобы добиться, чтобы при эвакуации, если она неизбежна, было оказано всяческое содействие и помощь русскому населению, которое принуждено было эвакуироваться вместе с союзниками, чтобы не стать жертвой большевистских репрессий. Но эвакуация бы-

ла проведена с такой поспешностью, что большинство беженцев оказалось в весьма бедственном положении²³. Антибольшевистские правительства постоянно нуждались в финансовых вливаниях с Запада.

Русская валюта в тот момент была настолько обесценена, что использование ее для зарубежных платежей было невозможно, тем более, что ввоз ее запрещен во все важнейшие страны.

Следовательно, необходимы были или заграничные займы или предоставление права распоряжаться заграничными кредитами, принадлежащими законному Российскому Правительству.

Политическое совещание убедилось в том, что открытие закрытых кредитов невозможно до признания союзными державами Центрального Российского правительства.

Правительство Колчака, располагая золотым запасом России, захваченным при взятии Казани, отказывается его растрачивать на какие бы то ни было, хотя бы самые неотложные нужды. Единственным выходом из положения было заключение внешнего займа в иностранной валюте.

Переговоры о таком займе велись Политическим совещанием через особо уполномоченных — А.И. Коновалова, П.Л. Барка и К.Е. Замена, специально, кроме переговоров в Париже, неоднократно ездивших в Лондон для переговоров с представителями английских финансовых кругов.

Получить заем под простое обязательство непризнанного правительства без какого-либо реального обеспечения, при существующем экономическом и политическом положении России оказалось совершенно невыполнимым.

Поэтому были начаты переговоры о займе под золотое обеспечение с частными финансовыми организациями, а именно с представителями организуемого специально для реализации нового русского займа у Синдиката английских, американских и французских банков.

Общая сумма предоставляемого кредита — составила 10 млн. фунтов стерлингов. Кредит открывался на полтора года в форме специального текущего счета, обеспеченного золотом, которое будет храниться в Гонконг-Шанхайском банке в Гонконге. Сумма займа распределялась следующим образом: американские банки давали 6 млн., английские — 3 млн. и французские —

1 млн. фунтов стерлингов. Процент исчислялся: из 6% прибыли на капитал и 1% комиссионного вознаграждения.

Английское министерство финансов заявило о согласии на заключение настоящей сделки, но банки, ссылаясь на отсутствие в России законного и признанного державами правительственной стороны дела и задержки в доставке золота в Гонконг.

Синдикат, который должен был заключить договор о займе, ожидал, помимо имеющегося уже отзыва английского министерства финансов, также заверений от английского министерства иностранных дел, подтверждающее права Омского правительства на действия, юридически свойственные законному Всероссийскому правительству.

Одновременно с этими переговорами эта же делегация (в составе П.Л.Барка, А.И.Коновалова и К.Е.Замена) приняла участие в переговорах о получении средств для генерала Юденича, а также старалась выяснить отношение английских банкирских кругов к вопросу о будущем финансировании России в период ее экономической реконструкции.

В то же время уже довольно давно союзники давали открыто понять, что они не хотят довольствоваться отнесением за счет общего долга Русского государства стоимости тех военных материалов и снабжения, которым они помогают в борьбе с большевизмом. Французское правительство прямо поставило условием дальнейшего отпуска военного снаряжения обязательство уплаты за него освобождающимися для вывоза излишками русского зерна в течение следующих лет²⁴.

ЭКСПЕДИЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ В ЕКАТЕРИНОДАР

27 мая по поручению Парижского совещания в Екатеринодар приехали: генерал Щербачев, Аджемов и Вырубов, — как писал кн.Львов, для того, чтобы «облегчить Деникину трудную задачу ориентировки в сложной мировой политической жизни». Конкретно вопрос был поставлен о необходимости немедленного подчинения Деникина адмиралу Колчаку.

Аргументы, которые они приводили в пользу такого решения, сводились к следующему: 1) мощь сибирских армий и огромная, освобожденная ими от большевиков территория, подчиненная адм. Колчаку; 2) впечатление, произведенное на правительстве и общественное мнение Европы быстрым выходом сибирских войск к Волге; 3) ожидающееся официальное признание союзными правительствами адм. Колчака при условии объединения в его лице всей Верховной власти, 4) наконец, признание Всероссийской власти сделает невозможным признание власти советской и обеспечит нам борьбу с сепаратными течениями²⁵.

По просьбе Деникина, парижские эмиссары ознакомили о этими аргументами Особое совещание. Вот что вспоминает об этом заседании Соколов: «Разногласия по существу не было, и все сошлись на том, что надо оставить наши отношения к адм. Колчаку в прежнем виде до фактического соединения фронтов. Была принята во внимание и возможность лишения нас помощи союзниками, и наши специалисты успокоили нас заявлением, что мы снабжены всем необходимым на продолжительный срок. Я не могу припомнить все доводы, которые приводились против принятия присланных из Парижа советов. Но я помню хорошо ход моих мыслей, отвечавших настроению большинства. Я доказывал, что, при гадательности признания союзниками адмирала Колчака, мы, немедленно подчинившись Омску, рискуем напрасно принести немалые жертвы. В отказе от притязания главного командования на государственный суверенитет крылись, как мне казалось, опасности и юридического, и политического порядка. Юридически ослаблялась бы наша позиция по отношению к казачьим «образованиям» Политически мы обязывались бы внезапно и под влиянием извне, автоматически принять политическую программу Омского правительства, т.е. отказаться от собственного нашего южно-русского политического опыта. К изумлению многих, и лидеры Нац. центра как будто уже не защищали тезиса о немедленном подчинении. Астров и Федоров ограничивались тем, что очень решительно подчеркивали огромную морально-политическую важность скорейшего создания единой национальной власти. Впервые, и по такому принципиальному вопросу, Особое совещание было таким образом, совершенно единодушно»²⁶.

Другой член правительства Астров подчеркнул, что вопрос о воссоединении России поставлен не гостями из Парижа, а самой жизнью. Но он имеет две стороны, смешивать которые не следует.

«Необходимость образования единого Национального правительства не требует доказательств. Сложнее вопрос о признании Колчака этой национальной властью. Ходом событий вопрос этот предрешен и медлить с его окончательным решением нельзя, ибо Европа может признать Колчака без участия в этом признании ген. Деникина и тем отбросить в тень Екатеринодар. С другой стороны, может исчезнуть благоприятный момент для признания России субъектом прав, и внимание Европы может снова повернуться к большевикам. Но без переговоров с Колчаком вопрос все-таки решить трудно. Для переговоров, конечно, нельзя ждать соединения армий и личного свидания вождей. Необходимо срочное сношение с Омском через Париж для выяснения условий признания и, по выяснении их принять окончательное решение...»²⁷.

Особое совещание после бурных прений приняло резолюцию, по существу уклонявшуюся от решения вопроса: «Признавая настоятельно необходимым образование в России единого Нац. Правительства, Особое совещание полагает, что жизненные интересы Российской Державы властно требуют, чтобы такое правительство было образовано путем непосредственного соглашения между ген. Деникиным и адм. Колчаком на началах, изложенных в официальном сообщении от 10 апреля текущего года».

По признанию Деникина, он ничего не знал о прениях и резолюции и решил вопрос единолично, ни с кем не советуясь. Вот что он пишет в «Очерках»: «Принципиально вопрос о подчинении решен был мною давно, о чем было известно многим. Я предполагал при близком, казалось, соединении без торга, без сговоров и "условий" объявить армиям о подчинении "отныне Верховной власти Верховного правителя", как об естественном следствии установления с ним связи. Принятие этого решения облегчало то обстоятельство, что, не встречавшись ни разу в жизни с адм. Колчаком, я, тем не менее, составил себе о нем определенное представление, как о человеке умном, смелом и благородном.

Вопрос, поэтому, вызвала лишь своевременность такого акта. Но соединение территорий затягивалось... Перспектива признания союзниками Всероссийской власти адм. Колчака представлялась фактором чрезвычайно важным, укреплявшим международное положение новой России. Она требовала оказания адмиралу политической и нравственной поддержки... Факт единения русских противобольшевистских сил не мог не вызвать подъема в армиях и в обществе и лишал почвы наших недругов, сеявших рознь... Наконец, с меня спадало лишнее бремя, облегчая значительно нравственную возможность требовать от других исполнения долга и повиновения. Вывод был ясен»²⁸.

Вечером состоялись проводы уезжавшего в Англию ген. Бриггса, отличавшиеся исключительной сердечностью. Узнав, что экстренный поезд его уходит в Новороссийск не на другой день, как предполагалось, а в ту же ночь, и желая использовать оказию в Константинополь, Деникин тут же на клочке бумаги написал приказ, который и огласил в собрании, после чего приказ был тотчас же размножен.

« П р и к а з Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России. № 145.

г. Екатеринодар. 30 мая 1919 года.

Безмерными подвигами Добровольческих армий, Кубанских, Донских и Терских казаков и Горских народов освобожден Юг России, и русские армии неудержимо движутся вперед к сердцу России.

С замиранием сердца весь русский народ следит за успехами русских армий с верой, надеждой и любовью. Но на ряду с боевыми успехами в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением Великой, Единой России.

Спасение нашей Родины заключается в единой Верховной власти и нераздельном с нею едином Верховном командовании.

Исходя из этого глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, как Верховному Правителю Русского государства и Верховному Главнокомандующему Русских армий.

Да благословит Господь его крестный путь и да дарует спасение России.

Генерал-лейтенант Деникин».

Верховный Правитель в ответ на этот приказ прислал телеграмму:

«С чувством глубоко волнения приветствую Ваше патриотическое решение, продиктованное Вам истинной государственной мудростью. Вы в пору государственного распада и морального разложения великого народа — один из первых в ряду славных выступили под стягом Единой России. Ныне Вашим решением Вы подаете пример солдата и гражданина, превыше всего ставящего благо Родины и будущее ее исторических судеб. В великом подвиге служения Вашего России да поможет Вам Бог.

Верховный Правитель, Адмирал
Колчак»²⁹

Деникин получил множество телеграмм, писем, адресов со всех концов белой России и из стран расселения зарубежной эмиграции — от отдельных лиц, обществ, групп, правителей и военных начальников. Все эти обращения, по словам Деникина, свидетельствовали, как сильно жаждало русское общество объединения расколотой Родины и... как высоко котируется на бирже мирской суеты *власть*, отказ от которой или самоограничение вменялись человеку в подвиг³⁰.

Однако эйфория лидеров белой России прошла очень быстро. Политические последствия объединения Востока и Юга не оправдали их надежд. Прежде всего не состоялось признание правительства Колчака всероссийской властью странами Антанты. Не изменилась их лицемерная и двуличная политика по отношению к России и не усилилась их реальная помощь антибольшевистскому движению. Большинство новых государств, отдалившихся от России резко отмежевалось от «русской государственной власти».

Политическое совещание настаивало на том, что никакой вопрос об отделении от России, а также об установлении форм будущих отношений России к отдельным народностям, принадлежавшим прежде к составу Российского государства, не может быть разрешен окончательно без соответствующего постановления будущего всероссийского Учредительного собрания. Но даже и такая постановка вопроса не удовлетворяла те национальности, которые всеми мерами старались сейчас же начать свое совершенно самостоятельное от России политическое существование. Вследствие этого, в лимитрофах (Литве, Эстонии, Латвии и даже в Польше и Финляндии) царило недоверие к борцам за будущую единую и сильную Россию. А такое отношение чрезвычайно мешало успеху противобольшевист-

ких армий. Еще более отрицательно относилось Совещание к антирусской озлобленной проповеди различных самостийных национальных групп. Оно считало ее результатом, в большинстве случаев, «близорукого политиканства известных весьма узких кругов».

Чайковский рассказывает, что для борьбы с подобными течениями было основано особое «Совещание Народностей, стремящихся к воссоединению с Россией». В «совещании» этом, под председательством Чайковского, участвовали представители многих национальностей; от Великороссии вошли в него, кроме Чайковского, кн. Львов, Б.В.Савинков.

ЗАКРЫТИЕ РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ

Русское Политическое совещание в Париже просуществовало приблизительно полгода. К июню уже закончился процесс объединения русских антибольшевистских правительств и подчинения их верховному правителю адмиралу Колчаку.

Политическое совещание сочло законченной задачу свою служить временным суррогатом официального представительства русской единой государственной власти, 5-го июня 1919 г. оно прекратило свою деятельность, оставив на страже общерусских интересов Делегацию, единогласно решило прекратить свою деятельность и направило Верховному правителю адмиралу Колчаку телеграмму об этом.

Колчак, признав правильность этого решения, утвердил Делегацию на Парижскую мирную конференцию (кн. Г.Е.Львов, В.А.Маклаков, Б.В.Савинков, С.Д.Сазонов, Н.В.Чайковский)³¹.

Что же касается объединения в руках Делегации наблюдения и руководства деятельностью прочих органов русского заграничного представительства (дипломатического, военного и экономического), то Верховным правителем было решено сохранить эти функции непосредственно за правительством. Все русские заграничные представители всех ведомств должны сноситься и получать инструкции непосредственно от подлежащих ведомств.

Попытки членов Делегации добиться от Колчака пересмотра этого решения не увенчались успехом. Ограничение работы Делегации защитой интересов России перед Парижской мирной конференцией, когда Делегация в работах конференции непосредственного участия не принимала, делало ее фикцией. В сущности, такое решение Омска являлось актом недоверия к Делегации и выдвигания на первый план самостоятельной дипломатической деятельности бывшего царского министра иностранных дел С.Д.Сазонова. Между тем ни союзные правительства, ни заграничное общественное мнение, ни сама Делегация — не могли относиться к Сазонову доверительно.

Чайковский 10 сентября 1919 г. писал на Юг А.А.Титову: «Пока Политическое Совещание заседало, Сазонов молчал, но теперь, когда Совещания нет и осталась только Политическая Делегация из 4-х (а теперь и из 5-ти с назначением в нее Савинкова Колчаком), он выпустил когти и решил проглотить ее своим министерством. Произошел конфликт, и теперь решается вопрос о том, кто останется здесь — мы (трое + Маклаков) или он с Маклаковым. — Посылается в Омск решительная телеграмма... Нам за все это (т.е. за политику Сазонова) приходится отвечать, не имея возможности помешать ему в его министерских распоряжениях... Получается нечто совсем и недопустимое и непереносимое. Поэтому, не смотря на тяжелое положение у Колчака, решаемся поставить ему ультиматум»³².

«Ультиматум» не был принят. Колчак выразил полное доверие Сазонову, но вместе с тем и пожелание, чтобы Делегация осталась при установленных им функциях и в прежнем составе... Все осталось по-старому — до конца.

На этом, собственно, и закончилась история Политического совещания в Париже, от которого так много ждал князь Львов. Парижское совещание сложилось из причудливого сочетания людей царского и революционного режимов. Князь Львов ни понимания, ни сочувствия, ни доверия со стороны добровольческих генералов и монархистов из окружения Колчака — не имел. Тем ближе были слуги царского режима — такие, как Кривошеин, Извольский, Сазонов. Левая часть совещания в столкновениях с Сазоновым терпела решительные поражения...

Антибольшевистская деятельность Политического совещания завершилась рядом крупных неудач и стратегических пора-

жений как в России, так и в правительственных кабинетах союзников на Западе. Князю Львову и его соратникам так и не удалось сдержать амбиции белых генералов, преодолеть противоречия между различными силами антибольшевистского движения, изменить внутреннюю политику белых правительств, не желавших учитывать интересы различных народов бывшей Империи.

Они безуспешно добивались признания союзниками какого-либо антибольшевистского правительства, действовавшего на территории России. Признание Францией правительства Врангеля в августе 1920 г., когда дни его были сочтены, имело лишь символическое значение. Не удалось убедить союзников в необходимости широкомасштабной интервенции, способной переломить ход Гражданской войны. Последовавшее затем крушение Колчака и Деникина и крах всех надежд свергнуть большевиков военным путем были самым сильным из постигших Политическое совещание ударов, что безусловно привело его к полному развалу.

¹ ГАРФ. Ф. 6028. Оп. 1. Д. 20. Л. 7-8.

² Там же. Д. 21. Л. 4-5.

³ Там же. Д. 22. Л. 2-4.

⁴ *Полнер Т.И.* Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. Париж, 1932. С. 273-274.

⁵ ГАРФ. Ф. 6028. Оп. 1. Д. 23. Л. 1-2.

⁶ *Полнер Т.И.* Указ. соч. С. 275.

⁷ Там же. С. 277.

⁸ *Адамович Г.* Василий Алексеевич Маклаков. Политик. Юрист. Человек. Париж, 1958. С. 209.

⁹ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 4. С. 236-238.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Полнер Т.И.* Указ. соч. С. 283.

¹² Россия антибольшевистская: из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 357.

¹³ *Мельгунов С.П.* Н.В.Чайковский в годы гражданской войны. Париж, 1929. С. 123.

¹⁴ Россия антибольшевистская... С. 355.

¹⁵ Там же. С. 357-358.

¹⁶ *Полнер Т.И.* Указ. соч. С. 284.

¹⁷ Россия антибольшевистская... С. 359-360.

- ¹⁸ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 112.
¹⁹ Полнер Т.И. Указ. соч. С. 258.
²⁰ ГАРФ. Ф. 6028. Оп. I. Д. 29. Л. 1-9.
²¹ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 4. С. 243.
²² Россия антибольшевистская... С. 362.
²³ Там же. С. 374.
²⁴ Там же. С. 377-380.
²⁵ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 95.
²⁶ Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. С. 127.
²⁷ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 96.
²⁸ Там же. С. 97.
²⁹ Там же. С. 98.
³⁰ Там же.
³¹ Россия антибольшевистская... С. 380.
³² Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 134.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В декабре 1991 г. исчезло с карты мира крупнейшее государство и завершился крахом грандиозный социалистический эксперимент, начатый партией большевиков в октябре 1917 г. Большевизм, по русски трансформированный марксизм, обещал прекрасные вещи: покончить с несправедливостью богатства и бедности, с экономическим рабством, войной. Но вместо надежды большевизм принес жесткую централизацию, верность революционной догме, ставшей управлять реальностью, слепую преданность вождю, нетерпимость к инакомыслящим. Партийная диктатура и государственный коммунизм не стали, да и не могли стать преддверием свободного демократического общества, ибо сама суть и природа принудительного коммунизма исключает такую возможность. Присущие ему экономическая и политическая централизация, привилегированные номенклатурные группы из коммунистов, охраняемые всей государственной мощью, система принудительного труда и карательных органов, милитаризация страны – все это разрушало даже слабые зародыши новой жизни, провозглашенной в Коммунистическом манифесте и декретах ленинского Совнаркома.

Менталитет низших слоев народных масс, пожалуй, не меньше, чем большевистская утопия, предопределила развитие общества в русле тоталитаризма. Большевиков нельзя отделить от общества, их породившего, и от народа, с которым они были тесно связаны. Глубоко укоренившаяся ненависть к господствующим классам, закреплённая в годы Гражданской войны привычкой к насилию, презрению к праву и законности, жаж-

дой реванша - превращения из раба в хозяина — толкало страну в одном направлении.

Гражданская война — большая трагедия для любого народа. Шрамы от них остаются на многие десятилетия: погибают идеи, за которые боролись проигравшие, торжествуют идеи победителей, как бы подтверждая правильность избранного ими пути. Учредительное собрание, в котором большинство мандатов получила партия эсеров, могло стать демократической альтернативой большевистской власти, поскольку пыталось эволюционным путем и демократическими методами осуществить идеи крестьянского немарксистского социализма. Однако Учредительное собрание как парламентское, законодательное учреждение не состоялось. Тем не менее итоги выборов в Учредительное собрание отменить уже никто не мог. По существу это был референдум, на котором около 90% избирателей высказывались за социалистический путь развития России. Из них около 25% — за пролетарский социализм и 65% — за крестьянский социализм.

Исторический опыт учит: пренебрежение к воле народа неминуемо оборачивается катастрофическими последствиями для страны. Так было после января 1918 г., так происходит и в наши дни, после того, как в Беловежской пуще были торпедированы итоги всенародного референдума 1991 г. о сохранении Союза ССР.

Разогнав Учредительное собрание, большевики привели к объединению умеренных социалистов и белого движения в антибольшевистскую коалицию. Образованные коалицией правительства развернули вооруженную борьбу против власти большевиков, против социального эксперимента по насильственному настроению пролетарского социализма, который завершился исторической неудачей. Союз социалистов с противниками и пролетарского и крестьянского социализма не мог быть прочным и долговременным — слишком много уступок пришлось сделать и левому и правому лагерям. Этот союз был вынужденным и поэтому неискренним, и таил в себе зародыш будущей ожесточенной борьбы.

Парадокс истории заключался в том, что непримиримые враги Ленин и Колчак объединились, чтобы уничтожить Учредительное собрание, преграждавшее им путь к единовластию.

Лидеры стран Антанты, несомненно, несут также историческую ответственность за поражение демократии в России. Вмешательство в пользу военных диктаторских правительств, лишенных народного доверия, оказание им прямой поддержки в деле свержения демократических антибольшевистских правительств — все это способствовало уничтожению демократических свобод и лишь усиливало позиции большевиков.

Антибольшевистские правительства потерпели поражение, наконец, потому, что их лидеры не могли достичь единства и согласованности между собой. Отсутствие единства и дух соперничества, присущие военным и гражданским структурам на занятых ими территориях, вместо концентрации сил и власти, вело к их раздроблению. А в борьбе с таким организованным врагом как большевики — это вело к поражению. Корнилов и Алексеев ненавидели друг друга и не могли работать вместе. Неприязнь Деникина и Краснова вела к постоянным трениям, к плохому взаимодействию между казачеством и Добровольческой армией. Соперничество Авксентьева и Чернова привело к катастрофе 18 ноября 1918 г.

По общему признанию, организация большевиков была значительно выше, чем в обычной политической партии. И это неудивительно, так как Ленин создавал и готовил партию для захвата власти. Уникальная форма руководства партией, осуществленная Лениным, обеспечила преданность и дисциплину ее членов. Ленин и Троцкий, чьи отношения до 1917 г. были не лучше, чем между Корниловым и Алексеевым, сумели договориться в интересах общего дела и Троцкий стал первым и наиболее ярким соратником Ленина в осуществлении его стратегического курса. Троцкий и Сталин не любили друг друга больше, чем Колчак и Гайда. Однако большевики имели марксистскую идеологию, которая объединяла их вместе и руководителя Ленина, чей авторитет и чья власть признавались всеми без исключения.

Антибольшевистские правительства и демократов и генералов допустили стратегический просчет, сделав ставку на западную помощь. Казалось несомненным, что народная армия Комуча, армии Директории, Колчака и Деникина, так самоотверженно сохранивших верность союзникам, получают столь долгожданную помощь, которая обеспечит победу. Однако эйфо-

рия лидеров антибольшевистской России прошла очень быстро. Политика союзников определялась не интересами России, а исключительно стремлением использовать русскую силу в своих целях — для разгрома Германии. Но единая и великая Россия им была не нужна. Союзники захлопнули дверь для России на мирную конференцию, где решались проблемы послевоенной Европы без России и за ее счет. Лидеры Запада поддержали парад суверенитетов, который разрезал великую державу на отдельные части. Ни одно антибольшевистское правительство не было признано союзниками, что позволило им отказаться от принятых на себя обещаний военной, и материальной помощи. Ограниченные контингенты их войск, призванные усилить блокаду советской России, наносили удар по престижу антибольшевистских правительств. Иностранное вмешательство в ограниченных масштабах, не способное переломить ход Гражданской войны, давало в руки большевиков мощный пропагандистский козырь. Они могли представить свою борьбу как справедливую, патриотическую, а действия генералов как антинациональные. Тем самым вожди западной демократии, вольно или невольно, усиливали диктатуру большевиков.

И все же не это решало судьбу антибольшевистского сопротивления. Государственный переворот Колчака 18 ноября 1918 г. привел к катастрофическим последствиям, когда вчерашние союзники эсеры повернули оружие против белых правительств. В итоге у лидеров Белого движения осталась очень узкая социальная опора, с которой победить в Гражданской войне было невозможно. Благодаря кардинальному изменению в расстановке политических сил и образованию общего социалистического фронта, неминуемое поражение обернулось для большевиков победой над белыми армиями и интервентами.

Следующий сокрушительный удар большевики нанесли своим союзникам эсерам, без которых победа была вряд ли возможна. Сохранив верность идеям демократического немарксистского социализма как альтернативе большевистским планам преобразования страны, они стали опаснее Колчака и Деникина.

Для политической дискредитации своих союзников — эсеров — большевики использовали Омский судебный процесс в мае 1920 г. над членами колчаковского правительства. В зале

суда прозвучали грозные обвинения их в прямой поддержке Колчака и соучастии в его преступлениях против трудового народа, хотя эсеровский Политцентр поднял вооруженное восстание в Иркутске, арестовал колчаковское правительство, передал Верховного правителя вместе с золотым запасом большевикам. Это была репетиция следующего процесса, когда на скамье подсудимых оказались члены ЦК партии социалистов-революционеров.

Выполняя ленинский план «доликвидации» партий эсеров и меньшевиков, в начале 1922 г. были проведены массовые аресты среди эсеров., Верховный трибунал ВЦИК заседал с 8 июля по 7 августа 1922 г. и приговорил 12 человек к расстрелу, 11 — к различным срокам заключения. ВЦИК отложил исполнение приговора, превратив вождей партии эсеров в заложников. На этом закончилась история самой крупной социалистической партии, пытавшейся и с оружием в руках, и политическими методами бороться за народовластие и демократический социализм в России. Ликвидация политического инакомыслия укрепила монополию на социальную истину одной партии большевиков, утвердила приоритет безальтернативности развития страны.

История свидетельствует: из кровавых смут всегда вырастают деспотические режимы и властители. Безграничная власть большевизма и тирания Сталина стала неизбежной после Гражданской войны, по масштабам взаимоистребления не имеющей себе равных. Сталинская модель политической системы, беспощадная к человеку, функционировала так долго и оказалась столь прочной, что рухнула лишь вместе с развалом СССР и распадом КПСС. Та модель общественного развития, которая именовалась партийными идеологами «развитым» или «реальным» социализмом, обнаружила свою неэффективность и лишилась широкой социальной опоры. Легкость, с которой большинство из 20 млн. коммунистов после августа 1991 г. расстались с партийными билетами, подтверждают, что они давно утратили веру в брежневский «зрелый социализм» и горбачевскую «перестройку».

Августовские события часто называют антитоталитарной революцией, победой демократии над коммунизмом. На самом же деле страна вступила в полосу развития, в основном авторитар-

ного толка, которая лишь прикрывалась фразеологией демократии. В этот переломный момент нашей истории на политической сцене оказались люди, закаленные в номенклатурных сражениях за власть и привилегии, но не обладавшие широким кругозором и способностями крупных политических деятелей. Сокрушительный удар по генофонду страны, нанесенный кровопролитнейшими войнами и сталинскими репрессиями, подготовил почву, на которой выросли сказочные оборотни, вдруг превратившиеся в «реформаторов и демократов». Наследники большевистских комиссаров, члены и кандидаты в члены Политбюро, добиваясь полного разрушения ранее существовавших политических и экономических структур, культурных традиций и опыта, продемонстрировали перелицованный большевизм под знаком уже другой, антимарксистской идеологии. От догм коммунизма они быстро перешли к догмам антикоммунизма¹.

В стране утвердились такие формы и способы управления народом, которые были далеки от демократических идеалов. Семья президента, включавшая не только родственников, но и фаворитов, возродила дворцовые традиции, уходящие в глубины веков. Жажда неограниченной власти определяла направление президентского марафона на протяжении почти десятилетия. В Беловежской пуще Б.Н.Ельцин играл первую скрипку. Удар по М.С.Горбачеву, основному сопернику на пути к единовластию, разрушил и СССР со всеми трагическими последствиями для его народов. Расстрел Парламента в 1993 г. окончательно открыл шлагбаум ельцинскому авторитарному режиму. Грабительская приватизация, проведенная правительствами Е.Т.Гайдара и В.С.Черномырдина, привела к разгулу взяточничества и мошенничества, обогатила кучку олигархов, сопровождалась обнищанием большинства населения и завершилась деградацией экономики.

Сами титаны разрушения не признают этих очевидных фактов. Ельцин в своей последней книге «Президентский марафон» потемкинские макеты, изготовленные кремлевскими умельцами, выдает за стабильную, процветающую, идущую по пути демократии Россию. Но не напоминает ли это взгляд через замутненные временем старые очки? Если же попытаться взглянуть непредвзято на результаты президентского марафона: то перед нами предстанет совсем другая картина. Ельцинизм

как «демократическая» альтернатива советского социализма потерпел историческое поражение.

Сегодня много говорят и пишут о крахе коммунизма. Жизнь показала, что нельзя связывать будущее человечества с какой-либо моделью общества, какими бы великими качествами она не обладала. Конструирование модели неизбежно ведет к насилию. Тот вариант коммунизма, который существовал у нас, не имеет никаких шансов на будущее в ходе прогрессивного развития человечества. Но подобная же категоричность в оценке перспектив коммунистической идеи, жизненности коммунизма как политического движения вряд ли реалистична. Коммунизм многомерен и не может отождествляться с тоталитарными режимами, существовавшими в СССР и странах Восточной Европы. Если его понимать как систему принципов, призывающих к ликвидации бедности, социального неравенства, установлению демократии и приоритета человеческих ценностей, то коммунизм по-прежнему пользуется поддержкой миллионов. Призрак коммунизма уже не бродит по Европе, но его история далека от своего конца. Можно заменить старую номенклатуру новой, развалить уникальнейшее государство мира, но нельзя стереть часть собственной и мировой истории. В пьесе, которую мы сами сочиняем и играем, занавес не упадет никогда...

¹ Более подробно см.: Соколов А.К., Тяжелникова В.С. Курс советской истории: 1941-1991. М., 1999. С. 383-411.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АКТИВНЫЕ УЧАСТНИКИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ*

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878-1943). Высшее образование получил в Германии. В 1905 г. входил от партии эсеров в Петербургский Совет рабочих и солдатских депутатов и был членом Исполнительного комитета. Был сослан в Обдорск, откуда бежал за границу. В 1907-1917 гг. жил в Париже, занимаясь литературной работой. Примакал к правому крылу в партии эсеров. Во время войны занимал оборонческую позицию. После Февральской революции вернулся в Россию, вошел в Совет крестьянских депутатов и был избран председателем Совета. В коалиционном правительстве А.Ф.Керенского с июля месяца 1917 г. занял пост министра внутренних дел. Был выбран в Учредительное собрание. После Октябрьской революции участвовал в различных антибольшевистских организациях и как член «Союза спасения» отправился на восток. На Уфимском государственном собрании был избран председателем Временного Всероссийского правительства (Директории). Во время Омского переворота был арестован группой офицеров вместе с заместителем члена Директории А.А.Аргуновым, членом В.М.Зензиновым и руководителем Государственной милиции К.Ф.Роговским. 22 ноября все указанные лица высланы из Омска за границу.

* Более подробно см.: Россия антибольшевистская: из белогвардейских и эмигрантских архивах. М., 1995. С. 388-433.

Агоев Константин Константинович (1889-1971). Сын урядника. Окончил реальное училище принца Ольденбургского, Алексеевское военное училище (1906). Участник I-й мировой войны, последний чин и должность – полковник, командир полка. В Вооруженных силах юга России (ВСЮР) командир Терско-Астраханского полка, начальник I-й Терской казачьей дивизии (генерал-майор) в Русской армии Врангеля – начальник дивизии, с которой эвакуировался на остров Лемнос. В эмиграции – атаман Терского казачьего войска.

Алексеев Михаил Васильевич (1857-1918). Генерал-адъютант (1915), участник русско-японской и I-й мировой войны. Начальник штаба и командующий фронтом, начальник штаба Верховного Главнокомандующего (август 1915-март 1917), Верховный Главнокомандующий (март-май 1917). С 30 августа 1917 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего А.Ф.Керенского. После Октябрьской революции бежал в Новочеркасск, где в ноябре 1918 г. создал «Алексеевскую организацию», явившуюся ядром Добровольской Армии (был ее верховным руководителем). В июне 1918 г. выдвигался «Национальным центром» кандидатом в военные диктаторы. С августа 1918 г. председатель Особого совещания. Умер 8 октября 1918 г. в Екатеринодаре.

Алексинский Григорий Алексеевич (1879-?). Социал-демократ (в 1905-1907 гг. большевик), депутат II Государственной Думы. В годы I-й мировой войны оборонец. В июле 1917 г. выступил с обвинением В.И.Ленина и других руководителей большевиков как агентов германского генштаба. С 1918 г. эмигрант, сотрудничал в газетах «Общее дело» и «Русская газета».

Андогский Алексей (по другим данным – Александр) **Иванович** (1863-1931). Генерал-майор, был участником делегации по заключению Брест-Литовского мирного договора, начальником эвакуированной в Казань Советской военной академии. После захвата Казани чехословаками и Народной армией Комуча в августе 1918 г. продолжал службу у белых, был I-м генерал-квартирмейстером при Верховном Главнокомандующем адмирале Колчаке. Эмигрировал в Китай.

Анненков Борис Владимирович (1869-1927). Участник I-й мировой войны, хорунжий. В марте 1918 г. прибыл с отрядом Сибирской казачьей дивизии в Омск и поднял мятеж против Советской власти, но был разбит. В июне-июле 1918 г. сформировал партизанский отряд (до 10 тыс. чел.), который с осени 1918 г. действовал в Западной Сибири и Казахстане, а с января 1919 г. в Семиречье. При подавлении крестьянских выступлений проявил особую жестокость. В конце 1919 г. назначен А.В.Колчаком командующим отдельной Семиреченской армией, которая в марте-апреле 1920 г. была разбита, с остатками армии перешел в Китай. В 1926 г. на территории СССР был арестован, осужден Верховным судом.

Аргунов Андрей Александрович (1866-1939). Принимал активное участие в деятельности партии эсеров, начал издание «Революционной России». В Учредительное собрание избран по соединенному списку партии эсеров и Совета Крестьянских депутатов Смоленской губернии. Один из организаторов «Союза возрождения». В Самарский Комуч не вступил. Во время Омского переворота был арестован и выслан из Сибири, находился на территории Вооруженных сил Юга России, откуда был выслан генералом Деникиным. Жил в эмиграции в Праге.

Артемов Василий Васильевич (1860-1921). Генерал-лейтенант, участник I-й мировой войны (командир дивизии и корпуса). В 1918 г. командующий I Самарским стрелковым корпусом, затем командующий войсками Иркутского военного округа.

Астров Николай Иванович (1868-1934). Окончил юридический факультет Московского университета. В 1894 г. был избран Московским столичным мировым судьей. Член ЦК партии кадетов. Был одним из организаторов Всероссийского союза городов. В 1916 г. избран на должность московского городского головы, в 1917 г. избран в Учредительное собрание. Член «Союза возрождения». По соглашению Национального центра с Союзом возрождения назначен кандидатом в члены Директории, от вступления в Директорию отказался. Член Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами юга России, председатель Малого присутствия Особого совещания. Эвакуировался в Константинополь из Новороссийска 13 марта 1920 г., откуда переехал в Прагу.

Барк Петр Львович (1869-1937). Окончил С.-Петербургский университет (1892), в 1914-1917 гг. министр финансов и главноначальствующий над отдельным корпусом пограничной стражи, член Государственного совета. В 1919 г. зав. финансово-экономическим отделом при Русском политическом совещании в Париже. Затем был директором Англо-Континентального банка, вице-председателем Англо-Чехословацкого банка. В 1935 г. принял подданство Великобритании.

Батюшкин Николай Степанович (1874-1957). Генерал-майор, во время I-й мировой войны председатель комиссии по расследованию злоупотреблений в тылу. В эмиграции член РОВС, член суда чести, член общества русских офицеров генерального штаба в Югославии (вышел из общества в 1923 г.).

Бахметев Борис Александрович (1880-1951). Инженер-гидравлик, кадет. В 1916 г. как член закупочной комиссии находился в США. В 1917 г. назначен временным правительством Послом России в США. Исполняя обязанности до 1922 г. Один из создателей Русского политического совещания в Париже, входил в его состав и в Совет послов. В 1934 г. Бахметев принял американское гражданство, стал членом республиканской партии, профессором Колумбийского университета.

Безобразов Сергей Васильевич (1857-1936). Окончил в 1881 г. юридический факультет С.-Петербургского университета, служил статс-секретарем Государственного Совета, управляющим Отделением Свода Законов. В 1916 г. назначен сенатором. В Особом совещании при Деникине – управляющий делами. Затем в эмиграции, умер в Югославии.

Белявский (правильно Белевский А.С., псевдоним Белоусов) (1859-1919). Сотрудник «Русских ведомостей», член кадетской партии, член «Национального центра», в Екатеринбурге издавал газету «Отечественные ведомости», председатель Комиссии по выборам в Учредительное собрание колчаковского правительства.

Бермондт-Авалов Павел Рафалович (1877-1974). Генерал-майор (1918). Участник I-й мировой войны. В 1919 г. возглавлял Особый Русский корпус, сформированный в Германии из русских военнопленных и немецких добровольцев. С июня 1919 г. находился в Латвии совместно с германскими частями фон дер Гольца, пытался создать марионеточное Балтийское герцогство. В сентябре вошел в Русский западный правительственный совет, стал затем командующим Западной армией. Отказался выступать совместно с Юденичем, вошел в конфликт с правительствами Латвии и Эстонии. В декабре 1919 г. эмигрировал.

Бернацкий Михаил Васильевич (1876-1944, по другим данным 1947). Финансист, бывший радикальный демократ. Министр финансов Временного правительства с сентября 1917 г. Член Особого совещания, при Деникине начальник управления финансов, затем министр финансов у Врангеля. Позднее в эмиграции.

Билимович Александр Дмитриевич (1876-1963). Профессор Киевского университета. Член Особого совещания при Деникине, начальник управления земледелия. Затем в эмиграции (Югославия, Германия, с 1948 – США).

Бискупский Василий Викторович (1878-1945). Генерал-майор, участник I-й мировой войны. В 1918 г. – генеральный хорунжий Украины, подчиненный гетмана Скоропадского. Затем в эмиграции в Германии. Формировал из русских военнопленных отряды в помощь белогвардейским войскам. В 1920 г. начальник разведки в Русской армии П.Н.Врангеля. В 20-е гг. входил в созданное фон дер Гольцем общество «Балтикум», позже «Консул», «Строитель» (организация финансировала нацистскую партию). В начале 30-х гг. руководитель «Российского национал-социалистического движения» в Германии.

Болдырев Василий Георгиевич (1875-1933). Генерал-лейтенант. В 1903 г. окончил Академию генштаба, откуда был назначен обер-офицером для особых поручений при штабе IV корпуса. С 1911 г. Болдырев преподавал в Академии Генерального штаба. Участник русско-

японской и I-й мировой войн. В 1918 г. вступил в «Союз возрождения», по поручению которого уехал на восток. Был главнокомандующим Временного Всероссийского правительства (Директории). После Омского переворота выехал в Японию. В конце 1923 г. обратился во ВЦИК с просьбой о помиловании, был амнистирован и в 1926 г. работал в плановой комиссии в Новониколаевске. Коллегией ОГПУ приговорен к расстрелу 27 августа 1933 г. по фальсифицированному обвинению в «шпионской, вредительской и диверсионной деятельности» в составе «контрреволюционной, повстанческой организации «Белогвардейский заговор».

Боровский Александр Александрович (1877-1938). Окончил Павловское военное училище (1896). Военную академию (1903, два класса). Участник русско-японской и I-й мировой войн. Последний чин и должность — полковник, командир 8-го Сибирского «Студенческого батальона» (генерал-майор), в ВСКЮР начальник 2-й пехотной дивизии, командир Крымско-Азовского корпуса (1918-нвч. 1919). Эмигрант.

Брушвиц Иван Михайлович (?). По образованию горный инженер. В Учредительное собрание избран по соединенному списку партии эсеров и Совета крестьянских депутатов Самарской губернии. Был одним из наиболее активных участников Самарского переворота. В Комуچه был товарищем председателя и управляющим ведомством финансов. Вошел в Комитет для ликвидации Омского переворота, учрежденный Съездом членом Учредительного собрания. С первым чешским эшелонном прибыл в Прагу. Стоял с 1922 г. во главе объединения земских и городских деятелей («Пражский Земгор»). Скончался не ранее 1938 г.

Букретов Н.А. (?). Генерал-майор, в 1918 г. начальник 2-й Кубанской пластуной бригады, с декабря 1919 г. — атаман Кубанского войска, позднее — эмигрант.

Будберг Алексей Павлович (1869-1945). Генерал-лейтенант Генерального штаба, помощник военного министра и начальника штаба Верховного Главнокомандующего адмирала Колчака, член Государственного экономического совещания. Затем в эмиграции, до 1939 г. начальник I Североамериканского отдела Русского общевойскового союза (РОВС).

Буревой Клим (наст. — Сопляков Константин Степанович) (1888-1934). С 1905 г. член партии эсеров. В 1917 г. председатель Воронежского Совета рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, сотрудник «Дела народа», член Учредительного собрания. Позднее входил в состав Украинской Центральной Рады и Самарского Комуча. С июня 1919 г. вышел из ЦК. В феврале 1922 г. подписал заявление меньшинства партии эсеров с призывом к самороспуску этой организации. В дальнейшем занимался с/х кооперацией и кустарной промышленнос-

тью. В 1922 г. арестован, выслан, затем обвинен в подготовке террористических актов и расстрелян.

Веденяпин Михаил Александрович (1879-1938). Эсер, был арестован и сослан в Иркутскую губернию. Член Учредительного собрания. Член ЦК партии эсеров с ноября 1917 г. В Самарском Комуче — управляющий ведомством иностранных дел. После Омского переворота подписал телеграмму Совета управляющих ведомствами с протестом. Осужден Верховным трибуналом при ВЦИК в июле 1922 г. к 10 годам лишения свободы. По амнистии срок сокращен до 5 лет. Затем последовала цепь арестов и ссылок. Верховным судом СССР в 1937 г. приговорен к 10 годам лишения свободы. Умер 12 ноября 1938 г. в Восточном лагере Хабаровского края.

Вильсон Томас Вудро (1856-1924). 21-й президент США (1913-1921).

Виноградов Владимир Александрович (1874-?). В 1889 г. окончил Московский университет. Занимался экономическими науками. Служил в Астраханском окружном суде, с 1904-1907 гг. в Астрахани был присяжным поверенным. Был членом Государственной думы III и IV созывов. Во время Февральской революции был комиссаром комитета Государственной думы. При Временном правительстве был товарищем министра путей сообщения. Член ЦК партии Народной свободы. Член Директории. Во время Омского переворота занял нейтральную позицию.

Войцеховский Сергей Николаевич (1883-1951). Генерал-лейтенант (1919). Окончил академию Генштаба (1912). Участник I-й мировой войны. В 1917-1918 гг. — нач. штаба I-й чехословацкой дивизии, один из организаторов мятежа Чехословацкого корпуса. Летом 1918 г. командовал Челябинской группой чехов, позднее войсками на Бугульминском и Уфимском направлениях, в конце мая 1919 г. — 2 Украинским корпусом. С июля 1919 г. командовал 2 колчаковской армией. В конце января-февраля 1920 г. возглавлял колчаковские войска, отступавшие за Байкал, затем служил у атамана Г.М.Семенова. Эмигрировал в Чехословакию. В эмиграции — командующий Моравским военным округом, с января 1936 г. — Чешским военным округом, до этого командовал бригадой и дивизией в чехословацкой армии.

Вологодский Петр Васильевич (1863-1928). Юрист, присяжный поверенный в Иркутске и Томске, старший председатель Омской судебной палаты. Был избран членом II Государственной думы от прогрессистов г. Томска. С января 1918 г. занимал пост министра иностранных дел в правительстве П.Я.Дербера. В июне 1918 г. становится председателем и министром иностранных дел Временного Сибирского правительства. В ноябре 1918 г. возглавил Совет Министров Уфимской Директории. А с 19 ноября 1918 г. премьер-министр правительства адмирала А.В.Колчака, входил в Совет Верховного правителя. С нояб-

ря 1919 г. П.В.Вологодский – председатель Комиссии по выборам в Учредительное собрание. Затем эмигрировал в Шанхай.

Вольский Владимир Казимирович (1876-1937). Дворянин. После окончания гимназии поступил на математический факультет Московского университета, но со второго курса прекратил учебу. В 1897 г. стал народником, а в 1903 г. вступил в партию эсеров. Шесть раз арестовывался царскими властями и заключался в тюрьму. В 1917 г. был избран товарищем председателя Тверского губернского Совета крестьянских депутатов, председателем земской управы, членом Учредительного собрания. В 1918 г. – председатель Комуча и съезда членов Учредительного собрания. После Омского переворота и разгона Директории Колчаком, он выступил за союз с большевиками в вооруженной борьбе с белыми. Активно боролся против выжидательной тактики ЦК партии эсеров в схватке белых и красных. В августе 1918 г. создал оппозиционную группу «Народ», получившую позже название «Меньшинство партии социалистов-революционеров» (МПСР). 25 февраля 1922 г. Вольский был арестован в Москве, а 2 декабря 1922 г. комиссия по административным высылкам на основании сфабрикованного обвинения – «за руководящее участие в белоэсерской организации «Политический центр», поставившей своей целью возглавить кронштадское восстание и организовать во всероссийском масштабе восстание против Советской власти», без суда приговорила его к трем годам Архангельского концлагеря. Потом были и другие приговоры, а в 1937 г. он был расстрелян.

Востротин Степан Васильевич (1864-после 1932). Кадет, депутат III и IV Государственной думы от Енисейской губернии, член Экономического государственного совещания при правительстве Колчака.

Галкин Николай Александрович (?). В 1917 г. был в чине штабс-капитана. В Самарском перевороте играл крупную роль, стоял во главе офицерской организации. После переворота занял пост управляющего военным ведомством Самарского Комуча и был произведен в генерал-майоры. После Омского переворота был в Уральском корпусе и в армии генерала Белова.

Гендельман-Грабовский Михаил Яковлевич (1879-1938). Присяжный поверенный, литератор. Революционной деятельностью занимался с 1899 г. В 1901 г. за участие в студенческих беспорядках сдан в солдаты. На 3 и 4 съездах партии эсеров избирался членом ЦК. Делегат II съезда Советов. Член Самарского Комуча (товарищ председателя). Один из 12 смертников большого эсеровского процесса 1922 г. Смертная казнь заменена ссылкой на «хозработы». 8 февраля 1937 г. вновь арестован и приговорен военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу 3 октября 1938 г. Приговор исполнен в тот же день.

Гендерсон Артур (1863-1935). Английский политический деятель, один из правых лидеров Лейбористской партии, в 1911-1934 гг. ее секретарь. После Февральской революции был направлен в Петроград, чтобы активизировать участие России в войне. В 1924 г. – министр внутренних дел, в 1929-1931 гг. – министр иностранных дел. В 1932-1933 гг. – председатель Международной конференции по разоружению. Нобелевская премия мира (1934).

Герасимов Александр Михайлович (1876-1931). Вице-адмирал, начальник Морского управления Особого Совещания при Деникине. Затем в эмиграции – директор Морского корпуса в Бизерте.

Гинс Георгий Константинович (1887-1971). Кадет, профессор Омского Политехнического и Омского сельскохозяйственного институтов, управляющий делами Временного Сибирского правительства. При Колчаке был товарищем министра иностранных дел и товарищем министра народного просвещения, председателем Государственного экономического совещания, управляющим делами Совета Министров и канцелярии Верховного правителя. С 1920 г. – в эмиграции, преподавал в Харбинском юридическом институте.

Головин Николай Николаевич (1875-1944). Генерал-лейтенант, автор многих военно-научных трудов. С сентября 1919 г. – начальник штаба Верховного Главнокомандующего адмирала Колчака. С 1920 г. – в эмиграции.

Гольц Рюдигер фон дер (1865-1946). Граф, германский генерал. Участник I-й мировой войны, с февраля 1918 г. командовал I-й пехотной дивизией, подавлявшей революцию 1918 г. в Финляндии. С января 1919 г. командующий германскими оккупационными войсками в Прибалтике. 22 мая захватил Ригу, в июне, по соглашению с правительством буржуазной Латвии, вторгся на территорию Литвы, но был вынужден отступить. 21 сентября заключил договор с «Русским западным правительственным советом», ввел германские войска в состав т.н. Западной армии. В октябре по настоянию держав Антанты отозван в Германию.

Гаттенберг Александр Николаевич (1860[61]-1939). Кадет, Томский губернский комиссар. В правительстве Колчака – управляющий Министерством внутренних дел, входил в состав Совета Верховного правителя. С 1922 г. с эмиграции в США.

Гоц Абрам Рафаилович (1882-1940). Один из лидеров партии эсеров. В 1907 г. приговорен к 8 годам каторги. После Февральской революции член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Председатель ВЦИК, избранного I Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов. Выступил против захвата власти большевиками, входил в «Комитет спасения родины и революции». Осужден по процессу правых эсеров в 1922 г., смертная казнь заменена

на 5 годами, после амнистии находился на хозяйственной работе. В 1939 г. осужден на 25 лет.

Грацианов Александр Алексеевич (1865-?). Товарищ министра внутренних дел правительства Колчака, с августа 1919 г. — городской голова г. Томска, в начале 1920 г. арестован и осужден ревтрибуналом к пожизненному заключению.

Гришин-Алмазов Алексей Николаевич (1865-1919) (настоящая фамилия Гришин). Офицер царской армии. После Октябрьской революции принимал участие в организации подпольных монархических групп в Сибири. Летом 1918 г. Сибирским временным правительством произведен в генералы и назначен военным министром. После одного из выступлений перед союзниками, которых обвинил в неказании помощи, уволен, предпринял неудачную попытку совершить государственный переворот, затем уехал к Деникину, некоторое время — одесский градоначальник. При попытке перейти фронт и вернуться в Сибирь был задержан большевистскими войсками и застрелился.

Гуревич Виссарион Яковлевич (1876 — не ранее 1939). Окончил Петербургский университет. С 1909 г. присяжный поверенный. Член Государственной думы. В 1915 г. сослан в Сибирь на 5 лет. В марте 1917 г. избран заместителем председателя Красноярского комитета общественной безопасности, потом членом Исполнительного комитета местного совета. Был председателем Красноярского и Ачинского крестьянских съездов. На первом Всероссийском крестьянском съезде был избран товарищем председателя. Входил в комиссию апо выборам в Учредительное собрание. С конца июля по октябрь 1917 г. был товарищем министра внутренних дел Временного правительства. В Учредительное собрание избран по соединенному списку партии эсеров и Совета крестьянских депутатов Тульской губернии. Вступил в Самарский Комуч и был представителем Комуча при Сибирской областной думе. Входил в Бюро Уфимского государственного совещания. В 1921-1922 гг. — председатель Пражского Земгора, до мая 1928 г. — управляющий Русским заграничным Архивом в Праге.

Гучков Александр Иванович (1862-1936). Крупный капиталист, организатор и лидер партии октябристов («Союза 17 октября»). С марта 1910 г. — председатель III Государственной думы. Во время I-й мировой войны — председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого Совещания по обороне. После Февральской революции — военный и морской министр в первом составе Временного правительства. Участвовал в организации «корниловского мятежа» в августе 1917 г. После Октябрьской революции — противник советской власти. В 1919 г. был отправлен командованием ВСЮР во главе специальной миссии в Париж для переговоров об оказании помощи белым армиям. В эмиграции проживал в Германии и Франции.

Деникин Антон Иванович (1872-1947). Генерал-лейтенант (1916). В апреле-мае 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, затем командовал войсками Западного и Юго-Западного фронтов. Участник мятежа Корнилова, с которым бежал из Быховской тюрьмы на Дон. Один из организаторов Добровольческой армии, с 13 апреля 1918 г. ее командующий. С января 1919 г. — Главнокомандующий вооруженными силами Юга России (ВСЮР). 4 января 1920 г. указом Колчака объявлен «Верховным правителем», 4 апреля 1920 г. объявил своим преемником на посту главнокомандующего Врангеля и эмигрировал за границу. Проживал в Англии, Бельгии, Венгрии, Франции, США.

Дербер Петр Яковлевич (1888-1929[?]). Представитель правого крыла партии эсеров. В 1917 г. член «Сибирской областной думы». В декабре в Томске вошел в «Сибирский областной совет». С января 1918 г. — глава «Временного Сибирского правительства». На процессе членов ЦК партии эсеров в 1922 г. выступал как свидетель.

Дитерихс Михаил Константинович (1874-1937). Генерал-лейтенант (1919), участник русско-японской и I-й мировой войн. Генерал-квартирмейстер Штаба Верховного Главнокомандующего с сентября 1917 г., начальник штаба Главнокомандующего с ноября 1917 г., начальник штаба Чехословацкого армейского корпуса с января 1919 г. По поручению А.В.Колчака возглавлял следственную комиссию по делу о расстреле царской семьи. С июля 1919 г. командовал Сибирской армией, затем войсками Восточного фронта, одновременно с августа до декабря 1919 г., являясь военным министром Омского правительства. В июне 1922 г. избран Земским собором во Владивостоке единоличным правителем и воеводой земской рати. В октябре эмигрировал. Умер в Шанхае.

Довгирт Стефан Агатонович (1871-?). В 1908 г. полковник, окончил Академию Ген. Штаба, служил в Кушке в I сибирской пехотной дивизии, начальник штаба 8 сибирской пехотной дивизии. Командовал офицерским отрядом (около 800 чел.) Правого центра в Москве весной 1918 г.

Донской Д.Д. (1881-1929). Врач во время I-й мировой войны. К 1917 г. член ЦК партии эсеров. После февраля 1917 г. избран в Совет солдатских депутатов в Тифлисе. С 25 мая — председатель Президиума Краевого Совета Кавказской армии, комиссар фронта. В ноябре-декабре 1917 г. входил в состав Закавказского комиссариата, возглавлял военное ведомство. После января 1918 г. руководил военной комиссией партии эсеров. Арестован не позднее осени 1919 г. приговор приостановлен. После нескольких лет заключения сослан в Нарымский край. Осужден по эсеровскому процессу 1922 г. к смерти.

Драгомиров Абрам Михайлович (1868-1956, по другим источникам умер в декабре 1955 г. во Франции). Генерал от кавалерии, окончил Военную Академию (1893), участник I-й мировой войны, главнокомандующий армиями Северного фронта. До августа 1919 г. первый председатель Особого Совещания при Деникине. Во ВСЮР – командующий группой войск в районе Киева и главнокомандующий Киевской области. В эмиграции – активный деятель РОВСа.

Дутов Александр Ильич (1879-1921). Генерал-лейтенант. Атаман Оренбургского казачьего войска с сентября 1917 г., участник I-й мировой войны. После Февральской революции избран председателем Союза казачьих войск, в июне 1917 г. возглавил Всероссийский казачий съезд. В ноябре 1917 г. создал в Оренбурге «Комитет спасения Родины и революции», арестовал членов ВРК, захватил власть в городе. В январе 1918 г. отряды Красной гвардии заняли Оренбург. Член Учредительного собрания. В 1918-1919 гг. командовал Оренбургской армией Колчака. 7 февраля убит в Китае.

Жанен Пьер Шарль Морис (1862-?). Французский генерал, главнокомандующий союзными войсками и глава французской миссии в Сибири.

Замен Конрад Евгеньевич (?). Финансовый представитель Главнокомандующего ВСЮР в Лондоне. В эмиграции член Лондонского общественного комитета помощи голодающим в России (1921) и член русского финансово-промышленно-торгового союза в Париже.

Зеелер Владимир Феофилович (1897-?). Присяжный поверенный, кадет, в 1917 г. градоначальник в Ростове-на-Дону, кандидат в Учредительное собрание по Ставропольскому избирательному округу, в 1919 г. – член Всероссийского национального центра и начальник отдела пропаганды при этом центре, министр внутренних дел в правительстве Деникина (январь 1920), в эмиграции – представитель Всероссийского земского союза, член исполнительного бюро Центрального объединенного комитета уполномоченных земского городского комитета в Польше.

Зензинов Владимир Михайлович (1880-1953). Высшее образование получил за границей. Принимал активное участие в деятельности партии эсеров. С 1905 г. трижды был в ссылке. Во время I-й мировой войны вел оборонческую политику. 3 и 4 съездами партии эсеров избран членом ЦК. В 1917 г. член исполкома Петроградского Совета, один из редакторов эсеровской газеты «Дело народа». Член Учредительного собрания и Комуца. Во время Омского переворота (18 ноября 1918 г.) был арестован и выслан из Сибири как член Директории. С ноября 1918 г. находился в эмиграции.

Знаменский Сергей Филимонович (?). Окончил Петербургский университет, был преподавателем в средней школе. Принимал участие в

организации Всероссийского учительского союза. Член трудовой группы в Государственной думе. Был избран в Учредительное собрание. После избрания Директории был главноуполномоченным Всероссийского временного правительства на территории Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания.

Иванов-Ринов Павел Павлович (настоящая фамилия Иванов, Ринов – кличка в тайной организации, готовившей переворот в Сибири весной 1919 г.). Полковник царской службы, участник I-й мировой войны. Начальник уезда в Уральске, помощник военного губернатора. После Октябрьской революции 1917 г. – участник ряда подпольных организаций. Военный министр во Временном Сибирском правительстве, атаман Сибирского казачьего войска при Верховном правителе, затем командовал конной армией (генерал-лейтенант 1919 г.).

Иностранцев Михаил Александрович (1872-1938). Генерал-майор, участник I-й мировой войны, профессор Николаевской военной академии. 1919 г. – генерал для поручений и генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем адмирале Колчаке. В 1920 г. эмигрировал в Чехословакию, где руководил кружком по изучению истории I-й мировой войны при Русском университете в Праге. Автор ряда трудов по военной истории и стратегии.

Каледин Алексей Максимович (1861-1918). Руководитель казачьего антибольшевистского движения на Дону в 1917-1918 гг., генерал от кавалерии. Из дворян. Окончил Академию генерального штаба (1889). Участник I-й мировой войны, командующий армией. В июне 1917 г. на Большом войсковом круге избран атаманом Донского казачества. После октября заявил о непризнании власти большевиков и провозгласил Донскую область независимой. Когда советские войска подошли к Новочеркаску, Каледин 29 января сложил свои полномочия, в тот же день застрелился.

Калмыков Иван М. (?-1920). Атаман Уссурийского казачьего войска. Создал отряд в полосе отчуждения КВЖД и с марта 1918 г. действовал против советской власти на Гродековском направлении. Летом 1918 г. его отряд захватил Хабаровск. В феврале 1920 г. перед занятием Хабаровска партизанами Калмыков бежал а Манчжурию, захватив 36 пудов золота. В Фукдине его отряд был разоружен китайскими войсками, сам он арестован и расстрелян.

Каппель Владимир Оскарович (1883-1920). Генерал-лейтенант (1919). Окончил Академию генштаба в 1913 г. Участник I-й мировой войны, полковник. В июне-сентябре 1918 г. командовал отрядом, а затем группой войск Комуца на правом берегу Волги. Командир I Волжского корпуса в армии Колчака. С ноября 1919 г. командовал 3 Армией, в декабре назначен главнокомандующим Восточного фронта. Погиб 25 января 1920 г. при отступлении к Иркутску.

Катанаев А.В. (1889-?). Войсковой старшина Сибирского казачьего войска, командир Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка. Принимал участие в аресте членов Директории во время переворота 18 ноября 1918 г. По суду оправдан. Произведен в полковники. В 1919 г. командир бригады.

Керенский Александр Федорович (1881-1970). Видный политический деятель, эсер. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. Во время Февральской революции член Временного комитета Государственной думы, затем товарищ председателя Петроградского совета. Министр юстиции во Временном правительстве. В 1 и 2 коалиционном Временном правительстве (май-сентябрь) — военный и морской министр, а с 8 мая также министр-председатель, с 30 августа — Верховный главнокомандующий. В сентябре возглавил «Директорию». Возглавил антибольшевистский мятеж в октябре 1917 г. С 1918 г. эмигрант, один из лидеров «Внепартийного демократического объединения».

Кишкин Николай Михайлович (1864-1930). Один из лидеров партии кадетов, врач. Министр государственного призрения Временного правительства. Накануне Октябрьской революции — «диктатор» Петрограда. В 1919 г. активный участник «Тактического центра». Последние годы жизни работал в Наркомздраве.

Клафтон Александр Константинович (?-1920). Кадет, в 1918-1919 гг. возглавлял восточный отдел партии в Сибири. Член Государственного Экономического совещания, директор-распорядитель правления акционерного общества Русского печатного дела. Расстрелян по приговору Чрезвычайного ревтрибунала в ночь на 3 июня 1920 г.

Клемансо Жорж (1841-1929). Французский политический и государственный деятель. С ноября 1917 г. по январь 1920 г. председатель Совета Министров и военный министр. Один из организаторов блокады Советской России и интервенции.

Климушкин Прокопий Диомидович (1887[88]-после 1930). Эсер, член Комуча, управлял ведомством внутренних дел. Председатель Самарского губернского комитета партии эсеров. В эмиграции управлял делами народного университета в Праге.

Ключников Юрий Васильевич (1886-1938) — профессор международного права Московского университета, член партии кадетов, управляющий министерством иностранных дел правительства адмирала А.В.Колчака (указ о назначении 19 ноября 1918 г.). В 1919 г. уехал из России за границу. Являлся членом Пражского комитета партии кадетов. Принимал участие в издании сборника «Смена вех» и газеты «Накануне». В 1923 г. возвратился в Советскую Россию. Занимался научной и педагогической деятельностью. Расстрелян.

Колчак Александр Васильевич (1873-1920). Адмирал с ноября 1918 г., окончил Морской корпус (1894), полярный исследователь, участник русско-японской и I-й мировой войн, в 1916-1917 гг. командующий Черноморским флотом. 4 ноября 1918 г. вошел в состав Совета Министров, сформированного Директорией, как военный и морской министр. В результате переворота 18 ноября и свержения Директорией стал Верховным правителем Российского государства. После ряда успехов армия Колчака стала терпеть поражения, а в декабре 1919 г. разгромлена окончательно. 15 января 1920 г. на ст. Инокентьевская около Иркутска выдан чехами эсеровскому «Политическому центру», затем передан большевистскому Иркутскому ВРК, по постановлению которого расстрелян 7 февраля на берегу р. Ушаковка.

Колокольцов Василий Григорьевич (1866[?]-1934). Бывший председатель Волчанской уездной управы и Харьковской губернской управы. Министр земледелия в правительстве гетмана Скоропадского, начальник управления земледелия в Особом Совещании при Деникине. Затем в эмиграции, покончил жизнь самоубийством.

Корнилов Лавр Георгиевич (1870-1918). Генерал от инфантерии (1917). Из семьи казачьего офицера. Окончил Академию Генштаба (1898). Участник русско-японской и I-й мировой войн, в марте-апреле 1917 г. командовал войсками Петроградского военного округа, в мае-июле — 8 армией Юго-Западного фронта. С 19 июля по 27 августа — Верховный главнокомандующий. Добился введения смертной казни на фронте, полного ограничения деятельности солдатских комитетов. 25 августа поднял мятеж и двинул войска на Петроград с целью установления диктатуры. 31 августа мятеж ликвидирован. Арестован Временным правительством и заключен в тюрьму в г. Быхове. При содействии генерала Н.Н.Духонина 19 ноября бежал в Новочеркасск, где вместе с ген. Алексеевым возглавил Добровольческую армию. 13 апреля 1918 г. убит при штурме Екатеринодара.

Коновалов Александр Иванович (1875-1948). Крупный промышленник, лидер прогрессистов, депутат IV Государственной думы, в 1915 г. зам. председателя Центрального военно-промышленного комитета. После Февральской революции 1917 г. кадет, министр торговли и промышленности Временного правительства. Арестован 25 октября 1917 г., но вскоре освобожден. Видный деятель эмиграции. Признал заслуги Советской власти в войне с фашистской Германией. Умер в США.

Котляревский Сергей Андреевич (1873-1940). Профессор, один из учредителей и член ЦК кадетской партии. Депутат I Государственной думы от Саратовской губернии. После Февральской революции комиссар Временного правительства по делам вероисповеданий, с июля 1917 г. товарищ обер-прокурора Синода и товарищ министра вероис-

поведания. В 1920 г. привлекался по делу «Тактического центра», был приговорен условно к тюремному заключению на 5 лет. Впоследствии работал в Московском университете.

Красильников Иван Н. (1888-1920). Казачий офицер. Принимал активное участие в перевороте 18 ноября 1918 г. Из войсковых старшин произведен в полковники. Проявил жестокость во время карательных операций. Умер в январе 1920 г. в Иркутске от сыпного тифа.

Краснов Григорий Адрианович (1883-?). Окончил Петербургскую Духовную Академию и Петербургский археологический институт. Член Совета Государственного контроля Временного Сибирского правительства, с 4 ноября 1918 г. государственный контролер Временного правительства Всероссийского, затем правительства Колчака. Приговорен в 1920 г. Чрезвычайным ревтрибуналом в Омске к пожизненному заключению.

Краснов Петр Николаевич (1869-1947). Генерал-лейтенант, участник русско-японской (как военный корреспондент) и I-й мировой войн. Командир 3 Конного корпуса, с которым в конце октября 1917 г. выступил на Петроград. Войска Керенского-Краснова были разбиты, а сам Краснов взят в плен (затем отпущен). Бежал на Дон, где в мае 1918 г. был избран атаманом Войска Донского. В феврале 1919 г. из-за противоречий с командованием Добровольческой армии подал в отставку и уехал в Германию. В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. сотрудничал с гитлеровцами, сформировал казачий корпус. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был повешен.

Кривошеин Александр Васильевич (1857-1921). Русский государственный и политический деятель. Ближайший сотрудник П.А.Столыпина по осуществлению аграрной реформы. Член Гос. Совета с 1906 г., вначале крайне правый, потом примыкал к земцам. В марте 1918 г. в Москве один из организаторов «Правого центра». В октябре бежал в Киев, выступил одним из создателей монархического «Совета государственного объединения России» (тов. председателя). Член русской делегации на Ясском совещании 1918 г. С конца 1919 г. главный начальник управления снабжением Правительства при главнокомандующем ВСЮР Деникине. В апреле 1920 г. назначен помощником правителя и главкома ВСЮР Врангеля. Эмигрант.

Кроль Лев Афанасьевич (?). Инженер. Член ЦК партии Народной свободы. Прибыл из Москвы как член «Союза возрождения» через фронт и Самару. В Самарский Комуч не вступил. Был одним из организаторов Уральского областного правительства, в котором занял пост заместителя председателя и министра финансов. Участник Государственного Совещания в Уфе, на котором была избрана Директория.

Один из организаторов Демократического союза, который имел целью изменить политику Верховного правителя.

Кропоткин (Крапоткин) Алексей Алексеевич (?). Князь, в 1917 г. входил в состав главного совета Союза земельных собственников. Член Государственного экономического совета при Колчаке, резко критиковал деятельность правительства как слабую и непоследовательную. Группой монархистов Омска выдвигался в качестве будущего русского царя.

Крымов Александр Михайлович (1871-1917). Генерал-лейтенант. После Февральской революции командир 3 Конного корпуса. Во время корниловского мятежа направлен Ставкой во главе корпуса на Петроград. После провала мятежа застрелился.

Лазарев Егор Егорович (1855-1937). Известный общественный деятель России, народоволец, дважды был сослан в Сибирь (в 1884 и 1888 гг.), в 1890 г. выехал в США, в 1894 г. переехал в Англию, затем во Францию, где являлся представителем фонда Русской прессы. В 1905-1911 гг. проживал в России, в 1911-1917 гг. находился в эмиграции в Швейцарии, в 1917 г. возвратился в Россию. Член Учредительного собрания от Самарского округа. В правительстве Комуча возглавлял ведомство народного просвещения. В 1919 г. вместе с чешским корпусом выехал из Владивостока в США, откуда переехал в Чехословакию, сотрудничал в издании «Воля России», член Земгора.

Лебедев Владимир Иванович (?). Морской министр Временного правительства, член Учредительного собрания от партии эсеров. В Самаре был одним из организаторов Народной армии. Особенно известен «взятием Казани», где он действовал как уполномоченный Комуча. В конце 1918 г. посетил Соединенные Штаты и Францию, где вел переговоры с союзными правительствами об оказании военной и экономической помощи России. Не позднее 1922 г. приговорен ревтрибуналом к расстрелу.

Лебедев Дмитрий Антонович (1883-1921). Генерал-майор Генерального штаба, военный министр правительства Колчака и начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Убит на Дальнем Востоке.

Леонтьев Сергей Михайлович (1878[1880]-?). Окончил историко-филологический факультет Московского университета, с 1915 г. член главного комитета по снабжению армии Всероссийского Земского и Городского союза, с марта по июль 1917 г. товарищ министра внутренних дел Временного правительства. Зам. председателя Совета общественных деятелей, член Правого центра. По процессу «Тактического центра» осужден на 10 лет лишения свободы, в августе 1921 г. освобожден, в дальнейшем неоднократно арестовывался.

Ллойд Джордж Дэвид (1863-1945). Английский политический и государственный деятель. Лидер Либеральной партии. В 1916-1922 гг. премьер-министр. Глава делегации Великобритании на Парижской мирной конференции. В январе 1920 г. по его инициативе Верховный Совет Антанты официально отменил блокаду Советской России.

Львов Георгий Евгеньевич (1861-1925). Князь, член I Государственной думы, председатель Земского союза, член партии кадетов с 1905 г., глава Временного правительства с марта по июль 1917 г. После Октябрьской революции переехал в Тюмень, где 28 февраля 1918 г. арестован большевиками и заключен в тюрьму. Бежав из тюрьмы, переехал в Омск. В октябре 1918 г. Временным Сибирским правительством направлен в Америку, а затем в Европу, где пытался получить помощь для белых армий. В конце 1918 г. создал в Париже Русское политическое совещание, рабочая группа которого безуспешно претендовала на представительство от имени России на Версальской мирной конференции. В апреле 1920 г. при его участии было открыто Бюро труда в Париже, а затем благотворительное общество, помогавшее русским беженцам. Умер в Париже.

Львов Николай Николаевич (1867-1944). Депутат III и IV Государственных дум. Участвовал в основании буржуазно-либерального «Союза освобождения». В 1906 г. член ЦК партии кадетов. Затем один из учредителей «Партии мирного обновления», в III Думе один из лидеров «прогрессистов». В 1917 г. член Главного Совета Всероссийского Союза земельных собственников. С 1920 г. в эмиграции.

Лоу Эндрю Бонар (1858-1923). Английский политический деятель, один из лидеров консерваторов. С 1916-1918 гг. министр финансов, с 1919 г. лорд-хранитель печати. Участвовал в Парижской мирной конференции, был членом Верховного Совета Антанты. В 1922-1923 гг. премьер-министр.

Лукомский Александр Сергеевич (1868-1939). Генерал-лейтенант (1916). Окончил Академию Генштаба (1897). Участник I-й мировой войны, генерал-квартирмейстер Ставки. В июне-августе 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего Корнилова. За участие в мятеже арестован Временным правительством. Бежал из Быховской тюрьмы в Новочеркасск, где включился в формирование Добровольческой армии. С декабря 1917 г. член «Донского гражданского совета». С 31 августа по октябрь 1918 г. 3-й заместитель председателя Особого Совещания и одновременно с 15 августа помощник командира армии, с октября 1918 по сентябрь 1919 г. начальник военного управления Особого совещания и помощник главнокомандующего (с января 1919-ВСЮР), с сентября по декабрь председатель Особого совещания, затем по начало марта 1920 г. возглавлял «правительство при главно-

командующем ВСЮР». С марта 1920 г. в Константинополе, представитель Врангеля при Союзном командовании. Эмигрант.

Май-Маевский Владимир Зенонович (1867-1920). Из дворян, окончил I кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1888), Военную Академию (1896). Участник I-й мировой войны, генерал-майор, командовал I гвардейским корпусом. Вступил в Добровольческую армию Кубани, начальник Дроздовской дивизии, затем возглавлял группу войск на Дону. С декабря 1918 г. начальник 3 пехотной дивизии, переброшенной в Донбасс после ухода германских войск. В мае 1919 г. назначен командующим Добровольческой армией, которая участвовала в походе на Москву. После занятия Харькова в июне 1919 г. назначен Деникиным главнокомандующим части занятых губерний, а 27 ноября освобожден от командования Добровольческой армией. Вместе с войсками Деникина эвакуировался из Новороссийска в Крым, где 30 октября 1920 г. умер в одной из больниц Севастополя.

Майский Иван Михайлович (1884-1975). Член РСДРП – меньшевик с 1903 г. Управляющий ведомством труда Комуча в 1918 г. В феврале 1921 г. вступил в РКП(б), а на судебном процессе 1922 г. над ЦК партии эсеров уже выступил как свидетель, обвинив членов Комуча в антинародной, контрреволюционной деятельности. Затем находился на дипломатической и научной работе. Академик.

Маклаков Василий Алексеевич (1869-1957). Адвокат, кадет, член II, III и IV Государственной думы. После Февральской революции член юридического совещания при Временном правительстве. В сентябре 1917 г. назначен послом во Францию. Член Русского политического совещания в Париже в 1918-1919 гг. Председатель Совета послов. В 1940 г. арестован немцами в Париже и 5 месяцев находился в тюрьме. В 1945 г. с группой эмигрантов заявил о признании Советской власти.

Малинин Иван Михайлович (1883-не ранее 1945). Член Национального центра, начальник управления народного просвещения Особого совещания при Деникине. Министр просвещения в правительстве Врангеля. В эмиграции – директор русской мужской гимназии в Белграде.

Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867-1951). Барон, финляндский государственный и военный деятель, фельдмаршал (1939). Служил в русской армии, участник I мировой войны, генерал-лейтенант (1917). Главнокомандующий белофинской армией, в декабре 1918 – июле 1919 г. регент Финляндской республики. В январе 1919 г. дал разрешение Юденичу на формирование в Финляндии белогвардейских частей. С 1939 г. главнокомандующий Финской армией. С 1944 г. президент Финляндии, в 1946 г. вышел в отставку.

Марковский Василий Иосифович ((1878-?). Генерального штаба генерал-майор, помощник военного министра по организационно-

инспекторской части, осенью 1919 г. — командующий войсками Енисейской и Иркутской губерний. В 1922 г. начальник главного штаба Приамурской управы.

Маслов Сергей Николаевич (1866-?). Октябрист, в 1917 г. председатель Орловской губернской земской управы, орловский губернский комиссар, кандидат в Учредительное собрание от Союза земельных собственников. Член Особого Совещания при Деникине, начальник управления продовольствия. С 1920 г. в эмиграции.

Матковский Алексей Филиппович (1877-1921). Генерал-майор, командир 2 степного корпуса в сентябре-октябре 1919 г., командующий войсками Западно-Сибирского (Омского) военного округа в октябре 1918 — январе и марте-ноябре 1919 г., временно исполняющий должность командующего Сибирской армией в январе 1919 г. На Омском судебном процессе в мае 1920 г. — свидетель, затем арестован и расстрелян.

Мельников Николай Михайлович (1878-не ранее 1933). В сентябре 1917 г. председатель казачьего Войскового круга, член Учредительного собрания по Донскому избирательному округу. Председатель Совета Министров Южнорусского правительства с января 1920 г. Эмигрировал в Югославию, председатель казачьего союза в Париже, председатель Донского правительства (1923).

Милюков Павел Николаевич (1859-1943). Видный политический деятель, историк. Окончил Московский университет (1882). С 1907 г. председатель кадетской партии. Редактор газеты «Речь». Депутат III и IV Государственных дум. Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. После Октябрьской революции бежал на Дон. С 1920 г. эмигрант, проживал во Франции. Редактор газеты «Последние новости». Лидер Парижской группы партии кадетов (республиканско-демократического объединения).

Михаил Александрович (1878-1918). Великий князь, брат императора Николая II. Во время Февральской революции 1917 г. после отречения Николая II в его пользу отказался занять престол, пока его не выберет Учредительное собрание. Расстрелян в июне 1918 г.

Михайлов Иван Адрианович (1890-1946). Сын народовольца А. Михайлова. Закончил Петербургский университет. Оставлен для подготовки к профессорскому званию на кафедре политической экономии. Работал во Всероссийском земском союзе. Автор книги «О государственных расходах и доходах России во время войны» (под ред. П. Б. Струве). После революции состоял на службе в министерстве земледелия, продовольствия и финансов. Член Временного Сибирского правительства и Административного совета. Был деятельным участником Омского переворота. Министр правительства Колчака. Эмигрант.

Моисеенко Борис Николаевич (Опанас) (?-1918). Член боевой организации партии эсеров. Принимал активное участие в убийстве великого князя Сергея Александровича. В 1917 г. был комиссаром Юго-Западного фронта. Член Учредительного собрания. В Самарский Комуч не вступал, был секретарем Уфимского государственного совещания. Секретарь съезда членов Учредительного собрания. 24 октября 1918 г. в Омске был похищен группой офицеров и убит.

Мякотин Венедикт Александрович (1867-1937). Один из лидеров партии «народных социалистов», историк и публицист. После Октябрьской революции один из создателей «Союза возрождения». Эмигрант.

Нератов Анатолий Анатольевич (1863-?). Русский дипломат, в 1886 г. поступил в Азиатский департамент МИД, в котором от делопроизводителя прошел путь до чиновника по особым поручениям при министре иностранных дел (с 1904) и старшего вице-директора департамента. С 1910 г. товарищ министра иностранных дел. Сохранил эту должность и при Временном правительстве. Во время Гражданской войны управляющий политическим отделом Особого Совещания ВСЮР. В 1920 г. эмигрировал в Турцию.

Никифоров Дмитрий Иванович (1866-?). Бывший директор кредитной канцелярии министерства финансов. В 1918 г. министр финансов Крымского краевого правительства. Член Особого Совещания. С 1920 г. в эмиграции, служил в министерстве финансов Югославии.

Новоселов Александр Ефимович (1884-1918). Сибирский писатель-беллетрист, эсер. С января 1918 г. член Временного Сибирского правительства. В сентябре в Омске арестован вместе с председателем Областной думы и двумя «левыми» министрами. Расстрелян 23 сентября.

Нокс Альфред Виллиям (1870-1964). Английский генерал. В 1911-1918 гг., военный атташе в Петрограде. В 1918-1920 гг. — руководитель британской военной миссии в Сибири, был близок к Колчаку, оказал ему серьезную поддержку при перевороте 18 ноября 1918 г.

Носович Владимир Павлович (?-1936). Бывший товарищ прокурора Московской судебной палаты, обер-прокурор уголовно-кассационного департамента, сенатор. С июля 1919 г. член Особого Совещания, начальник управления внутренних дел. В эмиграции зам. председателя союза судебных деятелей (Франция). Умер в Белграде.

Окорок Александр Матвеевич (1890-?). Инженер, окончил Томский технологический институт, предприниматель, руководитель Совета Алтайского союза кооперативов. При большевиках был заключен в тюрьму на две недели. Был управляющим ведомством продовольствия в правительстве ген. Хорвата.

Палеолог Сергей Николаевич (1887-?). Монархист, бывший чиновник МВД, действительный статский советник. С 1920 г. в эмиграции, правительственный уполномоченный по делам русских беженцев в Югославии.

Патушинский Григорий Борисович (1873-1931). Министр юстиции Временного Сибирского правительства, примыкал к «областникам», сторонникам государственного самоопределения Сибири. После падения власти Колчака член «Совета народного управления» в Иркутске. Позже вернулся к адвокатской деятельности.

Пепеляев Анатолий Николаевич (1891-1938). Генерал-майор, участник I-й мировой войны. С 1918 г. командовал корпусом. Во второй половине 1919 г. командующий I Сибирской армией. В декабре 1919 г. предпринял выступление против адмирала Колчака. В 1921 г. эмигрировал в Харбин. В 1922 г. участвовал в Якутском мятеже. В 1923 г. сложил оружие, приговорен к расстрелу, который по постановлению ВЦИК заменен десятилетним заключением. Осужден 7 декабря 1937 г. тройкой УНКВД по Новосибирской области к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 14 января 1938 г.

Пепеляев Виктор Николаевич (1884-1920). Депутат IV Государственной думы от Томской губ., во время I-й мировой войны находился на фронте в питательном отряде. После Февральской революции назначен Временным правительством комиссаром в Кронштадт, с июля 1917 г. на фронте. В 1918 г. входил в состав Московского отделения Национального центра, по поручению которого выехал в Сибирь в октябре 1918 г. Принимал участие в подготовке переворота 18 ноября 1918 г. В правительстве Колчака занимал пост директора Департамента милиции и государственной охраны министра внутренних дел, затем премьер-министр. 15 января 1920 г. арестован вместе с адмиралом А.В.Колчаком и передан Политическому центру в Иркутске, затем Иркутскому ВРК, по постановлению которого расстрелян вместе с А.В.Колчаком 7 февраля 1920 г.

Пешехонов Алексей Васильевич (1867-1933). С 1906 г. один из руководителей партии «народных социалистов», в 1917 г. министр продовольствия во Временном правительстве, с 1922 г. эмигрант.

Пильц Александр Иванович (1870-?). Товарищ министра внутренних дел, иркутский генерал-губернатор. В 1919 г. помощник начальника управления внутренних дел Особого Совещания при Деникине. Председатель комитета государственного призрения в Севастополе при Врангеле. Эмигрант.

Пишон Стефан Жан Мери (1857-1933). Французский политик и дипломат. В 1917-1920 гг. министр иностранных дел Франции.

Покровский Виктор Леонидович (1889-1922). Генерал-лейтенант (1919), окончил военное училище (1909), участник I-й мировой войны, военный летчик. В январе 1918 г. сформировал на Кубани добровольческий отряд, в марте 1918 г. соединился с Добровольческой армией Корнилова и участвовал в штурме Екатеринодара. С июля 1918 г. командир Кубанской конной бригады, затем дивизии, с февраля 1919 г. I-го Кубанского конного корпуса, сторонник «самостийной» Кубани. В декабре 1919 – феврале 1920 гг. командовал Кавказской армией. С 1920 г. эмигрант. 9 ноября 1922 г. погиб в Болгарии.

Потресов Александр Николаевич (1864-1934). Один из лидеров меньшевизма. В 1890-е гг. примкнул к марксистам. Принимал участие в создании «Искры» и «Зари», эмигрант. Сотрудничал в еженедельнике Керенского «Дни».

Прокопович-Кускова Екатерина Дмитриевна (1869-1958). Писательница, журналист, общественный деятель. В 1890-х гг. проживала за границей, работала в нелегальной прессе. Одна из лидеров «экономистов». В 1903 г. была в числе организаторов «Союза возрождения». Некоторое время состояла в кадетской партии. С 1904 г. работала в газетах «Наша жизнь», «Товарищ», «Русские ведомости» и др. После Февральской революции возглавляла газету «Власть народа», закрытую после Октябрьской революции. Член президиума «Лиги спасения детей», Комитета помощи голодающим при ВЦИК. В 1922 г. выслана из Советской России. В эмиграции член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, член Объединения Земгора в Югославии с 1928 г., член общества «Русская библиотека в Праге» с 1937 г., сотрудничала в газетах «Последние новости», «Современные записки», «Дни».

Роговский Евгений Францевич (?). Эсер. Ко времени Февральской революции жил в ссылке в Иркутске. Вступил в Иркутский Исполнительный комитет и был организатором губернской милиции. Избран в Учредительное собрание. В Самарском Комуче был председателем Совета управляющих ведомствами и управляющим ведомством государственной охраны. С 1918 г. товарищ министра внутренних дел Совета Министров, назначенного Директорией.

Розанов Сергей Николаевич (1869-1937). Генерал-лейтенант, участник русско-японской войны. В 1918 г. во время свержения советской власти в Поволжье перешел из Красной армии на сторону Комуча. Был начальником штаба Главнокомандующего вооруженными силами Временного Всероссийского правительства (Директории), затем Верховного Главнокомандующего Колчака. В мае 1919 г. командующий Канско-Тайшетским фронтом, с сентября командующий войсками Приамурского округа и главный начальник Приамурского края.

Романовский Иван Павлович (1877-1920). Окончил кадетский корпус в Москве, Константиновское артиллерийское училище, Академию Генштаба. Участник русско-японской и I-й мировой войн. Генерал-лейтенант, участник корниловского мятежа в августе 1917 г., участник белого движения с начала формирования Добровольческой армии. Начальник штаба при Л.Г.Корнилове, затем при А.И.Деникине. После Новороссийской катастрофы эвакуировался в Константинополь, где 5 апреля 1920 г. был убит одним из сотрудников деникинской контрразведки.

Саввин Витт Николаевич (1874-?). Доктор медицины, профессор Томского университета. В октябре 1918 г. временно исполняющий обязанности министра просвещения Временного Сибирского правительства. Товарищ министра просвещения правительства Колчака.

Савинков Борис Викторович (1879-1925). Видный деятель партии эсеров (член с 1903 г.), до 1906 г. один из лидеров ее «боевой организации». После Февральской революции товарищ военного министра, затем генерал-губернатор Петрограда. Был комиссаром Юго-Западного фронта. Принимал участие в мятеже Керенского-Краснова. Член «Русского политического совещания» в Париже, вел в 1919 г. переговоры с правительствами стран Антанты о помощи белогвардейцам. В 1924 г. после нелегального приезда в СССР арестован, 7 мая 1925 г. в тюрьме покончил жизнь самоубийством.

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860-1927). Русский дипломат, министр иностранных дел в 1910-1916 гг., летом 1916 г. вышел в отставку, в 1917 г. назначен послом в Лондон, не вступил в должность. В годы Гражданской войны начальник управления иностранных дел Особого Совещания при главкоме ВСЮР (1918), министр иностранных дел правительства адмирала Колчака. Член Русского политического совещания в Париже. После 1920 г. в эмиграции.

Сахаров Константин Вячеславович (1881-1941). Генерал-лейтенант, участник I-й мировой войны, командовал Восточным фронтом у Колчака. В декабре 1919 г. в связи с военными неудачами арестован и отстранен от командования, заменен генералом В.О.Каппелем. Служил у атамана Семенова, эмигрировал в Германию.

Семенов Григорий Михайлович (1890-1946). Казачий есаул Забайкальского казачьего войска, участник I-й мировой войны, с июля 1917 г. комиссар Временного правительства в Забайкальской области по формированию добровольческих отрядов. В ноябре-декабре 1917 г. поднял мятеж против Советской власти, потерпел неудачу, бежал в Манчжурию. Во время выступления Чехословацкого корпуса вернулся в Забайкалье. Временное Сибирское правительство назначило его командиром отдельного корпуса со штабом в г. Чите. Семенов избран атаманом Забайкальского казачьего войска в начале 1919 г., произведе-

ден в генерал-лейтенанты. 4 января 1920 г. Колчак назначил его Главнокомандующим вооруженными силами на Дальнем Востоке. В сентябре 1921 г. эмигрировал, жил в Корее, Японии, Северном Китае. В сентябре 1945 г. захвачен в плен советскими войсками. Повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда 30 августа 1946 г.

Серебренников Иван Иннокентьевич (1882-не ранее 1937). Родился в крестьянской семье в Сибири. В 1903-1906 гг. принимал участие в революционном движении. С 1906 г. отходит от революционной деятельности и занимается статистикой. Министр сообщений Временного Сибирского правительства и правительства адмирала Колчака. На Уфимском совещании возглавил сибирскую делегацию. В 1920-1921 гг. преподаватель юридического факультета в Харбине.

Сидорин Владимир Ильич (1882-1943). Генерал-лейтенант, из дворян. Окончил Донской кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1902), Военную Академию (1910). Участник русско-японской и I-й мировой войн. В ВСЮР командовал Донской армией. По прибытии в Евпаторию предан военно-морскому суду за сочувствие группе казачьих автономистов, выступающих за отделение от России. Уволен в отставку без права ношения мундира. Эмигрант. Жил в Болгарии и Сербии.

Скоропадский Павел Петрович (1873-1945). Генерал-лейтенант (1916). Из дворян, крупный помещик Черниговской и Полтавской губерний. Окончил Пажеский корпус (1893). Участник I-й мировой войны. В октябре 1917 г. на съезде «вольного казачества» в Чигирине назначен главой военных формирований Центральной Рады. В ходе австро-германской оккупации Украины 29 апреля 1918 г. на «съезде хлеборобов» в Киеве избран гетманом Украины, провозгласил создание «Украинской державы». После падения своего режима 14 декабря 1918 г. бежал в Германию.

Старынкевич Сергей Сазонтович (Сазонович) (1875-?). Присяжный поверенный, эсер, в дальнейшем от партии отошел. До революции отбывал ссылку в Сибири. После Февральской революции назначен прокурором Иркутской палаты. Во Временном Сибирском правительстве — управляющий Министерством внутренних дел, в правительстве Колчака — министр юстиции.

Степанов Василий Александрович (1872 [по другим данным 1875] — 1920). Кадет, горный инженер, депутат III и IV Государственной думы. Товарищ министра торговли и промышленности во Временном правительстве. Член «Национального центра», в Особом Совещании при Деникине занимал пост государственного контролера. Умер на пути в Марсель.

Степанов Николай Александрович (1869-1949). Генерал-майор Генерального штаба, в Народной армии Комуча командовал войсками при наступлении на Казань, военный министр правительства Колчака.

Степаненко Георгий Макарович (1865-?). Инженер, помощник начальника Омской железной дороги. В июле 1918 г. назначен управляющим министерством путей сообщения Временного Сибирского правительства. В правительстве Колчака товарищ министра путей сообщения. Чрезвычайным ревтрибуналом в 1920 г. приговорен к пожизненному заключению.

Струве Петр Бернгардович (1870-1944). Русский политический деятель, экономист, философ. Сын пермского губернатора. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1895). В 1890-е гг. главный представитель российского «легального марксизма». В 1905-1915 гг. член ЦК партии кадетов, лидер ее правого крыла. Депутат II Государственной думы (1907). С августа 1917 г. член «Совета общественных деятелей». Один из идеологов «белого дела». С марта 1918 г. — член «Правого центра», с января 1919 г. — «Национального русского комитета», в 1919 г. представлял в Лондоне и Париже интересы Юденича, был связан с «Русским политическим совещанием». С сентября 1919 г. член «Совета государственного объединения России». Активно сотрудничал в деникинском «Осваге», редактор белогвардейской газеты «Великая Россия». С апреля 1920 г. начальник управления иностранных сношений «Правительства Юга России». После разгрома Врангеля — эмигрант.

Сукин Иван Иванович (1890-?). В 1914 г. помощник секретаря русского посольства в Константинополе, в 1917 г. — секретарь посольства в Вашингтоне. Товарищ министра иностранных дел правительства Колчака, с января до ноября 1919 г., управляющий МИД. В 1920 г. управляющий МИД Приамурской земской управы.

Сыровой Ян (1888-1971). Чехословацкий военный и государственный деятель. В сентябре 1914 г. вступил в добровольческую чешскую дружину в составе русской армии на Юго-Западном фронте. С весны 1918 г. командир 2 полка чехословацкого армейского корпуса. Во время мятежа Чехословацкого корпуса командовал группой на направлении Курган-Челябинск-Омск-Екатеринбург. С конца августа 1918 г. генерал-майор и командир Чехословацкого армейского корпуса, до ноября 1918 г. командующий «союзническими» вооруженными силами Сибири. Впоследствии на военной работе в Чехословакии.

Танака Гийти (1863-1929). Японский государственный и военный деятель. С сентября 1918 до июня 1921 г. и сентября 1923 до января 1924 г. военный министр. С апреля 1927 до июля 1929 г. премьер-министр. Один из главных руководителей интервенции на Дальнем Востоке.

Таскин Сергей Афанасьевич (1877-?). Кадет, комиссар Временного Правительства в Забайкалье (1917). В апреле 1918 г. входил во Временное правительство Забайкальской области атамана Семенова. С июля 1918 г. министр земледелия и государственных имуществ в правительстве генерала Хорвата. В 1919 г. управляющий гражданской частью Забайкальской области у атамана Семенова, помощник главнокомандующего по гражданской части. Затем в эмиграции.

Тельберг Георгий Густавович (1881-1954). Юрист, профессор Томского университета, старший юристконсульт Временного Сибирского правительства, в правительстве Колчака управляющий делами Совета Министров, министр юстиции, заместитель председателя Совета Министров и член Совета Верховного правителя.

Тимофеев Евгений Михайлович (1885-1941). В царское время осуждался к различным срокам каторги за террористическую деятельность, освобожден в феврале 1917 г. и возглавил Иркутский Совет. В декабре избран членом ЦК партии эсеров. В 1922 г. осужден по эсеровскому процессу к смертной казни, приговор приостановлен, затем по амнистии выслан в Среднюю Азию.

Титов Александр Андреевич (1879[80]-1961). Народный социалист, в 1916 г. член Главного комитета Всероссийского Союза городов, в 1917 г. товарищ министра продовольствия Временного правительства. Член «Союза возрождения». С 1920 г. в эмиграции во Франции.

Тихменев Александр (?). Командующий Черноморским флотом в 1918 г., увел часть судов из Новороссийска в Севастополь и сдал их германским оккупантам. С 1920 г. в эмиграции, командующий русской эскадрой в Бизерте.

Тихменев Николай Михайлович (1872-1954). Генерал-лейтенант, член Особого Совещания при Деникине, главный начальник военных сообщений. Умер в Париже.

Третьяков Сергей Николаевич (1882-1944). Крупный предприниматель, один из основателей партии прогрессистов, во время I-й мировой войны член Центрального военно-промышленного комитета. С сентября 1917 г. — председатель Экономического совета и Главного экономического комитета Временного правительства. В октябре 1919 г. назначен министром торговли и промышленности правительства Колчака, затем зам. председателя Совета Министров и управляющий МИД. В 1920 г. член финансового совещания у Врангеля. Затем в эмиграции, председатель комитета российского торгово-промышленного союза.

Филимонов Александр Петрович (1866-не ранее 1936). Казачий есаул, полковник (1918), генерал-лейтенант (1919). Председатель временного войскового правительства Кубани, войсковой атаман Кубанского

казачьего войска (1917), вышел в отставку в ноябре 1919 г. Эмигрировал в Югославию.

Фон-Гоьер Лев Викторович (1875-1939). Член правления Русско-Азиатского банка, член Государственного экономического совещания. С августа по ноябрь 1919 г. министр финансов правительства Колчака. До 1926 г. директор Русско-Азиатского банка в Шанхае и Манчжурии. Умер в Париже.

Фош Фердинанд (1851-1929). Французский военный деятель. С мая 1917 г. начальник Генерального штаба, с апреля 1918 г. верховный главнокомандующий союзными войсками. В 1918-1920 гг. один из организаторов военной интервенции в Советскую Россию. На Парижской мирной конференции предлагал пройти с огромной армией, включающей 2 млн. свежих американских солдат, через Германию в Россию и свергнуть большевиков.

Фундаминский (Фондаминский) Илья Александрович (1879-1942). Эсер, организатор эсеровских мятежей в 1918 г. Эмигрант.

Ханжин Михаил Васильевич (1871-1961). Генерал от артиллерии, командующий Западной армией, военный министр правительства Колчака. Затем в эмиграции в Китае, в 1945 г. захвачен советскими войсками, осужден. Умер в СССР.

Хорват Дмитрий Леонидович (1858-1937). Окончил Николаевское инженерное училище, с 1903 г. управляющий КВЖД. В 1918 г. провозгласил себя «временным правителем» и организовал на станции Гродеково «всероссийское правительство», реально не имевшее власти. Представитель Колчака в Манчжурии.

Чайковский Николай Васильевич (1850-1926). Эсер (1904), участник народнического движения 1870-х гг. (кружок «чайковцев»). В 1874 г. уехал в США, в 1879 г. вернулся в Европу и проживал в Англии. В 1907 г. вернулся в Россию, где был арестован. Через год освобожден под залог. Во время I-й мировой войны один из руководителей Всероссийского союза городов (Земгора). После Февральской революции член ЦК партии народных социалистов. После Октябрьской революции член «Союза возрождения России». Со 2 августа 1918 г. председатель и управляющий отделом иностранных дел Верховного управления Северной области, в сентябре заочно избран в состав Уфимской Директории. С 28 сентября 1918 г. председатель и заведующий отделом иностранных дел Временного правительства Северной области. В 1919 г. член Русского политического совещания в Париже, затем переехал на юг России, где вошел в состав южнорусского правительства. С 1920 г. эмигрант.

Чебышев Николай Николаевич (1865-1937). Окончил юридический факультет Петербургского университета (1889). В 1906 г. прокурор

Смоленского окружного суда, в 1909 г. товарищ прокурора Московской судебной палаты, в 1914 г. прокурор Киевской судебной палаты, в 1917 г. прокурор Московской судебной палаты. Начальник управления внутренних дел Особого Совещания при Деникине до июля 1919 г., затем редактор газеты «Великая Россия». В эмиграции председатель Союза русских судебных деятелей в Берлине (1921-1923), Белграде (1923-1926 гг.), с 1926 г. в Париже. Один из учредителей народно-монархического Союза.

Челищев Виктор Николаевич (1870-1952). Окончил юридический факультет Московского университета (1893), был мировым судьей, с марта 1917 г. председатель Московской судебной палаты. В 1917 г. избран Председателем правления Всероссийского союза юристов, член Национального центра, начальник управления юстиции в Особом Совещании при Деникине с ноября 1918 г. по февраль 1920 г., обер-прокурор I департамента Сената Врангеля, с ноября 1920 г. в эмиграции. В 1924-1929 гг. служил в Министерстве юстиции Королевства СХС (Югославия), член правления Зарубежного союза русских писателей и журналистов и товарищ председателя правления союза русских писателей и журналистов в Югославии. Член Совета РЗИА с 1932 г., в 1931 г. переехал из Югославии в Чехословакию.

Червен-Водали Александр Александрович (?-1920). Член партии кадетов с 1905 г., член Торгово-промышленного Союза, член Московской городской управы, член Государственного Экономического Совещания. В 1918 г. входил в Правый и Национальный центры. Из Москвы уехал на юг России, в добровольческую армию, где оставался до марта 1919 г., затем по поручению Национального центра переехал в Сибирь. 25 ноября 1919 г. товарищ министра внутренних дел с возложением временного управления МВД. 28 декабря 1919 г. возглавил образованный в Иркутске вместо колчаковского правительства правящий триумвират, став министром-председателем. Арестован и расстрелян по приговору Омского чрезвычайного ревтрибунала 23 июля 1920 г.

Чернов Виктор Михайлович (1873-1952). Один из лидеров и теоретиков партии эсеров, член ЦК. После Февральской революции вошел в состав Петроградского Совета, министр земледелия во Временном правительстве (май-август 1917 г.). 5 января 1918 г. избран председателем Учредительного собрания. С 1920 г. эмигрант.

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874-1965). В 1919-1921 гг. военный министр Великобритании, один из организаторов антисоветской интервенции. В 1940-1945 и 1951-1955 гг. премьер-министр.

Шкуро Андрей Николаевич (1887-1947). Генерал-лейтенант (1919). Из семьи казачьего офицера. Окончил Николаевское училище (1907). Участник I-й мировой войны, полковник. Весной 1918 г. создал каза-

чий отряд и совершал налеты на Ставрополь, Ессентуки и Кисловодск. Начальник Кубанской казачьей бригады, дивизиона в армии Деникина, с мая 1919 г. командир 3 Кубанского конного корпуса. После разгрома белогвардейцев эмигрировал, в 1939-1945 гг. сотрудничал с гитлеровцами. В 1945 г. задержан английскими войсками в Австрии и выдан советскому командованию. По приговору Верховного суда СССР казнен.

Шульгин Василий Витальевич (1878-1976). Один из лидеров российских националистов, публицист. Из дворян. Окончил Киевский университет (1900). Во время Февральской революции член Временного комитета Государственной думы. 2 марта вместе с А.И.Гучковым предъявил в Пскове Николаю II требование Думы об отречении от престола. После Октябрьской революции один из идеологов «белого дела». Участвовал в создании Добровольческой Армии, редактор газеты «Великая Россия». Один из авторов «Положения» об Особом Советании (август 1918). С января 1919 г. возглавил его комиссию по «Национальным делам». В 1937 г. отошел от политической деятельности. В 1944 г. арестован в Югославии, препровожден в СССР, осужден. Освобожден в 1956 г.

Шумиловский Леонид Иванович (1876-1920). Учитель, в 1907 г. за политическую деятельность был выслан из Томской губ. С 1917 г. в Барнауле преподаватель и член редакции оборонческой газеты «Алтайский дух». Называл себя «внепартийным социалистом». Управляющий Министерств труда Временного Сибирского правительства, министр труда Временного Всероссийского правительства, затем правительства Колчака. По приговору Омского чрезвычайного ревтрибунала расстрелян 23 июня 1920 г.

Щепихин Сергей Арефьевич (1880-не ранее 1940). Начальник штаба Самарской группы, полковник, начальник полевого штаба, в начале 1919 г. генерал-майор, временно исполняющий обязанности начальника штаба 4-го Оренбургского армейского корпуса. Затем в эмиграции.

Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857-1932). Генерал от инфантерии (1914). Окончил академию генштаба (1884). Участник I-й мировой войны, с апреля 1917 г. помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта. В декабре 1917 г. объединил под своим командованием Украинский фронт, куда вошли Румынский и Юго-Западный. В апреле 1918 г. создал в Париже представительство Добровольческой армии. Эмигрант.

Щепкин Николай Николаевич (1854-1919). Земский деятель, член ЦК партии кадетов. Состоял гласным Московской городской думы и губернского земского собрания. Член III и IV Государственных дум. После Октябрьской революции возглавил в Москве и Петрограде

«Союз возрождения», «Национальный центр». Расстрелян в Петрограде в 1919 г.

Энно. Французский вице-консул в Киеве. Один из организаторов Ясской конференции. После переезда в Одессу пытался создать в городе местное правительство из числа делегатов конференции. В марте 1919 г. отозван во Францию.

Юденич Николай Николаевич ((1862-1933). Генерал от инфантерии (1915), участник русско-японской и I-й мировой войн. В марте-апреле 1917 г. Главнокомандующий войсками Кавказского фронта. Осенью 1918 г. эмигрировал в Финляндию, затем в Эстонию. Руководил наступлением на Петроград весной-летом 1919 г. 10 июня 1919 г. назначен Главнокомандующим белогвардейскими войсками на северо-западе России. В августе 1919 г. вошел в Северо-Западное правительство. Возглавил поход на Петроград Северо-Западной армии, после поражения в начале декабря отступил с остатками армии в Эстонию. С 1920 г. в эмиграции.

Юренин Петр Петрович (1874-не ранее 1933). Окончил институт инженеров путей сообщения. Кадет, в 1911 г. избран членом ЦК партии кадетов. Депутат II Государственной думы. С 1915 г. член Главного комитета Всероссийского Союза Городов. В 1917 г. министр путей сообщения Временного правительства. С 1920 г. в эмиграции (Константинополь, Сербия, Чехословакия, с 1929 г. во Франции).

Якушев Иван Александрович (1882-1935). Эсер, в 1918 г. председатель Сибирской областной думы. В 1920 г. эмигрировал в Чехословакию, редактор журнала «Сибирский архив» и сборников «Вольная Сибирь».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов 50
 Авксентьев Н.Д. 20, 24, 25, 27, 32, 45, 46, 51, 52, 53, 55, 60, 61, 62, 72, 73, 76, 74, 215, 220
 Агоев К.К. 221
 Адамович Д. 211
 Аджемов М.С. 204
 Алексеев М.В. 25, 32, 52, 53, 72, 123, 124, 127, 128, 130, 131, 133, 134, 135, 215, 220
 Алексинский Г.А. 221
 Алмазов 50
 Андогский А.И. 84, 221
 Анненков Б.В. 84, 89, 221
 Аргунов А.А. 24, 25, 32, 43, 52, 66, 74, 222
 Артемьев В.В. 111, 112, 222
 Астров Н.И. 25, 32, 52, 54, 122, 142, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 164, 165, 169, 171, 181, 205, 206, 222
 Баратов Н.Н. 177
 Барк П.Л. 203, 204, 222
 Батюшин Н.С. 222
 Бауэр О. 9
 Бахметев Б.А. 183, 222
 Безобразов С.В. 223
 Белявский А.С. 223
 Бермондт-Авалов П.Р. 223
 Бернацкий М.В. 169, 171, 177, 223
 Билимович А.Д. 223
 Бискупский В.В. 223
 Богаевский А.П. 130, 154, 175, 177
 Болдырев В.Г. 25, 52, 54, 55, 56, 66, 73, 74, 76, 77, 117, 223
 Бонар Лоу Э. (Лоу Бонар Э.) 195, 196, 197, 200, 236
 Бонч-Бруевич В.Д. 15, 64
 Боровичка 113
 Боровский А.А. 224
 Брамсон 25
 Брешко-Брешковская Е.К. 45
 Бриггс 159, 207
 Брусилов А.А. 125
 Брушвит И.М. 28, 39, 44, 45, 224
 Буаяр 45
 Будберг А.П. 81, 118, 224
 Букретов Н.А. 224
 Буревой Клим (Сопляков К.С.) 224
 Бурцев В.Л. 192
 Бурышкин П.А. 107
 Быховский Н.Я. 20, 64
 Веденяпин М.А. 27, 30, 33, 34, 39, 41, 45, 46, 52, 65, 97, 225
 Вендрих Г.А. 120
 Вильсон Генри 225
 Вильсон Томас Вудро 100, 183-187, 200
 Виноградов В.А. 52, 54, 73, 74, 225
 Вишняк М.В. 24
 Власов А.А. 179
 Войцеховский С.Н. 40, 104, 105, 115, 225
 Волков В.Н. 54, 55, 76
 Вологодский П.В. 43, 51, 52, 54, 60, 73, 74, 76-78, 82-85, 87-89, 91, 98, 104, 106, 108, 117, 119, 225
 Вольский В.К. 27-33, 35-37, 40, 43-47, 51-53, 61, 64-67, 78, 102, 226
 Востротин С.В. 226
 Врангель П.Н. 178
 Вырубов 204
 Гайда Р. 40, 102, 104, 215
 Гайдар Е.Т. 218
 Галкин Н.А. 41, 42, 226
 Гаттенберг А.Н. 86, 87, 227
 Гендельман М.Я. 30, 44, 46, 53, 57, 58, 62, 226
 Гендерсон А. 197, 227
 Герасимов А.М. 227
 Герштейн 27
 Гимпельсон Е.Г. 66
 Гинс Г.К. 43, 66, 67, 72, 73-75, 83, 86, 90, 92, 100, 102, 117-119, 201, 227
 Гинэ 44, 45
 Гирс М.Н. 183
 Гирса В. 101
 Гитлер Адольф 179
 Гойхбарг А.Г. 76, 117
 Головин Н.Н. 227
 Гольц Рюдигер фон дер 227
 Горбачев М.С. 218
 Гоц А.Р. 227
 Грацианов А.А. 83, 228
 Гревс В. 119
 Гришин-Алмазов А.Н. 43, 137, 228
 Гулькевич К.Н. 183
 Гуревич В.Я. 228
 Гусев К.В. 65
 Гучков А.И. 89, 122, 138, 139, 228
 Деникин А.И. 6, 54, 89, 92, 97, 100, 107, 112, 121-124, 126-143, 145, 156, 159, 160, 162-167, 169, 171, 172, 175-182, 190-192, 194, 198, 204-208, 211, 212, 215, 216, 229
 Дербер П.Я. 229
 Дзержинский Ф.Э. 48
 Дитерихс М.К. 90, 229
 Довгирт С.А. 229
 Долгополов Н.С. 191
 Донской Д.Д. 27, 46, 229
 Драгомиров А.М. 132, 133, 134, 144, 148, 149, 155, 163, 230
 Дроздовский М.Г. 131
 Дроков С.В. 120
 Друнов 45
 Дутов А.И. 89, 230
 Дыбенко П.А. 19
 Ельцин Б.Н. 218
 Енукидзе А.С. 48
 Ефремов 183
 Жанен 99, 100, 113, 230
 Жардецкий 73
 Железняк (Железняков) 16, 17
 Журавлев С.В. 66
 Замен К.Е. 203, 204, 230
 Зеелер В.Ф. 230
 Зензинов В.М. 23, 36, 37, 41, 45, 46, 52, 53, 54, 55, 60, 64, 65, 67, 74, 76, 230
 Зефилов Н.С. 74, 83, 85, 86, 87
 Зиновьев Г.Е. 13
 Знаменский С.Ф. 231
 Иванов П. 27, 191
 Иванов-Ринов П.П. 53, 84, 103, 231
 Игнатев В. 25
 Извольский А.П. 183, 210
 Иностранцев М.А. 231
 Иоффе Г.З. 118, 119, 120, 180, 182
 Каледин А.М. 123, 124, 128, 130, 131, 231
 Калинин М.И. 49
 Калмыков И.М. 98, 231
 Камбон Поль 99
 Каменев Л.Б. 13, 48, 49
 Каппель В.О. 111, 115, 231
 Катанаев А.В. 76, 232
 Керенский А.Ф. 31, 54, 72, 73, 74, 85, 125, 130, 136, 183, 198, 232
 Кин Д. 180, 181
 Кишкин Н.М. 232
 Клафтон А.К. 82, 232
 Клемансо Жорж 40, 155, 163, 183, 190, 200, 232
 Климушкин П.Д. 28, 36, 41, 42, 46, 59, 65, 66, 67, 101, 132
 Ключевский В.О. 145
 Ключников Ю.В. 93, 232
 Коваленко 36
 Коковцов В.Н. 99, 119, 189
 Колокольцов В.Г. 233
 Колосов Е.Е. 110
 Колчак А.В. 6, 60, 61, 67-85, 88-96, 98-117, 120, 127, 155,

156, 162, 189-192, 194, 197,
198, 201, 203-210, 214-217,
233
Коновалов А.И. 191, 193, 199,
203, 204, 233
Константинов М.М. 110
Корбейль 156
Корнилов Л.Г. 124-127, 129-
131, 134, 215, 233
Котляревский С.А. 234
Крэн 184
Кравак 113
Красильников И.Н. 54, 76, 234
Краснов Г.А. 73, 79, 87, 88
Краснов П.Н. 131, 132, 179,
198, 215, 234
Крестинский Н.Н. 48
Кривошеин А.В. 149, 210, 234
Кроль Л.А. 43-45, 51, 66, 119,
234
Кропоткин (Крапоткин) А.А.
235
Крутовский В.Н. 43, 54, 55
Крыленко Н.В. 97
Крымов А.М. 235
Кук-Колис 159
Лазарев Е.Е. 26, 39, 59, 64, 67,
235
Ларионов А.Н. 79, 112
Лебедев В.И. 235
Лебедев Д.А. 41, 102, 103, 235
Ленин В.И. 3, 4, 10, 13-15, 17-
23, 48, 70, 77, 81, 114, 116,
147, 153, 172, 198, 214, 215
Леонтьев С.М. 235
Лехович Д. 180, 182
Листовский 162
Ллойд-Джордж Девид 40, 70,
71, 99, 157-159, 183, 189,
194, 195, 197-200, 236
Лукомский А.С. 122, 124, 126,
127, 130, 133, 136, 137, 140,
142, 148, 163, 171, 175, 180,
182, 236
Львов Г.Е. 54, 70, 71, 74, 150,
183-191, 194-201, 204, 209-
211, 236
Львов Н.Н. 89, 118, 236
Май-Маевский В.З. 237
Майский И.М. 31, 42, 49, 65-
67, 237
Мак-Киндер 159, 162
Мак-Кормик 189
Маклаков В.А. 150, 155, 157,
183, 184, 190, 191, 193, 209,
210, 237
Максаков В.В. 66
Малинин И.М. 237
Манжен 157
Маннергейм Карл Густав
Эмиль 94, 237
Марклевский Юлиан 162
Марков С.Л. 124
Марковский В.И. 238
Маслов С.Н. 238
Матковский А.Ф. 73, 238
Махно Н.И. 164
Медек 43
Мельгунов С.П. 64, 120, 211,
212
Мельников Н.М. 177, 238
Мерхалев В. 113
Милюков П.Н. 25, 32, 129, 238
Михаил Александрович 238
Михайлов И.А. 43, 51, 54, 55,
60, 61, 83, 84, 86, 87, 96, 238
Моисеенко Б.Н. 24, 25, 239
Молотов В.М. 49
Мякотин В.А. 193, 239
Набоков К.Д. 183
Нератов А.А. 156, 239
Нестеров И.П. 28, 46
Никифоров Д.И. 239
Николай II 94, 124
Никольский А.А. 96, 103, 104
Новоселов А.Е. 54, 55, 239
Нокс А.У. 61, 77, 100, 102, 239
Носович В.П. 239
Окороков А.М. 240
Окулич И.К. 88, 89, 101, 118
Павлов 32, 45
Павлу Богдан 43-45, 53, 62
Палеолог С.Н. 240
Парамонов 130

Патек 174
Патушинский Г.Б. 43, 241
Пепеляев А.Н. 240
Пепеляев В.Н. 61, 72, 73, 101,
105-111, 113, 115-117, 240
Перейра Норман Г.О. 118-120
Перс 189
Петелин 113
Петлюра С.В. 144
Петров Н.И. 43, 83, 86
Пешехонов А.В. 240
Пилсудский Юзеф 160, 162
Пильца А.И. 240
Пишон Стефан Жан Мери 39,
156, 240
Плеханов Г.В. 18, 62
Покровский Г. 181
Покровский М.Н. 37, 39
Покровский В.Л. 24
Полнер Т.И. 189, 211, 112
Поляков Ю.А. 122, 180
Потресов А.Н. 241
Престон 45
Прокопович-Кускова Е.Д. 129,
180, 241
Пятеркин А. 27
Раков Д.Ф. 37
Раскольников Ф. 19, 64
Рикс 151
Роговский Е.Ф. 31, 74, 241
Родзянко М.В. 163
Розанов С.Н. 74, 104, 241
Романовский И.П. 124, 126,
140, 242
Рут Э. 188
Рыков А.И. 47
Саввин В.Н. 242
Савинков Б.В. 125, 130, 172,
184, 191, 192, 209, 242
Савич Н.В. 165
Сазонов С.Д. 89, 190, 191, 193,
199, 201, 209, 210, 242
Сапожников В.В. 52, 86, 87
Сахаров К.В. 100, 103, 111, 242
Свердлов Я.М. 15
Святицкий Н.В. 63, 67
Семенов Г.И. 48, 49
Семенов Г.М. 72, 89, 98, 111,
112, 197, 242
Серебренников И.И. 51, 57, 60,
62, 67, 82, 86, 119, 243
Серебряков Л.П. 48
Сидорин В.И. 243
Скоропадский П.П. 243
Смирнов 86
Смирнов Н.И. 114, 115
Соколов А.К. 219
Соколов К.Н. 132, 134, 135,
155, 156, 164, 165, 175, 177,
180-182, 205, 212
Спиридонова М.А. 20
Спирин Л.М. 118
Сталин И.В. 3, 48, 49, 179, 215,
217
Старинкевич С.С. 83, 86, 87,
243
Стахович 183
Степаненко Г.М. 244
Степанов В.А. 169, 171, 243
Степанов Н.А. 86, 87, 244
Стивенс Дж. 100
Струве П.Б. 128, 131, 191, 244
Суворин Борис 130, 180
Суккин И.И. 86, 98, 101, 244
Сыровой Я. 40, 244
Сычев 112
Танака Г. 244
Таскин С.А. 245
Тельберг Г.Г. 245
Тимирева А.В. 73, 84, 85, 108,
115
Тимофеев Е.М. 27, 46, 66, 245
Титов А.А. 191, 210, 245
Тихменев А. 245
Тихменев Н.М. 245
Третьяк С.М. 83
Третьяков С.Н. 106, 107, 193,
245
Троцкий Л.Д. 18, 49, 70, 114,
215
Трубецкой Г.Н. 128, 129, 131,
151-153
Трубчанинов 113
Турунов А.Н. 66
Тяжелникова В.С. 219

Уншлихт И.С. 49	Чернов В.М. 4, 5, 8-12, 14-22, 24, 26, 28, 29, 44, 46, 47, 50, 57-59, 62-64, 66, 67, 215, 247
Устругов Л.А. 74, 86	Черномырдин В.С. 218
Устрялов Н.В. 81, 94, 116, 118, 120	Черчилль Уинстон Леонард Спенсер 99, 101, 157, 172, 248
Утгоф 23	Чечек 40
Федоров М.М. 128, 129, 131, 169, 171, 205	Чудновский С.Г. 114
Фельдман М. 113	Шатилов Б.М. 43, 54, 55
Фенин 169	Швецов С.П. 15
Филатьев Д.З. 94, 119	Шептицкий 162
Филимонов А.П. 133, 246	Шиллинг 162
Филлиповский В.Н. 35, 36, 46, 50	Ширямов А.В. 120
Фон-Гойер Л.В. 246	Шкуро А.Г. 248
Фортунатов Б.К. 28	Шокров 44
Фош Фердинанд 246	Шульгин В.В. 128, 129, 132, 144, 248
Фундаминский (Фондаминс- кий) И.А. 246	Шумиловский Л.И. 73, 75, 76, 83, 88, 112, 248
Ханжин М.В. 112, 246	Шелихин С.А. 248
Хольман 157, 159	Шепкин Н.Н. 24, 25, 249
Хорват Д.Л. 72, 74, 246	Шербачев Д.Г. 204, 248
Церетели И.Г. 20	Шукин Н.Н. 87
Цюрупа А.Д. 49	Энно Э. 249
Чайковский Н.В. 52, 54, 177, 184, 190-193, 199, 201, 209- 211, 246	Юденич Н.Н. 94, 97, 192, 204, 249
Чебышев Н.Н. 247	Юренев П.П. 249
Челищев В.Н. 163, 169, 171, 247	Юрченко В. 171
Чемберлин Вильям 121	Якушев И.А. 54, 104, 249
Червен-Водали А.А. 105-109, 111, 112, 247	Ячевский М.Э. 108

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
<i>Глава первая. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА БОЛЬШЕВИЗМУ</i>	8
Борьба за Учредительное собрание	11
Самарское правительство	23
Уфимская капитуляция демократии	50
<i>Глава вторая. ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ РОССИИ</i>	68
«Слишком честен, слишком тонок, слишком “хрупок” адмирал Колчак для “героя” истории»	70
Совет министров.....	83
Крушение власти	104
<i>Глава третья. ДИКТАТУРА ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА</i>	121
Триумвират	123
«Рядом с Вами остаются только бездарности»	134
«Без помощи союзников победить большевиков невоз- можно»	154
«Если не поздно, нужно менять курс»	162
<i>Глава четвертая. РУССКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОВЕ- ЩАНИЕ</i>	183
Антибольшевистский треугольник: Омск-Екатеринодар- Париж	184
Ллойд-Джордж приглашает князя на Принцевы острова ..	194
Политическое совещание добывается помощи антиболь- шевистским правительствам	202
Экспедиция Политического совещания в Екатеринодар ...	204
Закрытие Русского политического совещания	209
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	213
ПРИЛОЖЕНИЕ	220
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	250

Г. А. Трукан
АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ

Компьютерная верстка:
Андреанова Л. П.

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН
ЛР № 020768 от 15.04.98

Подписано в печать 19.12.2000. Формат 60×88¹/₁₆. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 13,2.
Тираж 500 экз. Заказ 7664

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86